

Содержание

Прогнозы и риски африканского развития

Устюжанин В. В., Зинькина Ю. В., Коротаев А. В.
К вероятностному прогнозированию экономического будущего Африки 3

Медведев И. А., Устюжанин В. В., Зинькина Ю. В., Черноморченко И. Ю.,
Коротаев А. В.
**Опыт оценки рисков крупномасштабной вооруженной политической де-
стабилизации в странах Африки с использованием методов машинного
обучения** 18

Коротаев А. В., Медведев И. А., Зинькина Ю. В.
**К ранжированию факторов крупномасштабной вооруженной политической
дестабилизации в странах Африки методами машинного обучения** 45

Соперничество глобальных и региональных игроков в Африке

Хайруллин Т. Р., Коротаев А. В.
Схватка за Сомали 69

Гринин А. Л., Гринин Л. Е., Коротаев А. В.
**Африканский аспект борьбы за новый мировой порядок. Подъем Африки
и усиление соперничества за нее** 87

Проблема нестабильности и пути ее решения

Костелянец С. В.
От революции к войне: трудности суданского политического транзита 113

Жамбиков А. М.
**О распространении религиозного экстремизма и терроризма в Западной
Африке** 125

Ключников М. И., Шипилов А. Ю.
Этнополитические конфликты в Эфиопии на современном этапе 144

Денисова Т. С.
Военно-политический конфликт в бассейне озера Чад 152

Contents and Abstracts 166

Наши авторы 172

К сведению авторов

Ведущие темы публикаций журнала «История и современность»: история цивилизаций и народов; теоретические проблемы истории; основные проблемы современности; связь общества и природы. В журнале также публикуются библиографические обзоры и рецензии, информация о событиях научной жизни.

Направляемые в журнал статьи и материалы следует оформлять в соответствии с правилами, принятыми в журнале:

Объем рукописи статьи не должен превышать 1,5 п. л. (или 48 тыс. знаков включая пробелы) вместе со сносками и библиографией, для раздела «Рецензии» – не более 0,4 п. л. (или 16 тыс. знаков включая пробелы).

Материалы должны передаваться в редакцию в электронном виде (на диске, по электронной почте или через специальную форму на сайте www.socionauki.ru). Рукопись должна быть напечатана через 1,5 интервала (кегель 14); сноски подстрочные (кегель 8);

все знаки, которые не могут быть напечатаны, должны быть внесены в текст в виде интегрированных в файл формата Word рисунков. То же касается таблиц, схем, графиков, рисунков и др. иллюстраций, которые также должны быть даны отдельно в расширении *.jpg, пронумерованы и озаглавлены. Графики и рисунки могут быть напечатаны в журнале только в черно-белом варианте;

ссылка на библиографические источники в тексте оформляется следующим образом: (фамилия год: страница), например: (Ляхов 1984: 71; Рыбаков 1963: 32, 183), (Шабундо 1998; 2000; 2003: 118); при ссылке на более чем один источник следует придерживаться либо алфавитного, либо хронологического порядка;

список использованной литературы дается в конце статьи; все **источники** следует снабдить библиографическими ссылками, оформленными по следующему образцу:

Туроу, Л. К. 1999. *Будущее капитализма. Как сегодняшние экономические силы формируют завтрашний мир*. Новосибирск: Сибирский хронограф. 430 с.

Воронов, А. М. 1992. Оценка региональных изменений гидроклиматических условий Европейской территории СССР по историческим данным. *Водные ресурсы* 4: 97–105.

Шнишков, Ю. В. 2003. Мировоззственный механизм: движение к глобализации. В: Королев, И. С. (ред.), *Мировая экономика: глобальные тенденции за 100 лет*. М.: Экономистъ. С. 25–47.

Кузищин, В. И. (ред.) 2012. *История Древнего Востока*. М.: Высшая школа. 384 с.

Крюков, М. В. 1988. Древний Китай. В: Кузищин 1988: 350–394.

Оформление ссылок на **интернет-ресурсы** см. на странице нашего журнала на сайтах: www.uchitel-izd.ru; www.socionauki.ru

Публикуемые материалы могут не отражать точку зрения учредителя и редакции. Представляя в редакцию рукопись статьи, автор берет на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции. Статьи, имеющие признаки сгенерированных (написанные с помощью нейросети), к публикации в журнале не допускаются.

К рукописи прилагаются: резюме статьи на русском и английском языках (1000–1800 знаков), ключевые слова (8–10), авторская справка: Ф. И. О. (полностью), ученая степень и звание, место работы и должность; а также данные для связи с автором: адрес, номера телефонов (служебный и домашний), электронный адрес.

Адрес редакции журнала «История и современность»:

109202, Москва, ул. Басовская, д. 16.

Контактные телефоны: (8442) 42-17-71 (доб. 129), 42-04-08.

E-mail: jurnal-uch@mail.ru, leonid.grinin@mail.ru

Адрес издательства «Учитель»:

400079, Волгоград, ул. Кирова, 143.

Контактный телефон: (8442) 42-17-71.

Сайт: <http://www.socionauki.ru>

ПРОГНОЗЫ И РИСКИ АФРИКАНСКОГО РАЗВИТИЯ

В. В. УСТЮЖАНИН, Ю. В. ЗИНЬКИНА,
А. В. КОРОТАЕВ

К ВЕРОЯТНОСТНОМУ ПРОГНОЗИРОВАНИЮ ЭКОНОМИЧЕСКОГО БУДУЩЕГО АФРИКИ*

Построены вероятностные прогнозы динамики ВВП на душу населения в ряде стран Восточной, Южной, Западной и Центральной Африки. На первый взгляд, полученные прогнозы вполне согласуются с оптимистическими представлениями об африканском развитии. Однако их реализация не гарантирована в силу действия ряда факторов и трендов. В первую очередь это тренд достаточно медленного снижения рождаемости во многих рассмотренных странах. Если последним не удастся добиться ускорения, это может существенно снизить эффект от столь ожидаемого «демографического дивиденда» и представлять угрозу для достижения устойчивого роста ВВП на душу населения. Весьма угрожающим следует признать тренд крайне медленного роста производительности труда в сельском хозяйстве, препятствующий улучшению положения трудоустроенного в этом секторе населения, что может способствовать росту неравенства по мере того, как увеличивается производительность труда в современных секторах, и повышать риски дестабилизации.

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 24-18-00650).

Для цитирования: Устюжанин, В. В., Зинькина, Ю. В., Коротаев, А. В. 2024. К вероятностному прогнозированию экономического будущего Африки. *История и современность* 3: 3–17. DOI: 10.30884/iis/2024.03.01.

For citation: Ustyuzhanin, V. V., Zinkina Yu. V., Korotayev, A. V. 2024. Towards Probabilistic Forecasting of Africa's Economic Future. *Istoriya i sovremennost' = History and Modernity* 3: 3–17 (in Russian). DOI: 10.30884/iis/2024.03.01.

История и современность, № 3, сентябрь 2024 3–17

DOI: 10.30884/iis/2024.03.01

Ключевые слова: Африка, Африканский банк развития, ВВП, человеческий капитал, ИЧЖ, демографический дивиденд, снижение рождаемости, экономический рост.

Введение

Первые десятилетия XXI в. ознаменовались улучшением многих экономических показателей стран Африки южнее Сахары (Гринин, Коротаев 2024; Гринин и др. 2024; Grinin, Korotayev 2024). К примеру, темпы экономического роста этого региона в целом оставались положительными на протяжении всего периода с начала этого столетия до 2023 г. (за исключением 2020 г., экономический спад в котором носил глобальный характер и был связан с пандемией COVID-19). Африканский банк развития оценил темпы роста ВВП Африки в целом в 3,8 % в 2022 г., что превысило среднемировой показатель (3,4 %) в том же году. Все, кроме двух, африканские страны продемонстрировали положительные темпы роста. Эксперты Африканского банка развития отметили, что, «[н]есмотря на значительные препятствия, Африка также продемонстрировала замечательную устойчивость, что подтверждается прогнозируемой консолидацией экономического роста в среднесрочной перспективе. Перспективы остаются позитивными и стабильными, с прогнозируемым восстановлением до 4 % в 2023 г. и дальнейшей консолидацией до 4,3 % в 2024 г. Наши прогнозы показывают, что в 18 африканских странах темпы роста превысят 5 % в 2023 г., а в 2024 г. их число, как ожидается, увеличится до 22» (African Development Bank 2023: iii). В целом, по данным на период с 2018 по 2022 г., из 30 стран мира с наиболее высокими темпами экономического роста 20 составляли африканские государства (Гринин и др. 2024).

Такая картина ставит перед исследователями и лицами, принимающими решения, сразу несколько вопросов: в частности, какова вероятность, что такой рост продолжится? Каковы основные тренды развития африканских стран, способные существенно повлиять на динамику экономического роста или даже в значительной степени определить, задать ее? В настоящей работе делается попытка ответить на эти вопросы на основе построения и интерпретации страновых вероятностных прогнозов динамики ВВП на душу населения для ряда африканских государств.

Данные и методы

Модель

В качестве модели для оценки ВВП было использовано следующее уравнение, которое оценивалось методом наименьших квадратов. При этом в модель были включены фиксированные эффекты на страну, чтобы заблокировать не изменяющуюся во времени вариацию, не учитываемую демографическими факторами:

$y_{i,t} = \alpha_i + \rho y_{i,t-1} + \beta_1 L_{i,t-1} + \beta_2 H_{i,t-1} + \beta_3 \Delta L_{i,t} + \beta_4 \Delta H_{i,t} + \xi_{i,t}$, где $y_{i,t}$ – это ВВП в год t в стране i , α_i – это страно-специфическая константа (то есть у каждой страны своя константа из-за включения в модель дамми-переменных для каждой из стран), $L_{i,t-1}$ – численность трудовых ресурсов, $H_{i,t-1}$ – уровень человеческого капитала, $\Delta L_{i,t}$, $\Delta H_{i,t}$ – изменения в % этих факторов соответственно, ρ , β_1 , β_2 , β_3 , β_4 – оцениваемые параметры. При этом ошибка $\xi_{i,t}$ может быть представлена следующим образом:

$$\xi_{i,t} = \sum_k \phi_k \xi_{i,t-k} + \varepsilon_{i,t},$$

где ϕ_k – это авторегрессионный коэффициент порядка k для ошибки в момент времени $t - k$ (число таких лагов оценивается далее эмпирически), а $\varepsilon_{i,t}$ – это случайная ошибка, для которой выполняются условия Гаусса – Маркова:

$$\varepsilon \stackrel{\text{iid}}{\sim} N(0, \sigma^2), \mathbb{E}(\varepsilon|\mathbf{X}) = 0, \xi \sim N(0, \Sigma).$$

Таким образом, модель предполагает наличие автокорреляции в ошибках внутри каждой страны.

Наконец, ВВП, трудовые ресурсы и уровень человеческого капитала в модели логарифмированы¹.

¹ Отметим, что в настоящей работе нас прежде всего интересует ВВП на душу населения (в натуральном масштабе), тогда как зависимая переменная в модели – это натуральный логарифм ВВП. Существует проблема, что, хотя полученные моделью оценки являются несмещенными, трансформированная оценка будет смещена (Railey 2017). Однако известно (см., например: King 1998: 48, 70–80), что оценки, полученные методом максимального правдоподобия, инвариативны к трансформациям. В свою очередь, представленная модель оценивается через МНК, который при этом дает те же оценки, что и максимальное правдоподобие ($\hat{\theta}^{OLS} = \hat{\theta}^{ML}$, $Var(\hat{\theta}^{OLS}) = Var(\hat{\theta}^{ML})$), поэтому полученные МНК оценки также инвариативны к трансформациям, и, следовательно, мы можем получить (при прочих равных) состоятельные оценки ВВП на душу населения, трансформируя полученные из модели значения логарифмированного ВВП.

Отметим, что неопределенность в прогнозе на основе представленной модели будет учитываться на двух уровнях: систематическая и стохастическая неопределенность. Систематическая неопределенность – это вариация оцененных коэффициентов (как в основной модели, так и в модели остатков). Второй компонент – это стохастическая неопределенность, которая в рамках представленной модели зависит от оцененной ошибки ε и неопределенности в прогнозах ООН (см. далее), которые взяты за основу. Для того чтобы учесть оба компонента неопределенности, мы использовали симуляции. Для каждой страны проводится 1000 симуляций, в каждой из которых симулируются коэффициенты (из основной модели и модели остатков), а также прогнозные значения независимых переменных. Последние в каждый момент времени для каждой страны имеют свое распределение: ООН дает медианный вероятностный прогноз и 95 %-ный доверительный интервал к нему. Предполагая распределение прогноза нормальным, для каждой симуляции мы генерируем проекцию.

Таким образом, алгоритм создания прогноза j можно описать следующим образом:

1. Генерируется вектор коэффициентов $\theta = (\alpha_i, \rho, \beta_1, \beta_2, \beta_3, \beta_4)$ из основной модели из многомерного нормального распределения:

$$\theta = N(\hat{\theta}, \hat{\Sigma}(\theta)).$$

2. Генерируется вектор коэффициентов $\phi = (\phi_1, \dots, \phi_k)$ из модели остатков из многомерного нормального распределения:

$$\phi = N(\hat{\phi}, \hat{\Sigma}(\phi)).$$

3. Генерируется население для годов прогноза t для страны i на основе вероятностного прогноза ООН (заданного его медианой, верхней и нижней границей 95 % доверительного интервала), из которого считаются все независимые переменные:

$$pop_{j,i,t} = N(\text{median}_{i,t}, \text{Var}(\text{median}_{i,t})).$$

4. Оценивается модель ошибок и основная модель по полученным прогнозным данным $pop_{j,i,t}$ и коэффициентам θ, ϕ для симуляции j .

После создания достаточного числа симуляций в качестве среднего прогноза используется простое среднее:

$$\bar{y}_{i,t} = \frac{1}{N} \sum_j^N y_{i,t}^j.$$

При этом в качестве меры неопределенности используются 5 % и 90 % получившегося распределения $y_{i,t}$. Однако для расчета таких перцентилей используется *bias corrected and accelerated method* (см.: Efron 1987), который перед расчетом самих перцентилей корректирует распределение, делая его симметричным (и тем самым приближенным к нормальному). Все расчеты сделаны на языке программирования R (R Core Team 2023) с использованием пакета *demor* (Ustyuzhanin 2024) для демографических расчетов.

Данные

В качестве источника для зависимой переменной были использованы данные Всемирного банка (World Bank 2024a) – это ВВП в постоянных долларах 2021 г. по ППС.

В качестве источника данных по независимым переменным были использованы данные Отдела народонаселения ООН с оценкой и проекциями основных демографических индикаторов от 2024 г. (United... 2024). Численность трудовых ресурсов мы операционализируем как число людей в возрасте от 15 до 65 лет.

В качестве операционализации для человеческого капитала будет использован *Human Life Indicator* (HLI). Выбор в пользу этого показателя, а не более распространенного Индикатора человеческого развития обусловлен вполне обоснованной критикой последнего – в частности, одним из важных пунктов критики явилось то, что ни по одному из трех компонентов ИЧР не учитывает внутристрановое (а также отчасти и межстрановое) неравенство, которое может быть весьма значительным и существенно отражаться на реальном уровне человеческого развития различных групп в составе населения страны (Шульгин, Зинькина 2021).

Эти соображения мотивировали группу исследователей на разработку альтернативного подхода к оценке уровня человеческого развития и благополучия. Индикатор человеческой жизни (ИЧЖ, *Human Life Indicator*) – это показатель, отражающий уровень благополучия в терминах лет жизни (аналогично показателю ожидаемой продолжительности жизни), но при этом учитывающий уровень неравенства в продолжительности жизни. Две страны с одинаковой ожидаемой продолжительностью жизни при рождении могут иметь разный ИЧЖ (Ghislandi *et al.* 2019; Sanderson, Scherbov 2019).

Страна с меньшим неравенством в продолжительности жизни будет иметь более высокий ИЧЖ. Доступность данных о смертности дает возможность использовать ИЧЖ для межстранового и меж-

регионального сопоставления уровня благополучия населения, а также сопоставления исторических траекторий развития обществ. Динамика ИЧЖ во времени и его пространственное распределение позволяют количественно оценивать происходящие социальные, экономические и политические процессы.

Полученные прогнозы будут сопоставлены с прогнозами экономического развития, выполненными Международным валютным фондом (МВФ) в апреле 2024 г. (International... 2024), которые дают единый прогноз без учета неопределенности, и прогнозами Института показателей и оценки здоровья (ИМЭ) от 2020 г. (Global... 2024). При этом прогнозы от ИМЭ по своей методологии похожи на представленные в данной работе, потому что тоже во многом опираются на демографические данные, используют симуляционный подход (см. приложение к Chang *et al.* 2019) и дают среднюю, нижнюю и верхнюю траектории.

Для того чтобы прогнозы были сопоставимы между собой, они переведены в доллары 2021 г. по ППС (ИМЭ использует доллары 2020 г. по ППС, а МВФ – доллары 2017 г. по ППС) за счет линейной подгонки данных с 2000 по 2020 г. с включением фиксированных эффектов на страну и страноспецифических эффектов между страной и ВВП (итоговый коэффициент детерминации для долларов МВФ и ИМЭ около 0,99). Итоговая неопределенность в конверсии изначальных долларов учитывается при сравнении.

Результаты

Модель

Таблица

Эконометрическая модель			
	Мир: ВВП, ln	Мир без Африки: ВВП, ln	Африка: ВВП, ln
ВВП, ln, t-1	0,941*** (0,008)	0,930*** (0,013)	0,903*** (0,019)
Трудовые ресурсы, ln, t-1	0,018 (0,012)	0,008 (0,012)	0,105** (0,037)
Человеческий капитал, ln, t-1	0,127*** (0,022)	0,278*** (0,068)	0,055* (0,026)

Окончание табл.

	Мир: ВВП, ln	Мир без Африки: ВВП, ln	Африка: ВВП, ln
Изменение трудовых ре- сурсов (%)	0,009*** (0,002)	0,009*** (0,002)	0,011*** (0,002)
Изменение человеческого капитала (%)	0,001+ (0,000)	0,005*** (0,001)	0,001 (0,000)
Num.Obs.	6331	4639	1692
R2 Adj.	0,973	0,973	0,975
Country-FE			

Примечание: $p < 0.001$, $p < 0.01$, $p < 0.05$; в скобках даны устойчивые к гетероскедастичности (НСЗ) стандартные ошибки

Прогнозы

Ниже будут представлены полученные вероятностные экономические прогнозы в сравнении с прогнозами ИМЭ и МВФ по некоторым странам Восточной Африки (рис. 1), Южной Африки (рис. 2), Западной и Центральной Африки (рис. 3).

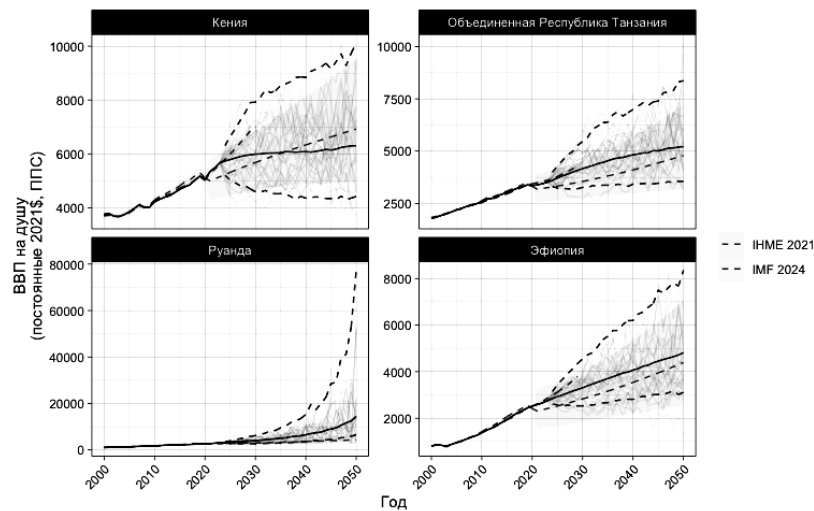

Рис. 1. Прогноз ВВП на душу населения для некоторых стран Восточной Африки

Примечание: единицы измерения – международные 2021\$, ППС; прогноз основан на 1000 симуляций, показаны только 25; 90 %-ные доверительные интервалы представлены в виде пунктирных линий.

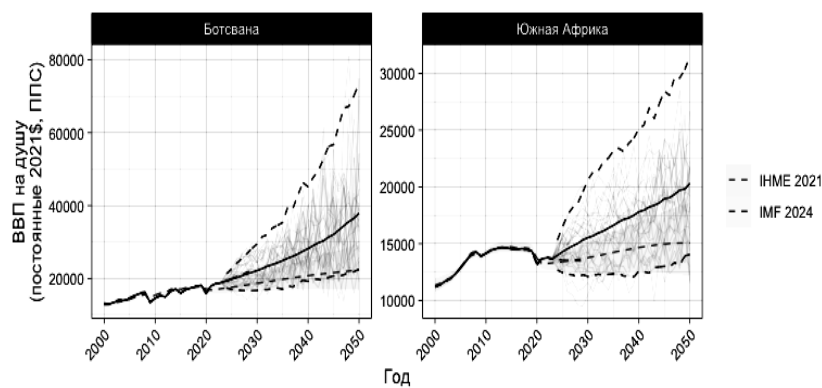

Рис. 2. Прогноз ВВП на душу населения для некоторых стран Южной Африки

Примечание: единицы измерения – международные 2021\$, ППС; прогноз основан на 1000 симуляций, показаны только 25; 90 %-ные доверительные интервалы представлены в виде пунктирных линий.

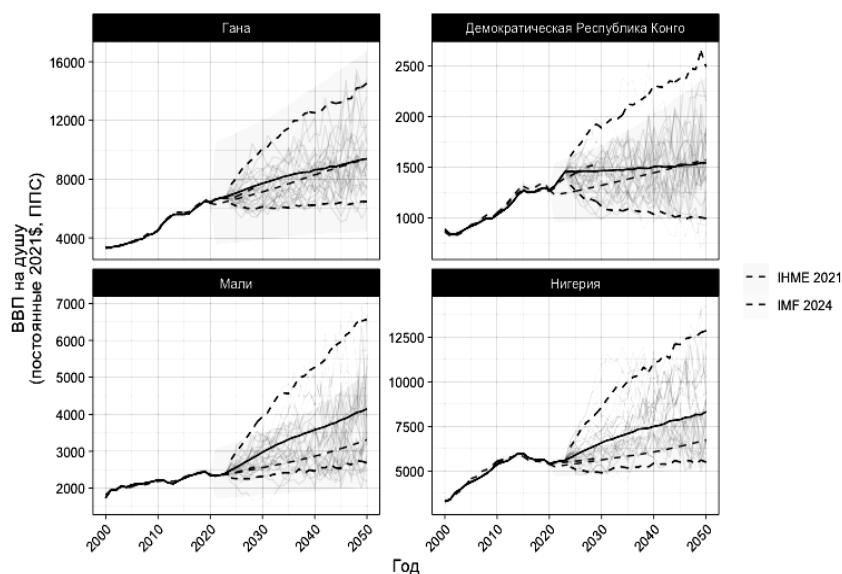

Рис. 3. Прогноз ВВП на душу населения для некоторых стран Западной и Центральной Африки

Примечание: единицы измерения – международные 2021\$, ППС; прогноз основан на 1000 симуляций, показаны только 25; 90 %-ные доверительные интервалы представлены в виде пунктирных линий.

Обсуждение

На первый взгляд, полученные прогнозы вполне согласуются с многочисленными работами, подмечающими достаточно оптимистические явления и тенденции в экономиках африканских стран, такие как формирование африканского среднего класса (Lufumpa 2014; Mubila, Ben Aissa 2011; Ncube, Lufumpa 2014; Thurlow *et al.* 2015; Kodila-Tedika *et al.* 2016; Mercer, Lemanski 2020), цифровизация африканских экономик (Myovella *et al.* 2020; Balogun *et al.* 2022) и общий тренд подъема Африки (Duarte 2021; Lopes, Kararach 2019; Goldstone, May 2023; Grinin, Korotayev 2024).

В первую очередь отметим, что, согласно полученным вероятностным прогнозам, все рассмотренные страны ожидает значительный рост ВВП на душу населения – кроме ДРК, где прогнозируемое увеличение данного показателя оказывается минимальным. Однако это ни в коем случае не означает, что все рассмотренные страны непременно увеличат свой подушевой ВВП так, как это показано на графиках – такой рост не гарантирован. Реальная динамика подушевого ВВП может оказаться как выше, так и ниже прогнозной, это зависит от реализации экономической политики. Впрочем, и ДРК вовсе не обречена на экономическую стагнацию. Наши прогнозы скорее говорят о том, что добиться заметного экономического роста этой стране будет значительно сложнее, чем другим рассмотренным африканским странам.

Какие тренды могут оказать влияние на рост подушевого ВВП?

Нам представляется, что одну из ключевых ролей здесь может сыграть динамика демографических показателей, в особенности рождаемости. Действительно, в последние годы появилось достаточно много работ, упоминающих в связи с перспективами африканского экономического роста феномен «демографического дивиденда» (или «демографического бонуса») (см., например: Константинова 2020а, 2020б; Коротаев, Шульгин и др. 2022).

Он представляет собой сочетание высокой доли населения трудоспособного возраста и низкого коэффициента демографической нагрузки (невысокой доли населения в нетрудоспособных возрастах, как малолетних, так и пожилых) (см., например, классическую работу [Bloom *et al.* 2003]). Широкую известность получили исследования, показавшие значительную роль демографического дивиденда в экономическом чуде восточноазиатских стран (Bloom, Williamson 1998; Bloom *et al.* 2000).

Напротив, отсутствие демографического бонуса и высокий коэффициент демографической нагрузки из-за многочисленности детских и молодежных когорт (вследствие крайне медленного снижения рождаемости на фоне заметного снижения смертности, в особенности младенческой и детской) обусловили примерно 2/3 экономического отставания Тропической Африки от остального развивающегося мира (соответствующие расчеты представлены в работе специалистов Всемирного банка: Ndulu *et al.* 2007; см. также: Bloom, Sachs 1998).

Однако, как показывают наши прошлые расчеты, в разных странах Африки масштаб возможного положительного влияния демографического дивиденда на экономику различен. Так, для ЮАР потенциал для получения демографического дивиденда практически исчерпан. Даже самое быстрое дальнейшее снижение рождаемости может увеличить темп экономического роста лишь на 10 % (0,2 п. п.).

Эфиопии в последнее время удалось значительно (по африканским меркам) снизить рождаемость, что отчасти объясняет чрезвычайно высокие темпы экономического роста в 2010-е гг. (особенно для страны, не очень богатой полезными ископаемыми). Однако демографический бонус там ближе к исчерпанию, чем в других странах.

Близкая к Эфиопии ситуация наблюдается в Малави. Еще большие перспективы получения демографического бонуса существуют у стран Восточной Африки, таких как Уганда, Танзания и Мозамбик. В этих странах программы ускоренного снижения рождаемости могут дать около 53 % к темпам экономического роста (около 2,5 дополнительных п. п.).

Для Нигерии и Нигера разница в темпах роста наиболее отчетлива и демографический бонус наиболее серьезен. Ускоренное снижение рождаемости может увеличить экономический рост в Нигерии более чем в полтора раза (Коротаев, Шульгин и др. 2022).

Однако получения демографического бонуса можно ожидать только в случае ускоренного продолжения снижения рождаемости, более того, его масштабы зависят от скорости падения рождаемости. Кроме того, для получения демографического бонуса необходимы определенные экономические условия, такие как устойчивый уровень производительности и занятости (Иванов 2020). Однако внедрение этих мер не является само собой разумеющимся; возможен сценарий, при котором они внедрены не будут.

Демографические тренды могут оказывать значимое влияние на динамику подушевого ВВП и другими способами. Например, если быстрый рост населения продолжится, многие африканские страны могут столкнуться с серьезной социально-политической нестабильностью, которая будет препятствовать притоку иностранного (в том числе российского) капитала, получению инвестиций и в конечном итоге будет замедлять темпы роста подушевого ВВП или даже делает их отрицательными (ср.: Коротаев, Устюжанин и др. 2022; Korotayev *et al.* 2023).

Одним из механизмов, через которые быстрый рост населения может отрицательно воздействовать на социально-политическую стабильность, является возрастание демографического давления на землю и обострение конкуренции за земельные ресурсы, что чрезвычайно актуально для многих африканских стран, где значительная часть населения все еще занята в сельском хозяйстве, которое к тому же остается весьма низкопроизводительным. Остановимся на этом подробнее.

Дело в том, что во многих африканских странах наблюдается колоссальный разрыв в производительности современных экономических секторов (ИКТ, финансовая и банковская деятельность, коммерческое сельское хозяйство, добыча полезных ископаемых), с одной стороны, и мелкомасштабного сельского хозяйства – с другой (Korotayev, Zinkina 2015). Так, производительность труда в сельском хозяйстве, лесоводстве и рыболовстве в 2022 г. составила в Эфиопии менее 900 постоянных долларов 2015 г. на одного работника в год, в Танзании – 870 долларов, в Нигере – 863 доллара (World Bank 2024b).

Ситуация осложняется тем, что в высокопроизводительных секторах трудоустроено меньшинство населения, в то время как доля занятых в натуральном сельском хозяйстве остается очень высокой – 63 % в Эфиопии, 66 % в Танзании, 71 % в Нигере (*Idem* 2024c). Соответственно, даже от высоких по мировым меркам темпов экономического роста различные группы населения (трудоустроенные в разных секторах экономики) выигрывают и улучшают свое социально-экономическое положение в очень разной степени; значительной части населения достаются лишь минимальные улучшения.

Заключение

Хотя построенные нами вероятностные прогнозы экономического развития ряда африканских государств позволяют говорить

о достаточно значительном увеличении подушевого ВВП в большинстве исследованных стран в ближайшей и среднесрочной перспективе, их не следует однозначно интерпретировать в русле поддержки нарратива *Africa Rising*. Да, рост подушевого ВВП вероятен, а при применении грамотной экономической политики он может оказаться даже бóльшим, чем прогнозируется в основном варианте наших расчетов. Однако опыт развития многих африканских стран в последние десятилетия показывает, что экономические блага, генерируемые даже очень высокими темпами роста экономики, далеко не обязательно трансформируются в улучшение социально-экономического положения большинства населения (особенно занятого в мелкомасштабном сельском хозяйстве, которое остается крайне низкопроизводительным, но при этом во многих странах по-прежнему является самым крупным сектором экономики по числу занятых). Более того, получение демографического дивиденда африканскими государствами в ближайшем будущем также не является автоматическим, поскольку потребует не только достаточно быстрого снижения рождаемости, но и целенаправленной экономической политики по созданию массы новых рабочих мест для многочисленной молодежи, выходящей на рынок труда, а также по повышению человеческого капитала этой молодежи (в первую очередь за счет повышения не только охвата образованием различных уровней, но и качества этого образования).

Таким образом, можно выделить несколько трендов, способных оказать существенное влияние на экономическую динамику африканских стран. В первую очередь это тренд снижения рождаемости, замедление (а во многих странах – отсутствие ускорения) которого может существенно снизить эффект от столь ожидаемого «демографического дивиденда» и представлять угрозу для достижения устойчивого роста ВВП на душу населения. Весьма угрожающим следует признать тренд крайне медленного роста производительности труда в сельском хозяйстве, препятствующий улучшению положения трудоустроенного в этом секторе населения, что может способствовать росту неравенства по мере того, как увеличивается производительность труда в современных секторах.

Литература

Гринин, Л. Е., Гринин, А. Л., Коротаев, А. В. 2024. Африканский аспект борьбы за новый мировой порядок. Подъем Африки и усиление соперничества за нее. *История и современность 3*: 87–112.

Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В. 2024. Африка: геополитические мир-системные аспекты и возможности России. *Век глобализации 4* (в печати).

Иванов, С. Ф. 2020. Детерминанты и последствия демографических тенденций в Африке к югу от Сахары. *Ученые записки Института Африки РАН* 4: 55–76.

Константинова, О. В.

2020а. Сможет ли Африка воспользоваться демографическим дивидендом? *Экономические отношения* 10(2): 319–330.

2020б. Демографический дивиденд и региональная интеграция – основные факторы устойчивого развития Африки. В: Кирабаев, Н. С. (гл. ред.), *Африка: новая стратегическая реальность*: ежегодник. М.: РУДН. С. 121–122.

Коротаев, А. В., Устюжанин, В. В., Зинькина, Ю. В., Шульгин, С. Г., Гринин, Л. Е. 2022. К математическому моделированию политико-демографического будущего Африки. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Быканова, Д. А. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*: ежегодник. Волгоград: Учитель. С. 271–321. DOI: 10.30884/978-5-7057-6184-5_09.

Коротаев, А. В., Шульгин, С. Г., Зинькина, Ю. В., Слав, М. 2022. К оценке возможного экономического эффекта демографического дивиденда для стран Африки южнее Сахары для периода до 2036 года. *Восток* 2: 108–123.

Шульгин, С. Г., Зинькина, Ю. В. 2021. Оценка человеческого капитала в макрорегионах России. *Экономика региона* 17(3): 888–901.

African Development Bank. 2023. *African Economic Outlook 2023 Highlights. Mobilizing Private Sector Financing for Climate and Green Growth in Africa*. Tunis: AfDB.

Balogun, A. L., Adebisi, N., Abubakar, I. R., Dano, U. L., Tella, A. 2022. Digitalization for Transformative Urbanization, Climate Change Adaptation, and Sustainable Farming in Africa: Trend, Opportunities, and Challenges. *Journal of Integrative Environmental Sciences* 19(1): 17–37.

Bloom, D. E., Canning, D., Malaney, P. 2000. Demographic Change and Economic Growth in Asia. *Population and Development Review* 26 (suppl.): 257–290.

Bloom, D. E., Canning, D., Sevilla, J. 2003. *The Demographic Dividend: A New Perspective on the Economic Consequences of Population Change*. Population Matters Monograph MR-1274. Santa Monica: RAND.

Bloom, D. E., Sachs, J. D. 1998. Geography, Demography, and Economic Growth in Africa. *Brookings Papers on Economic Activity* 2: 207–295.

Bloom, D. E., Williamson, J. G. 1998. Demographic Transitions and Economic Miracles in Emerging Asia. *World Bank Economic Review* 12(3): 419–455.

Chang, A. Y., Cowling, K., Micah, A. E., Chapin, A., Chen, C. S. et al. 2019. Past, Present, and Future of Global Health Financing: A Review of Development Assistance, Government, Out-of-Pocket, and Other Private Spending on Health for 195 Countries, 1995–2050. *The Lancet* 393(10187): 2233–2260.

Duarte, C. 2021. Africa Goes Digital. *Finance and Development* March: 18–20.

Efron, B. 1987. Better Bootstrap Confidence Intervals. *Journal of the American Statistical Association* 82(397): 171–185.

Ghislandi, S., Sanderson, W. C., Scherbov, S. 2019. A Simple Measure of Human Development: The Human Life Indicator. *Population and Development Review* 45(1): 219–233.

Global Burden of Disease Collaborative Network. 2024. *Gross Domestic Product Per Capita 1960–2050 - FGH 2023*. Institute for Health Metrics; Evaluation. URL: <https://ghdx.healthdata.org/record/ihme-data/global-gdp-per-capita-1960-2050-fgh-2021>.

Goldstone, J. A., May, J. F. 2023. The Global Economy's Future Depends on Africa. *Foreign Affairs* May 18. URL: <https://www.foreignaffairs.com/africa/global-economys-future-depends-africa>.

Grinin, L., Korotayev, A. 2024. Africa – The Continent of the Future. Demographic and Economic Challenges and Opportunities. *World Futures* 80(1): 70–82. DOI: 10.1080/02604027.2024.2315262.

International Monetary Fund. 2024. *World Economic Outlook Database, April*. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2024/April/download-entire-database>.

King, G. 1998. *Unifying Political Methodology: The Likelihood Theory of Statistical Inference*. Ann Arbor: University of Michigan Press.

Kodila-Tedika, O., Asongu, S. A., Kayembe, J. M. 2016. Middle Class in Africa: Determinants and Consequences. *International Economic Journal* 30(4): 527–549.

Korotayev, A., Shulgin, S., Ustyuzhanin, V., Zinkina, J., Grinin, L. 2023. Modeling Social Self-Organization and Historical Dynamics. Africa's Futures. In Sadovnichy, V., Akaev, A., Ilyin, I., Malkov, S., Grinin, L., Korotayev, A. (eds.), *Reconsidering the Limits to Growth. A Report to the Russian Association of the Club of Rome*. Cham: Springer Nature. Pp. 461–490. DOI: 10.1007/978-3-031-34999-7_20.

Korotayev, A., Zinkina, J. 2015. East Africa in the Malthusian Trap? *Journal of Developing Societies* 31/3: 385–420. DOI: 10.1177/0169796X15590322.

Lopes, C., Kararach, G. 2019. *Structural Change in Africa: Misperceptions, New Narratives and Development in the 21st Century*. London: Routledge.

Lufumpa, C. 2014. *The Emerging Middle Class in Africa*. London: Routledge.

Mercer, C., Lemanski, C. 2020. The Lived Experiences of the African Middle Classes. Introduction. *Africa* 90(3): 429–438.

Mubila, M., Ben Aissa, M.-S. 2011. *The Middle of the Pyramid: Dynamics of the Middle Class in Africa. Market Brief*. Tunis: AfDB.

Myovella, G., Karacuka, M., Haucap, J. 2020. Digitalization and Economic Growth: A Comparative Analysis of Sub-Saharan Africa and OECD Economies. *Telecommunications Policy* 44(2): 101856.

Ncube, M., Lufumpa, C. (eds.). 2014. *The Emerging Middle Class in Africa*. London: Routledge.

Ndulu, B. J., Chakraborti, L., Lijane, L., Ramachandran, V., Wolgin, J. 2007. *Challenges of African Growth. Opportunities, Constraints, and Strategic Directions*. Washington, D.C.: The World Bank.

Rainey, C. 2017. Transformation-Induced Bias: Unbiased Coefficients do Not Imply Unbiased Quantities of Interest. *Political Analysis* 25(3): 402–409.

R Core Team. 2023. *R: A Language and Environment for Statistical Computing*. URL: <https://www.R-project.org/>.

Sanderson, W. C., Scherbov, S. 2019. *Prospective Longevity: A New Vision of Population Aging*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Thurlow, J., Resnick, D., Ubogu, D. 2015. Matching Concepts with Measurement: Who Belongs to Africa's Middle Class? *Journal of International Development* 27(5): 588–608.

United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division. 2024. *World Population Prospects 2024*. URL: <https://population.un.org/wpp/Download/Standard/MostUsed/>.

Ustyuzhanin, V. 2024. Demor: Basic Functions for Demographic Analysis. URL: <https://vadvu.github.io/demor/>.

World Bank

2024a. GDP, PPP, Constant 2021 International Dollars. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.PP.KD>.

2024b. Agriculture, Forestry, and Fishing, Value Added per Worker (Constant 2015 US\$). URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NV.AGR.EMPL.KD?view=chart>.

2024c. Employment in Agriculture (% of Total Employment) (Modeled ILO Estimate). URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SL.AGR.EMPL.ZS?view=chart>.

И. А. МЕДВЕДЕВ, В. В. УСТЮЖАНИН,
Ю. В. ЗИНЬКИНА, И. Ю. ЧЕРНОМОРЧЕНКО,
А. В. КОРОТАЕВ

**ОПЫТ ОЦЕНКИ РИСКОВ
КРУПНОМАСШТАБНОЙ ВООРУЖЕННОЙ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ
В СТРАНАХ АФРИКИ
С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ МЕТОДОВ
МАШИННОГО ОБУЧЕНИЯ***

В статье представлена оценка рисков крупномасштабной политической дестабилизации / гражданских войн в странах Африки с использованием методов машинного обучения. Основное внимание уделяется применению алгоритмов, в частности модели CatBoost, для анализа большого массива данных из междисциплинарных источников (экономических, социальных и политических). Выделяют категории стабильных стран и стран, испытывавших или испытывающих нестабильность. Наиболее высокие риски политической дестабилизации прогнозируются в обладающих природными ресурсами бедных странах крупных размеров с высокими темпами роста населения, низким уровнем урбанизации и распространения образования. Подтверждается, что наиболее стабильными являются малые и островные государства с однородным населением, а также страны Южной Африки, выделяющиеся низкой рождаемостью, высокой урбанизацией и уровнем образованности относительно остальных регионов Африканского континента. Особое внимание уделяется

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 24-18-00650).

Для цитирования: Медведев, И. А., Устюжанин, В. В., Зинькина, Ю. В., Черноморченко, И. Ю., Коротаев, А. В. 2024. Опыт оценки рисков крупномасштабной вооруженной политической дестабилизации в странах Африки с использованием методов машинного обучения. *История и современность* 3: 18–44. DOI: 10.30884/iis/2024.03.02.

For citation: Medvedev, I. A., Ustyuzhanin, V. V., Zinkina, Yu. V., Chernomorchenko, I. Yu., Korotayev, A. V. 2024. Experience in Assessing the Risks of Large-Scale Armed Political Destabilization in African Countries Using Machine Learning Methods. *Istoriya i sovremennost' = History and Modernity* 3: 18–44 (in Russian). DOI: 10.30884/iis/2024.03.02.

История и современность, № 3, сентябрь 2024 18–44

DOI: 10.30884/iis/2024.03.02

значению демографических факторов, подтверждающих актуальность теории «молодежных бугров» при анализе крупномасштабной политической дестабилизации в Африке. Утверждается, что наличие легкодоступных природных ресурсов, таких как золото или нефть, значительно увеличивает риски крупномасштабной политической дестабилизации в странах со слаборазвитыми политическими институтами.

Ключевые слова: Африка, дестабилизация, природные ресурсы, политические институты, молодежные бугры, риски дестабилизации, база данных.

Введение

В последние годы многие страны Африки закрепили за собой статус самых быстрорастущих экономик мира (см., например: Гринин и др. 2024). Высокие темпы экономического роста, формирование среднего класса, распространение образования разных уровней, ожидание «демографического дивиденда» по мере снижения рождаемости являются составными элементами этой картины (Коротаяев и др. 2022; Korotayev, Malkov, Musieva 2023).

Африканский континент богат природными ресурсами (полезные ископаемые и энергоресурсы), крайне востребованными в современной электронной промышленности и экономике. В Африке находится около трети мировых запасов полезных ископаемых (до 90 % хрома и платины, около 60 % мировых запасов алмазов, кобальта и марганца, около 40 % мировых запасов золота, значительные запасы урана и редкоземельных металлов) (Our... 2023; Guo *et al.* 2023; Nkoa *et al.* 2023). Вместе с тем страны континента обладают колоссальным потенциалом для использования ВИЭ (возобновляемых источников энергии) и создания новых энергетических мощностей на основе солнечной, ветровой, био- и гидроэнергетики, который прежде преимущественно не был доступен и не использовался в достаточной мере. Кроме того, Программа ООН по окружающей среде (ЮНЕП) и Инфраструктурный консорциум для Африки оценивают потенциал одной только Восточной Африки по использованию геотермальной энергии в 20 ГВт. Реализация подобного потенциала в совокупности с активной эксплуатацией залежей природного газа и других полезных ископаемых является значительным заделом для африканских стран на пути к достижению обеспечения стабильной и чистой электроэнергии, без которого затруднена реализация насущных для африканских стран модернизационных преобразований национальных экономик (Hafner

et al. 2018; Elbarbary *et al.* 2022). Все эти элементы совместно с имеющимися ресурсами создают огромный потенциал будущего развития (Коротаев и др. 2020, 2022; Морозенская, Калининченко 2022; Grinin, Korotayev 2024a; Ngounou *et al.* 2024).

Вместе с тем значительные запасы энергоресурсов, включая нефть и природный газ, сосуществуют в Африке с повсеместным использованием твердого биотоплива в качестве основного источника энергии, динамичное развитие сельского хозяйства – с непрекращающейся угрозой голода, вызванного нарушением поставок или засухой, а активное распространение высшего образования – с высоким уровнем неграмотности (Морозенская и др. 2024).

Из-за нехватки ресурсов и в некоторых случаях недостаточного внимания активные процессы модернизации происходят на фоне сохранения многих неразрешенных проблем. Быстрая модернизация значительно повышает риски дестабилизации в любой стране, но в Африке они оказываются еще выше вследствие сохранения ключевых вызовов и угроз: в настоящее время почти половина африканских стран сталкивается с дестабилизационными процессами. В результате активное развитие подталкивает страны континента к переворотам, революциям, гражданским войнам и другим проявлениям дестабилизации (Устюжанин и др. 2021, 2022; Голдстоун и др. 2022; Гринин, Коротаев 2024; Grinin, Korotayev 2024b). Так, с 2018 по 2023 г. в Африке было 45 уникальных крупномасштабных внутригосударственных вооруженных конфликтов, представленных гражданскими войнами и масштабными террористическими кампаниями, в то время как во всем остальном мире – всего 34 (Gleditsch *et al.* 2002; Davies *et al.* 2024). Не исключается возникновение крупномасштабных политических и демографических коллапсов в странах Африки южнее Сахары (АЮС), страны этого региона в целом имеют самую высокую вероятность вооруженных конфликтов в ближайшие десятилетия (Korotayev, Shulgin *et al.* 2023). Таким образом, в настоящее время обладающий огромным потенциалом развития Африканский континент продолжает оставаться и самым беспокойным, что требует исследовать локальные дестабилизационные процессы для их минимизации в дальнейшем.

Данные и методология

В последние десятилетия методы машинного обучения (ML) приобрели широкую популярность в области социального моделирования и прогнозирования благодаря их способности анализиро-

вать большие объемы данных и выявлять скрытые закономерности. В контексте предсказания гражданских войн эти методы оказываются особенно полезными, потому что они позволяют обрабатывать данные из множества источников, включая социальные сети, новости и базы данных по экономическим показателям. Машинное обучение предлагает инструменты обработки большого массива скоррелированных друг с другом переменных для прогнозирования событий, которые могут привести к масштабным политическим потрясениям.

Еще одной причиной выбора методов машинного обучения для этой задачи является их способность адаптироваться к меняющимся условиям и контекстам. События, ведущие к началу гражданских войн, часто характеризуются высокой степенью неопределенности и динамичностью. Алгоритмы машинного обучения, такие как нейронные сети и деревья принятия решений, могут обучаться на исторических данных и адаптироваться к новым данным. Это позволяет моделям обновляться и генерировать актуальные прогнозы даже при изменении политической или социально-экономической среды.

Наконец, методы машинного обучения позволяют интегрировать данные и методы из различных областей науки, таких как политология, социология и экономика. Это открывает возможности для создания более сложных моделей, которые учитывают широкий спектр факторов, влияющих на вероятность начала крупномасштабных политических потрясений. Таким образом, машинное обучение не только предоставляет инструменты для анализа, но и способствует более глубокому пониманию механизмов, стоящих за социально-политической дестабилизацией.

Отдельно стоит поговорить о способе получения результатов для нашего исследования. Как мы писали выше, в качестве основной методологии мы будем преимущественно использовать именно методы машинного обучения с помощью моделей класса *CatBoost*. О причинах выбора данной методологии мы говорили в предыдущих исследованиях (Медведев, Коротаев 2020; Medvedev *et al.* 2022). Здесь отдельно остановимся на задаче, стоящей перед нами в контексте предсказания нестабильности в африканских странах. В выборку стран вошли Ангола, Бенин, Ботсвана, Буркина-Фасо, Бурунди, Кабо-Верде, Камерун, Центральноафриканская Республика, Чад, Коморские Острова, Конго, Кот-д'Ивуар, Джибути, Экваториальная Гвинея, Эритрея, Эсватини, Эфиопия, Габон, Гамбия, Гана, Гвинея, Гвинея-Бисау, Кения, Лесото, Либерия, Мадагаскар, Мала-

ви, Мали, Маврикий, Мозамбик, Намибия, Нигер, Нигерия, Руанда, Сан-Томе и Принсипи, Сенегал, Сейшельские Острова, Сьерра-Леоне, Сомали, ЮАР, Южный Судан, Танзания, Того, Уганда, Замбия, Зимбабве, Египет, Ливия, Алжир, Тунис, Марокко, Мавритания, Судан.

В качестве основной базы данных мы будем использовать базу данных о внутристрановых вооруженных конфликтах UCDP (ее детальное описание см.: Sundberg *et al.* 2012). В ней используется формат данных вида «страна – конфликт – период». Для нашего исследования она была трансформирована в вид «страна – год». Такой формат представляется более удобным для задачи предсказания нестабильности, тем более что в перекодированном виде она без проблем совмещается с данными из других источников. Отдельно стоит отметить, что данные о конфликте учитывались нами за весь период его продолжения, а не только за год его начала.

Хронологические рамки исследования ограничены периодом с 1950 по 2021 г., так как по многим факторам, задействованным в модели, полноценные данные присутствуют именно за этот временной период.

Для модели мы использовали методы импутации пропущенных данных, так как модели машинного обучения достаточно чувствительны к ним. Методы множественной импутации данных (*Multiple Data Imputation*) играют ключевую роль в обработке пропущенных данных при анализе нестабильности, будь то политическая, экономическая или социальная нестабильность. Эти методы позволяют исследователям более точно оценивать модели и делать прогнозы, избегая искажений, вызванных отсутствием данных. В частности, множественная импутация обеспечивает более надежные результаты по сравнению с простыми методами, такими как удаление неполных наблюдений или заполнение средними значениями. Д. Рубин предложил подход множественной импутации, который заключается в создании нескольких полных наборов данных на основе вероятностной модели, что позволяет учесть неопределенность, возникающую из-за пропущенных данных (Rubin 1996).

В задачах предсказания нестабильности методы множественной импутации помогают восполнить пробелы в данных по политическим событиям, экономическим индикаторам и социальным переменным. Это особенно важно в контексте стран с низким уровнем сбора данных и в ретроспективных исследованиях, где полнота

и точность данных могут быть ограничены. Например, исследования, посвященные прогнозированию гражданских беспорядков, могут использовать множественную импутацию для восстановления недостающих данных по революциям, экономическим условиям или результатам опросов общественного мнения (King *et al.* 2001). Это позволяет моделям более эффективно использовать имеющиеся данные и улучшать предсказательную способность.

Кроме того, множественная импутация способствует улучшению интерпретации результатов и снижению риска получения предвзятых выводов. Когда мы анализируем риск политической нестабильности, то часто сталкиваемся с необходимостью учитывать множество переменных, которые могут быть неполными или неточными. Применяя методы множественной импутации, такие как *chained equations* или *Bayesian imputation*, можно значительно повысить достоверность и надежность оценок (Van Buuren 2018).

Эти методы улучшают не только качество данных, но и рекомендации, основанные на результатах моделирования, что критически важно для принятия решений в условиях неопределенности и нестабильности. Мы используем метод вставки данных через *chained equations* (подробнее см.: White *et al.* 2011). Данный метод позволяет не просто составить единичную импутацию, а использовать несколько вероятностных сценариев пропущенных данных. В нашем случае мы использовали 50 различных версий вставки данных.

В табл. 1 представлен список переменных, использованных в модели.

Таблица 1

**Список переменных, использованных в модели
машинного обучения**

Название переменной	Описание	Источник
UCDP_intensity_level2	Лаг зависимой переменной вооруженных конфликтов (показатель инерции при анализе вооруженных конфликтов)	UCDP
Domestic6_8	Число антиправительственных демонстраций и массовых беспорядков (показатель инерции для революционных и квазиреволюционных выступлений)	CNTS

Название переменной	Описание	Источник
US_foreign_aid_obligations_amount	Помощь со стороны США (в долларах)	USAID
REIGN_Incumbent_duration	Число лет пребывания первого лица у власти	REIGN
Bessinger_percmuslim_plus_WPopReview_muslim_interpolated	Процент мусульманского населения	Beissinger 2022 и UNPD
VDEM_v2x_polyarchy	Индекс электоральной демократии (0–1)	V-Dem
WPP_15_29_share_15plus	Доля молодежи во взрослом населении (доля людей в возрасте от 15 до 29 в населении старше 15 лет)	UNPD
industry1	Процент ВВП, приходящийся на промышленность	CNTS
epr_discriminated_size	Доля дискриминируемого населения	Wimmer <i>et al.</i> 2009
BESS_plus_WB_GdpPcPPP	ВВП на душу населения по ППС в долларах 2017 г. (прологарифмировано)	Beissinger 2022 и World Bank
VDEM_v2x_corr	Индекс политической коррупции	V-Dem
BESS_plus_WB_Urbanization	Урбанизация (доля населения, живущего в городах)	Beissinger 2022 и World Bank
Mean_year_schooling_interpolated	Средняя продолжительность обучения, лет	UNDP
BPOil production (TWh)	Производство нефти	British Petroleum
WPP_All_Sum	Численность населения	United Nations
CDetat_total_5yrSum	Количество государственных переворотов за последние 5 лет	Center for Systemic Peace
Polity5_durable	Длительность непрерывного существования политического режима	Center for Systemic Peace
WB_InflationConsumerPrice	Годовая инфляция	World Bank
gap_GDP_per_capita_growth	Рост ВВП на душу населения	GapMinder

Данный набор переменных отражает основные факторы социально-политической нестабильности, которые мы использовали ранее в предыдущих работах (Медведев, Коротаев 2020; Медведев и др. 2022; Medvedev *et al.* 2022). Отдельно стоит отметить, что практически по всем переменным применялась агрегация за последние 5 лет. В задачах предсказания нестабильности 5-летняя агрегация данных используется для сглаживания краткосрочных

колебаний и выявления более устойчивых трендов. Такой подход позволяет лучше улавливать структурные изменения и долгосрочные факторы, которые могут предвещать нестабильность, минимизируя влияние временных аномалий и случайных событий. Исследования показывают, что данные, собранные за более короткие промежутки времени, могут содержать значительные шумы, которые затрудняют точное моделирование и прогнозирование (Fearon, Laitin 2003). Кроме того, 5-летняя агрегация поддерживает баланс между достаточной детализацией и практичностью анализа, что делает ее популярным выбором в аналитической практике (Negre *et al.* 2013).

В табл. 2 представлен полученный в результате проведенного исследования ранжированный список стран по уровню рисков крупномасштабной социально-политической дестабилизации / гражданских войн.

Таблица 2

**Ранжированный список стран по уровню
рисков крупномасштабной вооруженной социально-
политической дестабилизации / гражданских войн**

Страна	Индекс политического риска
Демократическая Республика Конго / ДРК	49,51
Нигерия	49,39
Сомали	49,28
Мали	49,23
Чад	48,99
Нигер	48,74
Камерун	48,05
Южный Судан	46,62
Ангола	46,46
Ливия	45,42
Центральноафриканская Республика	44,40
Эфиопия	43,37
Кения	41,94
Мозамбик	41,69
Алжир	39,42

Продолжение табл. 2

Страна	Индекс политического риска
Египет	39,14
Бурунди	38,13
Буркина-Фасо	33,22
Руанда	20,43
Уганда	7,53
Гвинея	4,43
Замбия	4,12
Танзания	3,02
Эсватини	2,68
Судан	2,60
Малави	1,91
Тунис	1,67
Зимбабве	1,39
Сенегал	0,92
Республика Конго	0,87
Кот-д'Ивуар	0,85
ЮАР	0,79
Мадагаскар	0,66
Марокко	0,62
Габон	0,48
Мавритания	0,39
Либерия	0,34
Сьерра-Леоне	0,34
Гана	0,29
Джибути	0,24
Гвинея-Бисау	0,22
Гамбия	0,22
Того	0,21
Эритрея	0,19
Коморские острова	0,19
Бенин	0,18

Окончание табл. 2

Страна	Индекс политического риска
Экваториальная Гвинея	0,17
Лесото	0,12
Намибия	0,06
Сан-Томе и Принсипи	0,0196
Ботсвана	0,0193
Маврикий	0,0168
Сейшельские острова	0,0104
Кабо-Верде	0,0098

Разработанный индекс позволяет достаточно четко определить страны, которые наиболее подвержены нестабильности. Это страны с индексом более 30. Результаты индекса получены путем взвешивания результатов машинного обучения на основе AUC (*Area Under the Curve*), что является важным этапом в оценке производительности моделей, особенно в задачах бинарной классификации. AUC используется для измерения качества модели по кривой ROC (*Receiver Operating Characteristic*), которая отображает соотношение между истинно положительными и ложноположительными результатами на различных порогах классификации. Чем ближе значение AUC к 1, тем лучше модель различает классы. Согласно исследованию (Hanley, McNeil 1982), AUC является более стабильной метрикой по сравнению с другими показателями, такими как точность или F1-меры, особенно в условиях дисбаланса классов, как в случае наших зависимых переменных. Кроме того, работа (Bradley 1997) подчеркивает, что AUC может служить универсальной метрикой, позволяющей сравнивать модели независимо от их порогов классификации, что делает ее предпочтительной для многих исследователей в области машинного обучения и анализа данных. Таким образом, чем лучше модель показывала себя по AUC, тем больший вес ее предсказанию давался в формировании финального рейтинга.

Обсуждение результатов

Результаты подтверждают утверждения о том, что риски вооруженной политической дестабилизации наиболее высоки в слаборазвитых странах, богатых природными ресурсами, в частности

нефтью и золотом (Dreher, Kreibaum 2016). Отдельно в этом направлении стоит выделить страны Сахеля, расположенные вокруг двух источников крупномасштабной нестабильности в регионе: дельты реки Нигер и бассейна озера Чад (Чад, Камерун, Нигер, Нигерия), в районе которых локальные негосударственные военизированные группы активно ведут нелегальную добычу и торговлю ресурсами (Коротаяев и др. 2021; Ndumbe, Cole 2005; Udo, Agbai 2024). Возможность контроля негосударственных военных групп над природными ресурсами подобного рода является значительным фактором риска для возникновения крупномасштабной дестабилизации в странах со слабо развитыми политическими институтами, поскольку упрощает для руководства группировок привлечение финансирования и приобретение оружия. Наличие месторождений нефти и золота на территории более стабильных государств с укрепившимися институтами, наоборот, снижает риски подобного рода дестабилизации, поскольку позволяет государству получать значительные доходы даже во время активных кризисов и стимулирует экономический рост.

В качестве природных условий, повышающих риски крупномасштабной дестабилизации в Африке, стоит также выделить сложные географические условия, которые затрудняют для правительственных и международных сил борьбу с негосударственными военизированными группами, поскольку создают естественные укрытия для боевиков во время организованных правительственных наступлений. По данному критерию выделяются страны Сахарской зоны нестабильности (Алжир, Мали, Ливия), граница между которыми проходит через Сахару, создающую огромные трудности для контроля границы и борьбы с локальными негосударственными военизированными группами. Поскольку исламистские боевики и туарегские радикалы-националисты не признают государственные границы, их операции затрагивают все страны в регионе, а после организованных правительством наступлений группы часто перебираются в соседние государства, неспособные эффективно перехватить вооруженных нарушителей границы. Относительно высокий индекс политического риска в Алжире обусловлен преимущественно потенциальным присутствием негосударственных групп на юге страны и связанными с этим рисками – Сахарская зона нестабильности относится к районам обитания туарегов. На севере Мали с 2012 г. идут боевые действия между правительственными войсками, туарегским НДОА (Национальное движение за

освобождение Азавада) и исламистскими группами. Успешное наступление малийской армии создало риски вторжения исламистских боевиков в южные районы Алжира (Korotayev *et al.* 2022). В случае с Египтом индекс политического риска также сохраняется на высоком уровне, поскольку правительственным войскам трудно контролировать территории севера Синайского полуострова, где многие годы продолжаются вооруженные столкновения с радикалами-исламистами.

Во многих странах Африки с самым высоким индексом политического риска, в особенности в странах Сахеля, подтверждается ряд положений классической теории «молодежных бугров» о влиянии высокой рождаемости, темпов роста населения, высокой доли молодежи в обществе, а также низкой урбанизации, низкого уровня подушевого ВВП и низкого охвата населения образованием на риски политической дестабилизации (Билюга и др. 2019; Гринин 2020a; Grinin *et al.* 2018; Grinin, Korotayev 2022; Cincotta, Weber 2021). Обращаясь к предыдущим исследованиям и изученным прежде социально-демографическим аспектам (Коротаев, Устюжанин 2021; Зинькина, Коротаев 2022a), стоит обратить внимание, что высокие риски крупномасштабной вооруженной политической дестабилизации характерны практически для всех стран с самым молодым населением в мире (Нигер, Мали, Чад, Ангола, ДРК, Бурунди, Буркина-Фасо), самой высокой долей молодежи в общей численности населения (ЦАР, Сомали, Нигер, Чад, Мали, Ангола, Мозамбик, Буркина-Фасо, Эфиопия), самыми высокими темпами роста численности населения (Нигер, Ангола, ДРК, Бурунди, Мали, Сомали, Чад, Мозамбик, Буркина-Фасо), самым низким ВВП на душу населения (Бурунди, ЦАР, ДРК, Нигер, Чад, Буркина-Фасо, Мали, Эфиопия), самой низкой долей горожан в общей численности населения (Бурунди, Нигер, Южный Судан, Эфиопия, Чад, Кения, Буркина-Фасо) и самой низкой долей грамотных в общей численности взрослого населения (Нигер, Южный Судан, Мали, ЦАР, Буркина-Фасо, Чад) (Коротаев, Устюжанин 2021; United... 2024; World... 2024; Roser, Ortiz-Ospina 2024; Human... 2024).

Также теория подтверждается на примере внутреннего политико-демографического положения в Камеруне, где политическая дестабилизация захватывает преимущественно мусульманский север с характерно более высокой рождаемостью (и, соответственно, более высокой долей молодежи) и уровнем бедности при сохранении более стабильного положения на заметно более богатом хри-

стианском юге с более низкими темпами роста численности населения (Kelodjoue 2014; Denisova 2021).

Важным фактором при исследовании рисков крупномасштабной дестабилизации на территории конкретных стран является численность их населения (Коротаев и др. 2024; Korotayev, Ustyuzhanin *et al.* 2025): полученные результаты подтверждают, что наименьший уровень риска начала гражданских войн характерен для малых стран (Гамбия, Эсватини, Джибути, Экваториальная Гвинея, Лесото), в частности это касается и наиболее бедных полезными ископаемыми островных государств Африканского макрорегиона (Кабо-Верде, Коморские Острова, Маврикий, Сан-Томе и Принсипи, Сейшельские Острова) (Srebrnik 2004; Anskar 2002).

В крупных странах индекс политического риска, наоборот, возрастает: чем больше страна (как по численности населения, так и по территории), тем выше шанс крупномасштабной политической дестабилизации. Среди 10 самых крупных по площади стран Африканского континента только ЮАР не вошла в группу стран с большим риском гражданских войн.

Кроме того, более низкий индекс политического риска свойствен странам Южной Африки (ЮАР, Ботсвана, Зимбабве, Малави, Эсватини, Замбия, Намибия), что обусловлено в том числе относительно низким (по меркам Африки южнее Сахары) уровнем рождаемости, более низкими темпами роста населения, более высокой долей городского населения, более высоким уровнем образованности и т. д. (Медведев и др. 2020; Зинькина, Коротаев 2022b; United... 2024).

Исключением являются две примыкающие к африканскому Югу большие страны, пережившие в XX в. тяжелые гражданские войны, продлившиеся около 30 лет: Ангола и Мозамбик. Несмотря на ожидания населением преобразований и демократизации после оглашения Меморандума о взаимопонимании, закончившего противостояние конкурирующих МПЛА и УНИТА, политический режим МПЛА в Анголе значительно укрепился и не стал меняться (Awosanmi *et al.* 2022). В 2011 г. на фоне «арабской весны» страна столкнулась с первой волной оппозиционных выступлений молодежи, которые закончились разгоном немногочисленных демонстрантов. Продолжающиеся в последующие 10 лет протесты жестко подавлялись с применением огнестрельного оружия, а гражданское противостояние усугубилось из-за новостей о якобы запрете правительством ислама на территории преимущественно христианской страны и намеренном уничтожении мечетей (Angola... 2013).

На фоне жесткой политики подавления протестной активности в последние годы в стране набирают популярность сепаратистские движения, выступающие за независимость богатых алмазами регионов Северная Лунда, Южная Лунда и Мошико, что способствует значительному повышению индекса политического риска (Angola's... 2024).

Другой южноафриканской страной с высоким индексом политического риска является Мозамбик. Со времен обретения страной независимости обстановку в Мозамбике дестабилизировали преимущественно конфликты между правящей социалистической партией ФРЕЛИМО и оппозиционной правой партией РЕНАМО. Несмотря на достижение в 1992 г. гражданского мира и последовавшую за этим некоторую демократизацию политического режима, при обострениях политической ситуации в стране вновь случались вооруженные столкновения: в 2013 г. конфликт между партиями привел к вооруженному противостоянию, продлившемуся до 2021 г. (Jentzsch 2022; Sambo 2023). В настоящее время высокий индекс политического риска для Мозамбика обуславливается присутствием на севере страны и его побережье в провинции Кабу-Делгаду близкой к ИГИЛ¹ военизированной исламистской группировки «Ансар ас-Сунна», ведущей борьбу против правительства с целью создания в Мозамбике и Восточной Африке исламского государства (Макопье 2020; Neethling 2021). Кроме того, мозамбикскому населению свойствен многообразный религиозный состав с доминирующим положением христианских течений: к 2022 г. 55,8 % мозамбикцев считали себя христианами, 26,1 % – приверженцами традиционных религий и еще 17,5 % – мусульманами (Mozambique... 2020).

«Лидером» рейтинга с наиболее высоким риском политической дестабилизации в Африке является Демократическая Республика Конго, прошедшая через две Конголезские войны в конце XX – начале XXI в. и столкнувшаяся с не разрешенным к настоящему времени конфликтом в Киву на границе с Руандой, который во многом и обуславливает столь высокий уровень риска. Межэтническая напряженность в регионе начала нарастать с 1994 г., когда из Руанды в ДРК устремился поток представителей этносоциальной группы хуту, в том числе виновных в геноциде тутси. На территории Конго они обустроивали тыловые базы, в результате чего ин-

¹ Организация признана террористической Верховным судом РФ, ее деятельность на территории России запрещена.

тенсифицировались вооруженные столкновения между хуту и местными тутси, а восточные районы ДРК начали втягиваться в гражданскую войну в Уганде. На фоне роста влияния тутси в конголезской политике в 1998 г. руководство ДРК объявило о намерении изгнать представителей данной этносоциальной группы из государственных и военных органов власти, что способствовало началу Второй конголезской войны. С того времени продолжающееся противостояние между руководством ДРК, с одной стороны, и негосударственными военными группировками тутси и хуту, с другой стороны, (а также групп тутси и хуту друг с другом) при участии соседних стран и международного сообщества, остается основной причиной нестабильности на востоке ДРК (Orogun 2002; Punga 2020). В настоящее время в провинциях Северное Киву и Южное Киву также активизировалось ИГ², осуществляя террористические атаки против представителей власти, вооруженных групп тутси и миротворцев, что серьезно подогревает сохраняющуюся в стране напряженность (Islamic... 2024). Из-за продолжающихся регулярных вооруженных столкновений с востока страны были вынуждены бежать уже около 7 млн человек (DRC... 2024). Также риски крупномасштабной дестабилизации в стране возрастают с выводом из ДРК в конце 2024 г. миротворческой миссии ООН (UN Peacekeepers... 2024).

Гражданская война в Центральноафриканской Республике (ЦАР) продолжается с 2004 г. Внутригосударственные конфликты и вооруженные столкновения в стране имеют ярко выраженный межконфессиональный характер, что обуславливает высокие риски крупномасштабной дестабилизации как в настоящее время, так и в будущем (Douzi 2021; Ndiyun 2023). Несмотря на попытки правительства дистанцироваться от враждующих сторон и добиться примирения между христианским ополчением «Антибалака» и мусульманской коалицией «Селека», вооруженные столкновения продолжаются. С 2020 г. «Антибалака» в объединении с бывшим президентом Ф. Бозизе и другими неправительственными вооруженными группами ведет борьбу против правительственных войск, не признавая результаты выборов 2020–2021 гг. Из-за постоянной нестабильности и эскалации конфликта покинуть свои дома были вынуждены два миллиона человек, большая часть из них бежала в Камерун и соседние страны.

² Организация признана террористической Верховным судом РФ, ее деятельность на территории России запрещена.

Риск политической дестабилизации на Африканском Роге обусловлен преимущественно соседством с Сомали и проживанием сомалийцев в приграничных районах соседних стран, которые оказываются фактически втянуты в местные конфликты (Эфиопия, Кения). В частности, особые риски нестабильности связаны с деятельностью аффилированной с «Аль-Каидой»³ террористической вооруженной группы «Харакат аш-Шабаб»³, которая регулярно осуществляет террористические атаки против гражданских чиновников и военных в самом Сомали, а также в Кении и Эфиопии (Levy, Yusuf 2021; Shevsky 2022; Papale 2022). Кроме того, высокий индекс политического риска в Эфиопии связан с ее этническим многообразием, компактным проживанием мусульманского меньшинства в провинциях Сомали, Афар и Оромия и резким ослаблением внутривнутриполитической стабильности после начала войны в Тыграе (Гринин 2020б; Bayeh 2022; Seyoum 2024). В настоящее время продолжаются боевые действия в Амхаре.

Южная часть Судана сталкивается с крупномасштабной дестабилизацией с середины XX в.: две войны за независимость от Северного Судана, которые в результате привели к референдуму и объявлению независимости в 2011 г., и собственно гражданская война между правительством и Белой армией нуэров, начавшаяся после исключения всех представителей второй по численности народности нуэр из руководства страны. Гражданская война в Южном Судане (2013–2020 гг.) обычно характеризуется как межэтнический конфликт, поскольку в противостоянии участвовали преимущественно представители двух самых крупных народностей страны: динка и нуэр. В последующие годы напряженные отношения между динка и нуэр сохранились, в частности регулярно имеют место взаимные угоны скота, однако вооруженные столкновения стали редкостью. В настоящее время основная политическая дестабилизация наблюдается на границе с Суданом в спорном районе Абьей, где племя земледельцев нгок-динка враждует с проживающими южнее твик-динка. Ранее (в 2012 г.) межэтнические конфликты из-за территориальной принадлежности района Абьей и соседних провинций также приводили к пограничному конфликту между странами, вследствие чего в районе уже на протяжении 10 лет пребывают миротворцы ООН (UNMISS... 2022; UN Reports... 2024; Sudan... 2024).

³ Организация признана террористической Верховным судом РФ, ее деятельность на территории России запрещена.

Заключение

В настоящей статье мы провели собственную оценку рисков крупномасштабной политической дестабилизации / гражданских войн в странах Африки с использованием методов машинного обучения. Была выделена категория стран, которые в наибольшей мере подвержены нестабильности (страны со значением индекса более 30).

Рассмотренные примеры проявлений крупномасштабной дестабилизации в ДРК, ЦАР, Анголе, Мозамбике и странах Сахеля подтверждают известный тезис о том, что наличие легкодоступных месторождений или других источников ценных ресурсов, не требующих химического воздействия или применения сложных технологических подходов, значительно повышает риски крупномасштабной дестабилизации в слаборазвитых странах. Формирование и дальнейшее укрепление негосударственных военизированных групп в государствах со слаборазвитыми политическими и государственными институтами при наличии ресурсов подобного рода значительно повышается, поскольку контроль над золотым рудником или нефтепроводом позволяет без ограничений эксплуатировать доступный ресурс для финансирования собственной деятельности, закупки вооружения и военной техники. Тем не менее в государствах с более стабильными институтами наличие ценных ресурсов является в большей мере стабилизирующим фактором.

Странами с наиболее высоким значением индекса политического риска оказываются богатые природными ресурсами государства со слаборазвитыми политическими институтами, крупнейшие по численности населения и площади государства с многообразным этническим и конфессиональным составом, а также наиболее бедные государства с высокими темпами роста населения и низким уровнем урбанизации и образованности. Хуже всего ситуация складывается в странах, где все эти характеристики пересекаются, как, например, в ДРК – лидере по индексу политического риска. Также отметим, что риски крупномасштабной дестабилизации крайне высоки в странах Сахеля – Мали, Чаде, Нигере и Буркина-Фасо, что доказывает оправданность высокой доли военного компонента в сотрудничестве между Россией и странами этого африканского региона.

Наиболее стабильными странами представляются малые и островные государства с преимущественно однородным населением: все малые государства Африки оказались в нижней (стабильной)

части рейтинга, а все самые крупные, за исключением ЮАР, попадают в список стран с высокой вероятностью гражданских войн.

Также в ряде стабильных стран с наименьшими рисками политической дестабилизации выделяются страны Южной Африки, характеризующиеся самым низким в Африке уровнем рождаемости, сравнительно низкими темпами роста населения и долей молодежи в обществе, высокой долей горожан и высоким уровнем распространения образования. Зеркальная ситуация наблюдается в странах Сахеля, где в списке стран с наибольшими рисками нестабильности встречаются «антилидеры» с самым низким ВВП на душу населения, наибольшей рождаемостью и наименьшим уровнем урбанизированности и образованности. Подобная политико-демографическая картина по большей части подтверждает положения теории «молодежных бугров».

В заключение необходимо подчеркнуть, что в данной статье были рассмотрены только риски крупномасштабной *вооруженной* дестабилизации в странах Африки. Поэтому низкое значение индекса для определенной страны в вышеприведенной табл. 2 вовсе не означает, что такая страна застрахована от любой политической нестабильности вообще. Дело в том, что низкие риски вооруженной социально-политической дестабилизации вполне могут сочетаться с высокой вероятностью дестабилизации *невооруженной* – например, массовой протестной активности вплоть до невооруженных революционных выступлений (Слинько и др. 2018; Медведев, Коротаев 2020; Коротаев и др. 2017; Устюжанин, Коротаев 2022; Korotayev *et al.* 2018). Дело в том, что, как было показано в многочисленных исследованиях, предикторы начала крупномасштабной вооруженной⁴ и невооруженной⁵ дестабилизационной активности различаются очень сильно; поэтому факторы, увеличивающие вероятность невооруженной дестабилизации, могут снижать вероятность начала вооруженных восстаний и наоборот⁶.

⁴ Гражданские войны / вооруженные восстания / террористические кампании и т. п.

⁵ Массовые протесты / политические забастовки / невооруженные революции.

⁶ См., например: Медведев и др. 2022; Коротаев, Жданов 2023а, 2023б; Коротаев и др. 2024; Устюжанин, Жодзишская, Коротаев 2022; Устюжанин, Михеева и др. 2023; Устюжанин, Степанищева и др. 2023; Устюжанин, Сумерников и др. 2022; Beissinger 2022; Butcher, Svensson 2016; Chenoweth, Ulfelder 2017; Korotayev *et al.* 2025; Pinckney, RezaeeDaryakenari 2022 и т. д.

Литература

Билюга, С. Э., Романов, Д. М., Халтурина, Д. А. 2019. Молодежная составляющая взрослого населения как фактор дестабилизации в новейшей истории. *История и современность* 2: 36–68.

Голдстоун, Дж. А., Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В. 2022. Волны революций XXI столетия. *Полис. Политические исследования* 4: 108–119.

Гринин, А. Л., Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В. 2024. Африканский аспект борьбы за новый мировой порядок. Подъем Африки и усиление соперничества за нее. *История и современность* 3: 87–112. DOI: 10.30884/iis/2024.03.05.

Гринин, Л. Е.

2020а. Демографические процессы как базовый и длительный фактор возможной дестабилизации в странах афразийской макрзоны нестабильности. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Быканова, Д. А. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 11. Ч. 1. Волгоград: Учитель. С. 181–199.

2020б. Движение к устойчивым демократическим отношениям и национальному государству как длительный фактор возможной дестабилизации в странах афразийской макрзоны нестабильности. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Быканова, Д. А. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 11. Ч. 2. Волгоград: Учитель. С. 694–724.

Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В. 2024. Африка: геополитические мир-системные аспекты и возможности России. *Век глобализации* 4: 20–34. DOI: 10.30884/vglob/2024.04.02.

Зинькина, Ю. В., Коротаев, А. В.

2022а. К прогнозированию некоторых структурно-демографических рисков социально-политической дестабилизации в странах Северной и Западной Африки. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Быканова, Д. А. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*. Т. 13. Волгоград: Учитель. С. 322–362.

2022б. К прогнозированию некоторых структурно-демографических рисков социально-политической дестабилизации в странах Восточной и Южной Африки. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Быканова, Д. А. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*. Т. 13. Волгоград: Учитель. С. 363–402.

Коротаев, А., Васькин, И., Билюга, С. 2017. Гипотеза Олсена – Хантингтона о криволинейной зависимости между уровнем экономического развития и социально-политической дестабилизацией: опыт количественного анализа. *Социологическое обозрение* 16(1): 9–49. DOI: 10.17323/1728-192X2017-1-9-49.

Коротаев, А. В., Гринин, Л. Е., Малков, С. Ю., Исаев, Л. М., Филин, Н. А., Билога, С. Э., Зинькина, Ю. В., Слинко, Е. В., Шишкина, А. Р., Шульгин, С. Г., Мещерина, К. В., Айсин, М. Б., Иванов, Е. А., Кокликов, В. О., Медведев, И. А., Романов, Д. М., Слав, М., Сойер, П. С. 2021. *Социально-политическая дестабилизация в странах африканской макрзоны нестабильности: количественный анализ и прогнозирование рисков*. М.: Ленанд/URSS.

Коротаев, А. В., Жданов, А. И.

2023а. Количественный анализ политических факторов революционной дестабилизации. Опыт систематического обзора. *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики)* 3(110): 149–171. DOI: 10.30570/2078-5089-2023-110-3-149-171.

2023б. Количественный анализ экономических факторов революционной дестабилизации: результаты и перспективы. *Социология власти* 35(1): 118–159. DOI: 10.22394/2074-0492-2023-1-118-159.

Коротаев, А. В., Мусиева, Д. М., Жданов, А. И. 2024. Количественный анализ социально-демографических факторов революционной дестабилизации: результаты и перспективы. *Журнал социологии и социальной антропологии* 27(3): 106–145. DOI: 10.31119/jssa.2024.27.3.4.

Коротаев, А. В., Слав, М., Зинькина, Ю. В., Романов, Д. М. 2020. Урбанизация, рождаемость, городская молодежь и прогнозирование структурно-демографических рисков социально-политической дестабилизации в странах Африки южнее Сахары. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Быканова, Д. А. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*. Т. 11. Волгоград: Учитель. С. 314–367.

Коротаев, А. В., Устюжанин, В. В. 2021. О структурно-демографических факторах вооруженных исламистских революционных выступлений в странах группы G5 Сахель. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Быканова, Д. А. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*. Т. 12. Волгоград: Учитель. С. 451–474.

Коротаев, А. В., Устюжанин, В. В., Зинькина, Ю. В., Шульгин, С. Г., Гринин, Л. Е. 2022. К математическому моделированию политико-демографического будущего Африки. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Быканова, Д. А. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*. Т. 13. Волгоград: Учитель. С. 271–321.

Медведев, И. А., Айсин, М. Б., Романов, Д. М., Коротаев, А. В. 2020. Урбанизация в странах Африки: результаты и перспективы. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Быканова, Д. А. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 11. Волгоград: Учитель. С. 300–313.

Медведев, И. А., Коротаев, А. В. 2020. К построению индекса социально-политической дестабилизации в различных мир-системных зонах. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Быканова, Д. А. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 11. Волгоград: Учитель. С. 433–454.

Медведев, И. А., Устюжанин, В. В., Жданов, А. И., Коротаев, А. В. 2022. Применение методов машинного обучения для ранжирования факторов и прогнозирования невооруженной и вооруженной революционной дестабилизации в афразийской макроразоне нестабильности. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Быканова, Д. А. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 13. С. 131–210.

Морозенская, Е. В., Калинин, Л. Н. 2022. Стратегии создания инновационной научной среды в Африке. В: Морозенская, Е. В. (отв. ред.), *Научно-технологический потенциал современной Африки*. М.: ИАФР РАН. С. 37–44.

Морозенская, Е. В., Гаврилова, Н. Г., Калинин, Л. Н. 2024. Экономическая безопасность в странах Африки к югу от Сахары: возможные пути преодоления новых вызовов. *Ученые записки Института Африки РАН* (2): 82–101.

Слинько, Е. В., Мещерина, К. В., Шульгин, С. Г., Зинькина, Ю. В., Билюга, С. Э., Коротаев, А. В. 2018. Измерение внутривнутриполитических дестабилизационных процессов: типы нестабильности и их связь с социально-политическими и экономическими факторами. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Мещерина, К. В. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*. Т. 9. Волгоград: Учитель. С. 95–114.

Устюжанин, В. В., Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В. 2021. Революционные события XXI века в афразийской макроразоне нестабильности и некоторых других мир-системных зонах: предварительный количественный анализ. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Быканова, Д. А. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*. Т. 12. Волгоград: Учитель. С. 106–144.

Устюжанин, В. В., Жодзишская, П. А., Коротаев, А. В. 2022. Демографические факторы как предикторы революционных ситуаций. Опыт количественного анализа. *Социологический журнал* 28(4): 34–59.

Устюжанин В. В., Коротаев А. В. 2022. Регрессионное моделирование вооруженной и невооруженной революционной дестабилизации в афразийской макроразоне нестабильности. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Быканова, Д. А. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*. Т. 13. Волгоград: Учитель. С. 192–226. DOI: 10.30884/978-5-7057-6184-5_07.

Устюжанин, В. В., Михеева, В. А., Сумерников, И. А., Коротаев, А. В. 2023. Экономические истоки революций: связь между ВВП и рисками революционных выступлений. *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики)* 1 (108): 64–87. DOI: 10.30570/2078-5089-2023-108-1-64-87.

Устюжанин, В., Степанищева, Я., Галлямова, А., Гринин, Л., Коротаев, А. 2023. Образование и риски революционной дестабилизации: опыт количественного анализа. *Социологическое обозрение* 22(1): 98–128. DOI: 10.17323/1728-192X-2023-1-98-128.

Устюжанин, В. В., Сумерников, И. А., Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В. 2022. Урбанизация и революции: количественный анализ. *Социологические исследования* 10: 85–95. DOI: 10.31857/S013216250018478-8.

Anckar, D. 2002. Why are Small Island States Democracies? *The Round Table* 91(365): 375–390.

Angola Denies it has Banned Islam. 2013. *Al Jazeera* November 27. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2013/11/27/angola-denies-it-has-banned-islam>.

Angola's Crackdown on Protesters could Fuel Separatist Violence. 2024. *Institute for Security Studies* August 14. URL: <https://issafrica.org/iss-today/angola-s-crackdown-on-protesters-could-fuel-separatist-violence>.

Awosanmi, E. M., Patil, M. D., Shalangwa, M., Buhari, M. K. 2022. The Role of Natural Resources in the Angolan Civil War: Lesson for Other African Nations. *Asian Journal of Multidimensional Research* 11(10): 87–96.

Bayeh, E. 2022. Post-2018 Ethiopia: State Fragility, Failure, or Collapse? *Humanities and Social Sciences Communications* 9(1): 1–8.

Beissinger, M. R. 2022. *The Revolutionary City: Urbanization and the Global Transformation of Rebellion*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Bradley, A. P. 1997. The Use of the Area under the ROC Curve in the Evaluation of Machine Learning Algorithms. *Pattern Recognition* 30(7): 1145–1159.

Butcher, C., Svensson, I. 2016. Manufacturing Dissent: Modernization and the Onset of Major Nonviolent Resistance Campaigns. *Journal of Conflict Resolution* 60(2): 311–339. DOI: 10.1177/0022002714541843.

Chenoweth, E., Ulfelder, J. 2017. Can Structural Conditions Explain the Onset of Nonviolent Uprisings? *Journal of Conflict Resolution* 61(2): 298–324. DOI: 10.1177/0022002715576574.

Cincotta, R., Weber, H. 2021. Youthful Age Structures and the Risks of Revolutionary and Separatist Conflicts. In Goerres, A., Vanhuysse, P. (eds.), *Global Political Demography: Comparative Analyses of the Politics of Population Change in All World Regions*. Cham: Palgrave Macmillan. Pp. 57–92.

Davies, S., Engström, G., Pettersson, T., Öberg, M. 2024. Organized Violence 1989–2023, and the Prevalence of Organized Crime Groups. *Journal of Peace Research* 61(4): 673–693.

Denisova, T. S. 2021. Islamic Radicalism in Cameroon: Origins and Prospects of Further Gains. In Segell, G., Kostelyanets, S., Solomon, H. (eds.), *Terrorism in Africa: New Trends and Frontiers*. Haifa: University of Haifa. Pp. 48–61.

Douzi, W. 2021. The Political and Religious Conflict and Its Impact on the Identity Crisis in the Central African Republic. *Tikrit Journal for Political Science* 2(24): 169–193.

DRC: 7 Million Displaced and “Unprecedented” Crisis, According to the UN. 2024. *Africa News* March 14. URL: <https://www.africanews.com/2024/03/14/drc-7-million-displaced-and-unprecedented-crisis-according-to-the-un/>.

Dreher, A., Kreibaum, M. 2016. Weapons of Choice: The Effect of Natural Resources on Terror and Insurgencies. *Journal of Peace Research* 53(4): 539–553.

Elbarbary, S., Abdel Zaher, M., Saibi, H., Fowler, A. R., Saibi, K. 2022. Geothermal Renewable Energy Prospects of the African Continent Using GIS. *Geothermal Energy* 10(1): 1–19.

Fearon, J. D., Laitin, D. D. 2003. Ethnicity, Insurgency, and Civil War. *American Political Science Review* 97(1): 75–90.

Gleditsch N. P., Wallensteen P., Eriksson P., Sollenberg M., Strand H. 2002. Armed Conflict 1946–2001: A New Dataset. *Journal of Peace Research* 39(5): 615–637.

Grinin, L., Korotayev, A.

2022. Revolutions, Counterrevolutions, and Democracy. In Goldstone, J., Grinin, L., Korotayev, A. (eds.), *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer. DOI: 10.1007/978-3-030-86468-2_4.

2024a. Africa: The Continent of the Future. Challenges and Opportunities. *World Futures* 80(1): 70–82.

2024b. Discussion Among the Fifth-Generation Circle. A Rejoinder to Mark Beissinger, Daniel Ritter, Valentine Moghadam, Egor Fain, and Alisa Shishkina. *Critical Sociology* 50(6): 1109–1141. DOI: 10.1177/08969205241254125.

Grinin, L., Korotayev, A., Tausch, A. 2018. *Islamism, Arab Spring, and the Future of Democracy. World System and World Values Perspectives*. Cham: Springer.

Guo, Q., Abbas, S., AbdulKareem, H. K. K., Shuaibu, M. S. S., Khudoykulov, K., Saha, T. 2023. Divising Strategies for Sustainable Devel-

opment in Sub-Saharan Africa: The Roles of Renewable, Non-Renewable Energy, and Natural Resources. *Energy* 284.

Hafner, M., Tagliapietra, S., de Strasser, L. 2018. Prospects for Renewable Energy in Africa. In Hafner, M., Tagliapietra, S., de Strasser, L. (eds.), *Energy in Africa*. Cham: Springer. Pp. 47–75.

Hanley, J. A., McNeil, B. J. 1982. The Meaning and Use of the Area under a Receiver Operating Characteristic (ROC) Curve. *Radiology* 143(1): 29–36.

Hegre, H., Karlsen, J., Nygård, H. M., Strand, H., Urdal, H. 2013. Predicting Armed Conflict, 2010–2050. *International Studies Quarterly* 57(2): 250–270.

Human Development Reports Database. 2024. *United Nations Development Program*. New York, NY: UNDP. URL: <http://hdr.undp.org/en/indicators/103006>.

Ilunga, Y. Y. 2020. Conclusion: The Search for Stability. In Ilunga, Y. (ed.), *Humanitarianism and Security: Trouble and Hope at the Heart of Africa*. Cham: Palgrave Macmillan. Pp. 159–171.

Islamic State-Allied Militants Kill 12 People in Eastern Congo, Official Says. 2024. *Associated Press* August 12. URL: <https://apnews.com/article/democratic-republic-congo-attack-adf-2207f859e3154b7c368dd2fc47d940bd>.

Jentzsch, C. 2022. *Violent Resistance: Militia Formation and Civil War in Mozambique*. Cambridge: Cambridge University Press.

Kelodjoue, S. 2014. Demographic, Economic, and Social Challenges of the Population Ageing in Cameroon. *Sociology Study* 4(10): 902–916.

King, G., Honaker, J., Joseph, A., Scheve, K. 2001. Analyzing Incomplete Political Science Data: An Alternative Algorithm for Multiple Imputation. *American Political Science Review* 95(1): 49–69.

Korotayev, A., Grinin, L., Ustyuzhanin, V., Fain, E. 2025. The Fifth Generation of Revolution Studies. Part I: When, Why and How did It Emerge. *Critical Sociology* 51(3). DOI: 10.1177/08969205241300596 (in print).

Korotayev, A., Malkov, S., Musieva, J. 2023. Demography: Toward Optimization of Demographic Processes. In Sadovnichy, V., Akaev, A., Ilyin, I., Malkov, S., Grinin, L., Korotayev, A. (eds.), *Reconsidering the Limits to Growth: A Report to the Russian Association of the Club of Rome*. Cham: Springer. Pp. 97–116.

Korotayev, A., Shishkina, A., Khokhlova, A. 2022. Global Echo of the Arab Spring. *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer International Publishing. Pp. 813–849.

Korotayev, A., Shulgin, S., Ustyuzhanin, V., Zinkina, J., Grinin, L. 2023. Modeling Social Self-Organization and Historical Dynamics: Africa's

Futures. In Sadovnichy, V., Akaev, A., Ilyin, I., Malkov, S., Grinin, L., Korotayev A. (eds.), *Reconsidering the Limits to Growth: A Report to the Russian Association of the Club of Rome*. Cham: Springer. Pp. 461–490.

Korotayev, A., Ustyuzhanin, V., Grinin, L., Fain, E. 2025. The Fifth Generation of Revolution Studies. Part II: A Systematic Review of Substantive Findings (Revolution Causes, Forms, and Waves). *Critical Sociology* 51(4/5). DOI: 10.1177/08969205241300595 (in print).

Korotayev, A., Vaskin, I., Bilyuga, S., Ilyin, I. 2018. Economic Development and Sociopolitical Destabilization: A Re-Analysis. *Cliodynamics* 9(1): 59–118. DOI: 10.21237/c7clio9137314.

Levy, I., Yusuf, A. 2021. How do Terrorist Organizations Make Money? Terrorist Funding and Innovation in the Case of al-Shabaab. *Studies in Conflict & Terrorism* 44(12): 1167–1189.

Makonye, F. 2020. The Cabo Delgado Insurgency in Mozambique: Origin, Ideology, Recruitment Strategies and, Social, Political and Economic Implications for Natural Gas and Oil Exploration. *African Journal of Terrorism and Insurgency Research* 1(3): 59–73.

Medvedev, I., Ustyuzhanin, V., Zinkina, J., Korotayev, A. 2022. Machine Learning for Ranking Factors of Global and Regional Protest Destabilization with a Special Focus on Afrasian Instability Macrozone. *Comparative Sociology* 21(5): 604–645.

Mozambique: Major World Religions (1900–2050). 2020. *World Religion Database*. URL: <https://worldreligiondatabase.org>.

Ndiyun, R. K. 2023. An Analysis of Sectarian Conflict in the Central African Republic (2012–2020) from the Lens of the Protracted Social Conflict Theory. *Studies in Social Science & Humanities* 2(3): 10–18.

Ndumbe, J. A., Cole, B. 2005. The Illicit Diamond Trade, Civil Conflicts, and Terrorism in Africa. *Mediterranean Quarterly* 16(2): 52–65.

Neethling, T. 2021. Conflict Dynamics in Mozambique's Cabo Delgado Province: The Consequences of Limited Statehood. *Conflict Trends* 3: 22–29.

Ngounou, B. A., Oumbe, H. T., Nkoa, B. E. O., Domguia, E. N. 2024. Inclusive Growth in the Face of Increasing Urbanization: What Experience for African Countries? *Review of Development Economics* 28 (1): 34–70.

Nkoa, B. E. O., Tadadjeu, S., Njangang, H. 2023. Rich in the Dark: Natural Resources and Energy Poverty in Sub-Saharan Africa. *Resources Policy* 80: 103264.

Orogun, P. S. 2002. Crisis of Government, Ethnic Schisms, Civil War, and Regional Destabilization of the Democratic Republic of Congo. *World Affairs* 165(1): 25–41.

Our Work in Africa. 2024. *UN Environmental Programme*. URL: <https://www.unep.org/regions/africa/our-work-africa>.

Papale, S. 2022. Fuelling the Fire: Al-Shabaab, Counter-Terrorism and Radicalisation in Kenya. *Critical Studies on Terrorism* 15(2): 356–380.

Pinckney, J., RezaeeDaryakenari, B. 2022. When the Levee Breaks: A Forecasting Model of Violent and Nonviolent Dissent. *International Interactions* 48(5): 997–1026. DOI: 10.1080/03050629.2022.2090933.

Roser, M., Ortiz-Ospina, E. 2024. *Literacy. Our World in Data Database*. Oxford: Martin School, University of Oxford. URL: <https://www.unep.org/regions/africa/our-work-africa>.

Rubin, D. B. 1996. Multiple Imputation after 18+ Years. *Journal of the American Statistical Association* 91(434): 473–489.

Sambo, M. F. 2023. Frictions and Hybridity in Mozambique's Post-War Peacebuilding: From Civil War to Precarious Peace. *African Security Review* 32(1): 99–114.

Seyoum, B. 2024. State Fragility and Human Development. Seyoum, B. (ed.), *State Fragility, Business, and Economic Performance: An Ethiopian Perspective*. Cham: Springer International Publishing. Pp. 3–68.

Shevsky, D. 2022. Destabilization Processes in the Modern World. *Journal of Globalization Studies* 13(2): 152–168.

Srebrnik, H. 2004. Small Island Nations and Democratic Values. *World Development* 32(2): 329–341.

Sudan War Keeps Reaching across Borders, Security Council Hears. 2024. *UN News* November 5. URL: <https://news.un.org/en/story/2024/11/1156536>.

Sundberg, R., Eck, K., Kreutz, J. 2012. Introducing the UCDP Non-State Conflict Dataset. *Journal of Peace Research* 49(2): 351–362.

Udo, O., Agbai, E. 2024. Terrorism in Sub-Saharan Africa and the Illegal Financial Inflows: The Nexus. *Journal of Political Science and Leadership Research* 10(2): 18–36.

United Nations Population Division Database. 2024. *UN Population Division*. URL: <http://www.un.org/esa/population>.

UNMISS Strongly Condemns Deadly Fresh Violence between Dinka Ngok and Dinka Twic Youth Groups along Border of Abyei and Warrap State. 2022. *UN Mission in South Sudan*. URL: <https://unmiss.unmissions.org/unmiss-strongly-condemns-deadly-fresh-violence-between-dinka-ngok-and-dinka-twic-youth-groups-along>.

UN Peacekeepers Begin Withdrawal from Eastern Congo. 2024. *Reuters* February 29. URL: <https://www.reuters.com/world/africa/un-peacekeepers-beg-in-withdrawal-eastern-congo-2024-02-29/>.

UN Reports 35 Percent Increase in People Affected by South Sudan Violence. 2024. *Al Jazeera* March 19. URL: <https://www.aljazeera.com/news/>

2024/3/19/un-reports-35-percent-increase-in-people-affected-by-south-sudan-violence.

Van Buuren, S. 2018. *Flexible Imputation of Missing Data*. Boca Raton, FL: CRC Press.

White, I. R., Royston, P., Wood, A. M. 2011. Multiple Imputation Using Chained Equations: Issues and Guidance for Practice. *Statistics in Medicine* 30(4): 377–399.

Wimmer, A., Cederman, L.-E., Min B. 2009. Ethnic Politics and Armed Conflict: A Configurational Analysis of a New Global Dataset. *American Sociological Review* 72(2): 316–337.

World Development Indicators Online. 2024. *World Bank*. Washington, DC: World Bank. URL: <http://data.worldbank.org/indicator>.

А. В. КОРОТАЕВ, И. А. МЕДВЕДЕВ,
Ю. В. ЗИНЬКИНА

К РАНЖИРОВАНИЮ ФАКТОРОВ КРУПНОМАСШТАБНОЙ ВООРУЖЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ В СТРАНАХ АФРИКИ МЕТОДАМИ МАШИННОГО ОБУЧЕНИЯ*

В современном мире политические процессы становятся все более сложными и динамичными, требующими новых подходов к их анализу и прогнозированию. Одним из наиболее популярных среди таких подходов является использование методов машинного обучения, которые позволяют обрабатывать большие объемы данных и, что особенно важно, выявлять скрытые закономерности. Однако для того чтобы модели машинного обучения были эффективными, необходимо правильно оценить их параметры. В настоящем исследовании ставится цель провести предварительное ранжирование факторов крупномасштабной вооруженной политической дестабилизации в странах Африки методами машинного обучения.

Ключевые слова: Африка, социально-политическая нестабильность, вооруженные конфликты, факторы дестабилизации, ВВП, методы машинного обучения, CatBoost, кросс-валидация, PRAUC.

Введение

Как было показано в нашей предыдущей статье в этом номере (Медведев и др. 2024), Африка остается регионом с наиболее высо-

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 24-18-00650).

Для цитирования: Коротаев, А. В., Медведев, И. А., Зинькина, Ю. В. 2024. К ранжированию факторов крупномасштабной вооруженной политической дестабилизации в странах Африки методами машинного обучения. *История и современность* 3: 45–68. DOI: 10.30884/iis/2024.03.03.

For citation: Korotayev, A. V., Medvedev, I. A., Zinkina, Yu. V. 2024. Towards Ranking Factors of Large-Scale Armed Political Destabilization in African Countries Using Machine Learning Methods. *Istoriya i sovremennost' = History and Modernity* 3: 45–68 (in Russian). DOI: 10.30884/iis/2024.03.03.

История и современность, № 3, сентябрь 2024 45–68

DOI: 10.30884/iis/2024.03.03

кими показателями социально-политической нестабильности – так, с 2018 по 2023 г. в Африке зафиксировано 45 уникальных крупномасштабных внутригосударственных вооруженных конфликтов (гражданских войн и террористических кампаний) при всего 34 во всем остальном мире (Davies *et al.* 2024; ср.: Gleditsch *et al.* 2002). Подобная ситуация оказывает значимое тормозящее влияние на развитие стран этого региона – действительно, в разное время исследователями было показано:

- что различные формы государственных переворотов – «успешные» перевороты, неудавшиеся перевороты и заговоры с целью переворота – имели отрицательное влияние на ВВП и еще более выраженное отрицательное влияние на экспорт (Fosu 2002, 2003);
- политическая нестабильность негативно влияет на безработицу среди молодежи (Fomba Kamga *et al.* 2022), открытость торговли (Asongu *et al.* 2021), замедляет экономическое восстановление (Zon-da *et al.* 2024).

В этом свете не вызывает удивления стремление целого ряда исследователей установить, какие факторы генерируют социально-политическую нестабильность в странах Африки. В качестве таких факторов выделялись, в частности, неравенство доходов (Oualy 2021), горизонтальное неравенство (Moyer, Bello-Schünemann 2018; Walter 2023), анократические режимы (*Ibid.*), укрепление и политизация субнациональных идентичностей (Downie, Cooke 2011); численность населения (Fagbemi, Fajingbesi 2022); рост населения в целом и городского населения в частности (Downie, Cooke 2011); дефицит и распределение земли и воды (*Ibid.*); экономические проблемы (Fagbemi, Fajingbesi 2022).

В настоящем исследовании ставится цель провести предварительное ранжирование факторов крупномасштабной вооруженной политической дестабилизации в странах Африки методами машинного обучения.

Данные и методология

В современном мире политические процессы становятся все более сложными и динамичными, требующими новых подходов к их анализу и прогнозированию. Одним из наиболее популярных среди таких подходов является использование методов машинного обучения, которые позволяют обрабатывать большие объемы данных и, что особенно важно, выявлять скрытые закономерности. Однако для того чтобы модели машинного обучения были эффек-

тивными, необходимо правильно оценить их параметры. За последние 30 лет задача предсказания нестабильности становится одновременно и существенно сложнее, и намного более комплексной. В конце XX в. для анализа значительной части политических процессов использовались описательные статистики, статистические тесты и достаточно простые регрессионные модели (Beck, Jackman 1998; Hibbs 1994; Bux-Steffensmeier, Jones 1997). Однако уже к началу XXI в. задача анализа и предсказания вооруженной дестабилизации сильно усложнилась. В первую очередь это было связано с ростом вычислительных мощностей компьютеров, но также и с развитием статистических методов в социальных науках (Ward, Gleditsch 2008).

В последние годы методы машинного обучения стали важным инструментом в анализе политических процессов. Однако оценка параметров модели, используемых в этих методах, остается сложной задачей. Существуют различные подходы, такие как перекрестная проверка, регуляризация и байесовские методы, которые могут быть применены для повышения точности моделей. Например, использование перекрестной проверки позволяет минимизировать риск переобучения, что является критически важным в условиях ограниченного объема данных (Hastie *et al.* 2009). Регуляризация, в свою очередь, помогает справиться с проблемой многомерности данных, снижая вероятность появления шумовых переменных (Ng 2004). Байесовские методы, хотя и более вычислительно затратные, предоставляют мощный инструмент для интеграции априорной информации в процесс моделирования, что особенно полезно в контексте политических прогнозов (Gelman *et al.* 2014). Эти методы имеют свои преимущества и недостатки в зависимости от специфики данных и задач, с которыми сталкиваются исследователи. Например, в условиях быстро меняющейся политической обстановки использование адаптивных моделей, таких как рекуррентные нейронные сети, может оказаться более эффективным (Graves 2012).

Методы машинного обучения предоставляют значительные преимущества в решении задачи предсказания массовой вооруженной дестабилизации, особенно когда речь идет о моделировании с учетом 20 и более факторов. В отличие от традиционных статистических методов, которые могут сталкиваться с трудностями при работе с множественными переменными из-за проблемы многомерности и возможных корреляций между факторами, алгоритмы

машинного обучения способны эффективно обрабатывать большие объемы данных и выявлять сложные, неочевидные взаимосвязи. Например, такие методы, как случайные леса и градиентный бустинг, могут автоматически учитывать взаимодействие между переменными и выявлять нефункциональные зависимости, что делает их особенно полезными в контексте политических прогнозов (Breiman 2001). Кроме того, машинное обучение позволяет адаптивно обновлять модели по мере поступления новых данных, что особенно важно в быстро меняющемся политическом контексте (Bishop, Nasrabadi 2006). Прогностическая способность этих методов также подкрепляется их устойчивостью к переобучению, что достигается за счет использования техник регуляризации и кросс-валидации (Hastie *et al.* 2009). Эти особенности делают машинное обучение мощным инструментом для анализа сложных систем, таких как политическая нестабильность, где традиционные подходы могут быть недостаточными.

Для задачи предсказания вооруженной нестабильности мы использовали конкретную модель машинного обучения, сосредоточившись на первой фазе исследования на получении предварительной оценки рисков крупномасштабной вооруженной политической дестабилизации в странах Африки, представленной в нашей предыдущей статье в этом выпуске (Медведев и др. 2024). Теперь, после получения этой оценки, мы обратим особое внимание на те параметры, которые были получены в рамках модели, и будем ориентироваться на интерпретируемые зависимости. Линейные модели могут быть хорошо применимы для данных с линейной зависимостью, но оказаться недостаточными для более сложных паттернов (Bishop, Nasrabadi 2006; Коротаев, Гринин и др. 2017).

В нашем исследовании мы применили модель машинного обучения *CatBoost* для прогнозирования политических процессов, что позволило нам эффективно работать с категориальными данными и пропущенными значениями. *CatBoost* известен своей способностью обрабатывать категориальные переменные без предварительного кодирования, что делает его особенно полезным в социальных науках, где такие данные часто используются (в том числе и в нашем наборе данных) (Dorogush *et al.* 2018). Для учета пропущенных данных мы использовали метод множественного заполнения, создавая 50 различных вероятностных вариантов вставки. Это позволило нам учесть возможные вариации данных и уменьшить влияние отсутствующих значений на результаты модели (Rubin 1987).

Для анализа важности признаков мы применили метод *feature importance*, который предоставил нам возможность ранжировать и интерпретировать значимость различных переменных в модели. Это критически важно для понимания ключевых факторов, влияющих на прогнозируемые политические процессы. Кроме того, для оценки стабильности и надежности модели мы использовали метод кросс-валидации, который помог нам минимизировать переобучение и обеспечить более точные прогнозы (Kohavi 1995). Эти методологические подходы в совокупности обеспечили высокую точность и надежность результатов.

При оценке параметров моделей машинного обучения для прогнозирования политических процессов исследователи сталкиваются с несколькими ключевыми вопросами. Один из них касается выбора правильных метрик для оценки эффективности моделей. В литературе широко обсуждается, что выбор метрики должен быть тесно связан с конкретной задачей и контекстом исследования. Например, для задач классификации может быть полезно применять такие метрики, как точность, полнота и F1-мера, тогда как для задач регрессии часто используют среднеквадратическую ошибку или среднюю абсолютную ошибку. Наши данные имеют определенную специфику. Поскольку мы занимаемся оценкой рисков вооруженной дестабилизации, характеристика нашей зависимой переменной имеет явную неравномерность в сторону нулевых значений. Характер данных предполагает, что зависимая переменная является бинарной (произошло ли событие в стране-год или нет). Классическим методом оценки моделей машинного обучения для моделей с бинарным откликом является использование метрики ошибки AUC (Fávero *et al.* 2024). Однако с учетом значительно скошенного распределения для своей модели мы будем использовать модернизацию AUC, в частности PRAUC. Метрика оценки PRAUC больше подходит для работы с несбалансированными данными, которые характерны для подобных событий. В отличие от более традиционной ROC AUC, которая может быть менее информативной в контексте редких событий, PRAUC фокусируется на точности и полноте для позитивного класса, что важно при моделировании редких, но критически значимых явлений, таких как внутренние вооруженные конфликты. В условиях, где ложноположительные результаты могут иметь серьезные последствия, например при распределении ресурсов для предотвращения кризиса,

PRAUC обеспечивает более точное представление о способности модели идентифицировать истинные позитивные случаи. Ряд исследований подчеркивает важность выбора подходящих метрик для оценки моделей в контексте социально-политических явлений (Saito, Rehmsmeier 2015; Davis, Goadrich 2006).

Методы кросс-валидации также играют значительную роль в оценке моделей. Они позволяют исследователям более точно оценить, как модель будет работать на новых данных, что особенно важно в контексте быстро меняющихся политических ландшафтов (Kohavi 1995). Выбор кросс-валидации по методу k -fold для оценки параметров модели обусловлен необходимостью более надежно оценивать общую производительность модели, распределяя данные на k равных подвыборок. Каждая из этих подвыборок поочередно используется в качестве тестовой выборки, в то время как оставшиеся $k-1$ подвыборки составляют обучающую выборку. Такой подход обеспечивает более объективную оценку модели, поскольку он уменьшает риск переобучения и помогает выявить возможные отклонения, произрастающие из случайных артефактов в данных. Кросс-валидация по методу k -fold также способствует более точной калибровке модели, позволяя анализировать ее поведение на различных подмножествах данных и оптимизировать гиперпараметры в условиях, приближенных к реальному применению (Saud *et al.* 2020).

Что касается преобразования данных, по ряду переменных мы применяли усреднение за 5-летний срок. Этот подход позволяет значительно сгладить колебания переменной. В свою очередь, это позволяет избавиться от излишних выбросов данных на временных рядах. Оценка параметров модели проводилась также в усредненном виде; использовались методы массовой импутации данных в 50 вероятностных сценариях. Здесь стоит отдельно отметить, что модель была применена к странам Африки. Такое региональное зонирование позволяет значительно уменьшить дисперсию вставляемых данных относительно их истинного значения. Далее, оценивая каждую из моделей, мы усредняли оценку для каждого из параметров. В итоге полученный список показывает нашу оценку не только для одного отдельно взятого случая, но для целого ряда вероятностных оценок.

Наконец, оценка направления связи между переменными проводилась через оценку векторов Шепли. Векторы Шепли, заим-

ствованные из теории игр, предоставляют мощный инструмент для понимания того, как каждый отдельный фактор, например экономические условия или размер населения, влияет на вероятность возникновения вооруженного конфликта. Использование векторов Шепли демонстрирует значительные преимущества по сравнению с традиционными методами, поскольку они позволяют выявить и количественно оценить взаимодействие множества факторов, но в рамках исследования конкретно одного из них, что критически важно для разработки эффективных стратегий предотвращения конфликтов (Molnar *et al.* 2024).

Результаты

Предварительный ранжированный список факторов крупномасштабной внутренней вооруженной дестабилизации, полученных и оцененных с помощью модели, описанной выше, представлен в таблице ниже.

Таблица

Ранжированные по значимости факторы крупномасштабной внутренней вооруженной дестабилизации (гражданские войны / вооруженные восстания / террористические кампании)

Переменная	Важность в модели
Наличие вооруженного гражданского революционного конфликта в прошлом году	19,06
Финансовая помощь со стороны США (в \$)	6,55
Индекс электоральной демократии (0 (полная автократия) –1 (полная демократия))	6,09
Количество революционных эпизодов в мире в исследуемый год (исключены революционные события в стране)	5,76
Инфляция, в %	5,54
Численность населения	5,13
Объем добычи нефти и газа, в Твт/ч	4,85
ВВП на душу населения, в постоянных долларах 2017 г. по ППС	4,66
Индекс политической коррупции	4,64
Рост ВВП на душу населения, в %	4,59
Среднее число лет обучения (average years of schooling) для населения от 15 лет и старше	4,49

Окончание табл.

Переменная	Важность в модели
Доля молодежи в возрасте 15–29 лет в численности населения от 15 лет и старше, в %	4,30
Длительное время пребывания первого лица у власти, лет	3,97
Количество лет с предыдущей смены режима	3,60
Урбанизация (доля городского населения в общей численности населения), в %	3,40
Доля мусульманского населения, в %	3,20
Доля дискриминируемого населения, в %	2,59
Усредненное за 5 лет число переворотов и попыток переворотов	2,41
Усредненные за 5 лет данные о количестве протестов и массовых беспорядков в стране	2,22
Продовольственная инфляция, в %	2,09
Количество революционных эпизодов в регионе в исследуемый год (исключены революционные события в самой стране)	0,85

Источник: расчеты авторов.

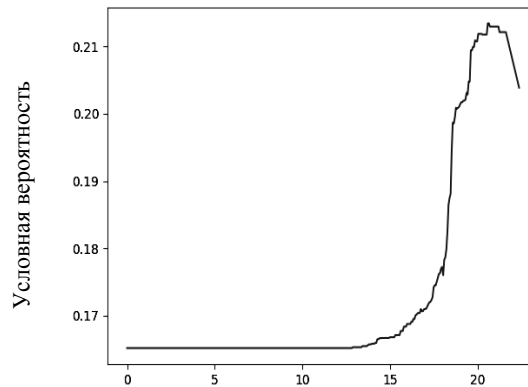
Обсуждение характера и механизмов влияния факторов, обозначенных в таблице, на возникновение крупномасштабной внутренней вооруженной дестабилизации представлено в разделе ниже.

Обсуждение результатов и заключение

Как уже неоднократно отмечалось, применительно к гражданским войнам наиболее мощным предиктором того, что гражданская война в данной стране будет наблюдаться в следующем году, является ее наличие в текущем году (Negre *et al.* 2013, 2021; Медведев и др. 2022). Действительно, гражданские войны (как, впрочем, и террористические кампании) обладают очень высокой степенью инерции. Наличие гражданской войны / террористической кампании предполагает наличие и соответствующей структуры их ведения, которую, с одной стороны, непросто создать, с другой – крайне сложно искоренить.

Отметим, что анализ показал высокую значимость финансовой помощи США в качестве предиктора гражданских войн (близкие результаты, впрочем, получались и в некоторых предыдущих

тестах; при этом особую значимость показала финансовая помощь, направленная на «продвижение демократии» [Коротаев, Гринин и др. 2021; Медведев, Коротаев 2021; Слав, Коротаев 2021; Медведев и др. 2022; Устюжанин и др. 2025; Kostin, Korotayev 2024]); см. рис. 1.

Финансовая помощь со стороны США (в долларах).
Натуральная логарифмическая шкала

Рис. 1. График вероятности крупномасштабной вооруженной внутренней дестабилизации (гражданские войны / восстания / террористические кампании) в зависимости от значения переменной «Финансовая помощь со стороны США (в долларах)»

Примечание: здесь и далее описание источников данных, использованных для построения графиков, см.: Медведев и др. 2024.

Как видно из рис. 1, вероятность гражданских войн начинает стремительно расти после достижения финансовой помощью со стороны США уровней порядка e^{15-16} (~ 3,8 млн долларов США). Одно из наиболее очевидных объяснений здесь заключается в том, что финансовая помощь США, направленная на «продвижение демократии», в авторитарных странах Азии и Африки практически никогда не приводила к установлению консолидированных демократий, речь могла идти о сдвиге от полной автократии к частичной автократии или частичной (нередко функциональной) демократии. Между тем промежуточные режимы (и в особенности именно функциональные демократии), как это неоднократно было показано, являются наиболее подверженными рискам начала крупномасштабной политической дестабилизации вообще и гражданских

войн в частности¹. Отметим, что и наши тесты показали высокую значимость промежуточных политических режимов как предиктора начала / продолжения гражданских войн (см. табл.).

Проведенные тесты также показали высокую значимость глобальных волн дестабилизации в качестве фактора дестабилизации на страновом уровне. Наиболее ярким недавним примером такого рода явлений стали события «арабской весны» и связанной с ней глобальной волны дестабилизации, охватившей собой весь мир, включая и всю Африку как к северу, так и к югу от Сахары (Гринин и др. 2016; Исаев и др. 2022; Коротаев, Мещерина и др. 2017; Коротаев, Мещерина, Каткова 2019; Коротаев, Романов, Медведев 2019; Хохлов и др. 2021; Akaev *et al.* 2017; Honwana 2019; Korotayev *et al.* 2024, 2022; Roos, Oikonomakis 2014; Shihade *et al.* 2012).

Большую значимость в качестве дестабилизирующего фактора для стран Африки показала инфляция. Отметим, что значимость этого фактора систематически выявляется только методами машинного обучения, но не регрессионного анализа (ср.: Pinckney, RezaeeDaryakenari 2022). В качестве недавнего примера дестабилизирующего влияния инфляции можно вспомнить события 2022 г., связанные с западными санкциями против России, дестабилизировавшими глобальный продовольственный и энергетический рынок и вызвавшими глобальную инфляционную волну, оказавшую свое дестабилизирующее влияние и на страны Африки (ср.: Жданов, Коротаев 2024).

Как показывает большинство исследований факторов дестабилизации, и в нашем случае одним из сильнейших предикторов оказалась общая численность населения. Это, конечно, совершенно не случайно, ведь с ростом населения у нас растет и вероятность возникновения того или иного эпизода нестабильности (Dorward, Fox 2022); чем больше людей, тем больше и потенциальных точек пересечений разных интересов (Cincotta, Weber 2021; Gleditsch *et al.* 2021). Как отмечает М. Бейссинджер, «кросс-национальные исследования уже давно показали, что численность населения страны положительно связана с уровнем дестабилизационной активности

¹ Васькин и др. 2018; Коротаев и др. 2016, 2017: 156–184, 2019; Коротаев и др. 2022; Ellingsen 2000; Ellingsen, Gleditsch 1997; Fearon, Laitin 2003; Francisco 1995; Gaibullov *et al.* 2017; Gleditsch, Hegre 2014; Goldstone *et al.* 2001, 2010; Gurr 1974; Hegre *et al.* 2001; Korotayev, Bilyuga, Shishkina 2018; Korotayev, Vaskin, Romanov 2021; Korotayev, Vaskin, Tsirel 2021; Massoud *et al.* 2019; Muller, Weede 1990; Regan, Bell 2009; Slinko *et al.* 2017; Walter 2023.

в ней². Причины никогда не были полностью прозрачными, но могут объясняться теорией критической массы, которая утверждает, что размер населения облегчает мобилизацию, увеличивая вероятность того, что достаточное количество потенциальных участников может иметь необходимое время, ресурсы и мотивацию для участия³» (Beissinger 2022: 115).

Проведенные нами тесты подтверждают, что, хотя нефтяное богатство и снижает вероятность невооруженной революционной дестабилизации (Beissinger 2022; Gleditsch *et al.* 2023; Pinckney 2020; Rørbæk 2019; Мусиева, Медведев 2024; Устюжанин и др. 2025), оно очень *заметно* повышает риски начала гражданских войн / террористических кампаний (см. рис. 2, а также: Besançon 2005; Cincotta, Weber 2021; Shaheen 2015; Wimmer *et al.* 2009). В нашей предыдущей статье в этом выпуске (Медведев и др. 2024) результаты также подтвердили, что в Африке риски крупномасштабной вооруженной дестабилизации наиболее высоки в странах, богатых природными ресурсами, в частности нефтью и золотом.

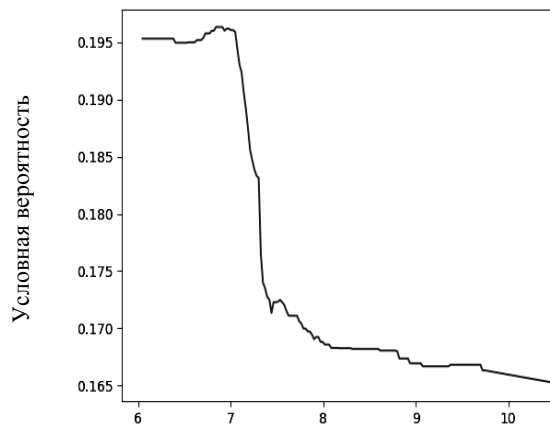

Рис. 2. График вероятности крупномасштабной вооруженной внутренней дестабилизации (гражданские войны / восстания / террористические кампании) в зависимости от значения переменной «Объем добычи нефти и газа, в Твт/ч»

² Отметим, что это подтверждает и целый ряд проведенных нами кросс-национальных исследований (см., например: Коротаев, Сойер и др. 2021; Романов и др. 2021; Korotayev, Sawyer, Romanov 2021; Korotayev, Vaskin, Romanov 2021).

³ Со ссылкой на: Marwell, Oliver 1993. В применении к революциям см.: Kurzman 1996.

Примечательно, что такие показатели модернизации, как уровень ВВП на душу населения, доля городского населения и среднее число лет обучения, демонстрируют вполне выраженную отрицательную корреляцию с рисками крупномасштабной вооруженной внутренней дестабилизации (см., например, рис. 3).

ВВП на душу населения, в постоянных долларах 2017 г. по ППС.
Натуральная логарифмическая шкала

Рис. 3. График вероятности крупномасштабной вооруженной внутренней дестабилизации (гражданские войны / восстания / террористические кампании) в зависимости от значения переменной «ВВП на душу населения, в постоянных долларах 2017 г. по ППС»

Это говорит о том, что страны Африки уже вошли в такую фазу модернизационного перехода, когда дальнейший рост подушевого ВВП, доли городского населения и распространения современного образования ведет к вполне определенному снижению рисков крупномасштабной вооруженной дестабилизации, хотя и увеличивает вероятность невооруженных революционных выступлений / массовых ненасильственных протестов. В связи с этим в настоящее время ускорение модернизационных процессов является одним из главнейших способов снижения рисков вооруженной дестабилизации.

Наши тесты также выявили и вполне интуитивную корреляцию между темпами экономического роста и рисками крупномасштабной вооруженной дестабилизации (см. рис. 4).

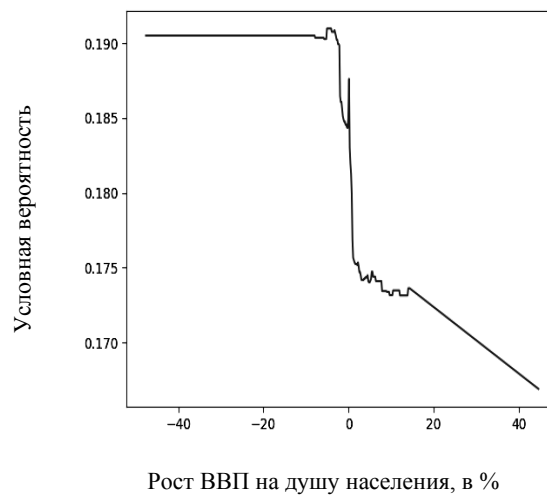

Рис. 4. График вероятности крупномасштабной вооруженной внутренней дестабилизации (гражданские войны / восстания / террористические кампании) в зависимости от значения переменной «Рост ВВП на душу населения, в %»

Как мы видим, экономический спад повышает риски вооруженной дестабилизации, а экономический подъем их снижает. Отметим, что и здесь наблюдается существенное отличие с вероятностью невооруженной революционной дестабилизации, которая может коррелировать как с экономическими спадами, так и с экономическими подъемами (Медведев и др. 2022; Слав, Коротаев 2021; Устюжанин, Жодзишская, Коротаев 2022; Устюжанин и др. 2025; Beissinger 2022; Cebul, Grewal 2022; Shaheen 2015; Ustyuzhanin *et al.* 2023).

Среди значимых факторов начала / продолжения гражданских войн / террористических кампаний в современной Африке можно отметить также высокий уровень политической коррупции, повышенную долю молодежи в возрасте 15–29 лет в численности населения от 15 лет и старше (так называемый «молодежный бугор»)⁴, длительное время пребывания первого лица у власти (ср.: Медведев, Коротаев 2021; Медведев и др. 2022; Устюжанин, Корота-

⁴ Этот фактор крупномасштабной дестабилизации изучен к настоящему времени особенно хорошо (см., например: Коротаев и др. 2011, 2012; Устюжанин, Жодзишская, Коротаев 2022; Устюжанин, Зинькина, Коротаев 2023; Korotayev *et al.* 2014; Cebul, Grewal 2022; Korotayev, Zinkina 2024).

ев 2022; Устюжанин и др. 2025; Albrecht, Koehler 2020; Beissinger 2022; Chenoweth, Ulfelder 2017; Chin *et al.* 2023; Pinckney 2020), недавняя смена режима, повышенная доля дискриминируемого населения.

В заключение необходимо подчеркнуть, что в данной статье были предварительно проранжированы только факторы крупномасштабной *вооруженной* дестабилизации в странах Африки. Поэтому низкое значение важности данного фактора в вышеприведенной табл. вовсе не означает, что он незначим для любых рисков политической нестабильности вообще. Дело в том, что важности данного фактора для *вооруженной* социально-политической дестабилизации вполне могут сочетаться с вполне высокой важностью для дестабилизации *невооруженной* – например, массовой протестной активностью (вплоть до *невооруженных* революционных выступлений) (Слинько и др. 2018; Медведев, Коротаев 2020; Коротаев, Васькин, Билюга 2017; Устюжанин, Коротаев 2022; Korotayev, Vaskin *et al.* 2018). Дело в том, что, как было показано в многочисленных исследованиях, предикторы начала крупномасштабной *вооруженной*⁵ и *невооруженной*⁶ дестабилизационной активности различаются очень сильно; так что факторы, увеличивающие вероятность *невооруженной* дестабилизации, могут снижать вероятность начала *вооруженных* восстаний и наоборот⁷.

Литература

Васькин, И. А., Цирель, С. В., Коротаев, А. В. 2018. Экономический рост, образование и терроризм: опыт количественного анализа. *Социологический журнал* 24(2): 28–65. DOI: 10.19181/socjour.2018.24.2.5844.

Гринин, Л. Е., Исаев, Л. М., Коротаев, А. В. 2016. *Революции и нестабильность на Ближнем Востоке*. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель».

Жданов, А. И., Коротаев, А. В. 2024. Инфляционное давление и революционная дестабилизация: оценка воздействия и сравнительный анализ. *Социология власти* 36(2): 113–141. DOI: 10.22394/2074-0492-2024-2-113-141.

⁵ Гражданские войны / вооруженные восстания / террористические кампании и т. п.

⁶ Массовые протесты / политические забастовки / *невооруженные* революции.

⁷ См., например: Медведев и др. 2022; Коротаев, Жданов 2023а, 2023б; Коротаев и др. 2024; Устюжанин, Жодзишская, Коротаев 2022; Устюжанин, Михеева и др. 2023; Устюжанин, Степанищева и др. 2023; Устюжанин, Сумерников и др. 2022; Beissinger 2022; Butcher, Svensson 2016; Chenoweth, Ulfelder 2017; Korotayev *et al.* 2025; Pinckney, RezaeeDaryakenari 2022 и т. д.

Исаев, Л. М., Коротаев, А. В., Бобарыкина, Д. А. 2022. Влияние «арабской весны» на «черную весну» в Буркина-Фасо. *Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение* 1: 98–109.

Коротаев, А. В., Билюга, С. Э., Шишкина, А. Р. 2016. ВВП на душу населения, уровень протестной активности и тип режима: опыт количественного анализа. *Сравнительная политика* 7(4): 72–94. DOI: 10.18611/2221-3279-2016-7-4(25)-72-94.

Коротаев, А., Васькин, И., Билюга, С. 2017. Гипотеза Олсона – Хантингтона о криволинейной зависимости между уровнем экономического развития и социально-политической дестабилизацией: опыт количественного анализа. *Социологическое обозрение* 16(1): 9–49.

Коротаев, А. В., Васькин, И. А., Романов, Д. М. 2019. Демократия и терроризм: новый взгляд на старую проблему. *Социологическое обозрение* 18(3): 9–48.

Коротаев, А. В., Гринин, Л. Е., Исаев, Л. М., Билюга, С. Э., Васькин, И. А., Слинько, Е. В., Шишкина, А. Р., Мещерина, К. В. 2017. *Дестабилизация: глобальные, национальные, природные факторы и механизмы*. М.: Учитель.

Коротаев, А. В., Гринин, Л. Е., Малков, С. Ю., Исаев, Л. М., Филин, Н. А., Билюга, С. Э., Зинькина, Ю. В., Слинько, Е. В., Шишкина, А. Р., Шульгин, С. Г., Мещерина, К. В., Айсин, М. Б., Иванов, Е. А., Кокликов, В. О., Медведев, И. А., Романов, Д. М., Слав, М., Сойер, П. С. 2021. *Социально-политическая дестабилизация в странах африканской макрзоны нестабильности: количественный анализ и прогнозирование рисков*. М.: Ленанд/URSS.

Коротаев, А. В., Гринин, Л. Е., Медведев, И. А., Слав, М. 2022. Типы политических режимов и риски революционной дестабилизации в XXI веке. *Социологическое обозрение* 21(4): 9–65. DOI: 10.17323/1728-192x-2022-2-9-65.

Коротаев, А. В., Жданов, А. И.

2023а. Количественный анализ политических факторов революционной дестабилизации. Опыт систематического обзора. *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики)* 3(110): 149–171. DOI: 10.30570/2078-5089-2023-110-3-149-171.

2023б. Количественный анализ экономических факторов революционной дестабилизации: результаты и перспективы. *Социология власти* 35(1): 118–159. DOI: 10.22394/2074-0492-2023-1-118-159.

Коротаев, А. В., Малков, С. Ю., Бурова, А. Н., Зинькина, Ю. В., Ходунов, А. С. 2012. Ловушка на выходе из ловушки. Математическое моделирование социально-политической дестабилизации в странах мир-

системной периферии и события Арабской весны 2011 г. В: Акаев, А. А., Коротаев, А. В., Малинецкий, С. Ю., Малков, С. Ю. (ред.), *Моделирование и прогнозирование глобального, регионального и национального развития*. М.: ЛИБРОКОМ/URSS. С. 210–276.

Коротаев, А., Мещерина, К., Каткова, В. 2019. Эхо «арабской весны» в странах Африки южнее Сахары: опыт количественного анализа. *Азия и Африка сегодня* 1: 17–24. DOI: 10.31857/S032150750003339-4.

Коротаев, А. В., Мещерина, К. В., Куликова, Е. Д., Дельянов, В. Г. 2017. Арабская весна и ее глобальное эхо: количественный анализ. *Сравнительная политика* 8(4): 113–126. DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-4-113-126.

Коротаев, А. В., Мусиева, Д. М., Жданов, А. И. 2024. Количественный анализ социально-демографических факторов революционной дестабилизации: результаты и перспективы. *Журнал социологии и социальной антропологии* 27(3): 106–145. DOI: 10.31119/jssa.2024.27.3.4.

Коротаев, А., Романов, Д., Медведев, И. 2019. Эхо «арабской весны» в Восточной Европе: опыт количественного анализа. *Социологическое обозрение*: 18(1): 31–81. DOI: 10.17323/1728-192x-2019-1-56-106.

Коротаев, А., Сойер, П., Гладышев, М., Романов, Д., Шишкина, А. 2021. О некоторых социально-демографических факторах интенсивности антиправительственных демонстраций: доля молодежи в населении, урбанизация и протесты. *Социологическое обозрение* 20(3): 98–128. DOI: 10.17323/1728-192x-2021-3-98-128.

Коротаев, А. В., Халтурина, Д. А., Кобзева, С. В., Зинькина, Ю. В. 2011. Ловушка на выходе из ловушки? О некоторых особенностях политико-демографической динамики модернизирующихся систем. В: Акаев, А. А., Коротаев, А. В., Малинецкий, Г. Г., Малков, С. Ю. (отв. ред.), *Проекты и риски будущего. Концепции, модели, инструменты, прогнозы*. М.: Красанд/URSS. С. 45–88.

Медведев, И. А., Коротаев, А. В. 2020. К построению индекса социально-политической дестабилизации в различных мир-системных зонах. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Быканова, Д. А. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 11. Волгоград: Учитель. С. 433–454.

Медведев, И. А., Коротаев, А. В. 2021. Структурные факторы мирной и вооруженной революционной смены власти: опыт анализа методами машинного обучения. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Быканова, Д. А. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 12. *Революционные процессы в афразийской макроне нестабильности и их глобальный контекст*. Волгоград: Учитель. С. 145–189.

Медведев, И. А., Устюжанин, В. В., Жданов, А. И., Коротаев, А. В. 2022. Применение методов машинного обучения для ранжирования факторов и прогнозирования невооруженной и вооруженной революционной дестабилизации в афразийской макрорегии нестабильности. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Быканова, Д. А. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 13. Волгоград: Учитель. С. 131–210. DOI: 10.30884/978-5-7057-6184-5_06.

Медведев, И. А., Устюжанин, В. В., Зинькина, Ю. В., Черноморченко, И. Ю., Коротаев, А. В. 2024. Опыт оценки рисков крупномасштабной вооруженной политической дестабилизации в странах Африки с использованием методов машинного обучения. *История и современность* 3: 18–44. DOI: 10.30884/iis/2024.03.02.

Мусиева, Д. М., Медведев, И. А. 2024. Существует ли «нефтяное проклятие»? Доля нефтяных доходов в ВВП и риски революционной дестабилизации. *История и современность* 2: 104–119.

Романов, Д. М., Мещерина, К. В., Коротаев, А. В. 2021. Доля молодежи в общей численности взрослого населения как фактор интенсивности ненасильственных протестов: опыт количественного анализа. *Политические исследования* 3: 166–181. DOI: 10.17976/jpps/2021.03.11.

Слав, М., Коротаев, А. В. 2021. К регрессионному анализу рисков революционной дестабилизации в афразийской макрорегии нестабильности в XXI веке. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Быканова, Д. А. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 12. *Революционные процессы в афразийской макрорегии нестабильности и их глобальный контекст*. Волгоград: Учитель. С. 219–241.

Слинько, Е. В., Мещерина, К. В., Шульгин, С. Г., Зинькина, Ю. В., Билюга, С. Э., Коротаев, А. В. 2018. Измерение внутривнутриполитических дестабилизационных процессов: типы нестабильности и их связь с социально-политическими и экономическими факторами. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Мещерина, К. В. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 9. *Социально-политическая и экономическая дестабилизация: анализ страновых и региональных ситуаций в мир-системном аспекте*. Волгоград: Учитель. С. 95–114.

Устюжанин, В. В., Жодзишская, П. А., Коротаев, А. В. 2022. Демографические факторы как предикторы революционных ситуаций. Опыт количественного анализа. *Социологический журнал* 28(4): 34–59.

Устюжанин, В. В., Зинькина, Ю. В., Коротаев, А. В. 2023. Опасная молодежь: почему революции принимают вооруженную или невооруженную форму? *Социологические исследования* 5: 82–96. DOI: 10.31857/S013216250025805-8.

Устюжанин, В. В., Коротаев, А. В. 2022. Регрессионное моделирование вооруженной и невооруженной революционной дестабилизации в африканской макроне нестабильности. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Быканова, Д. А. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 13. Волгоград: Учитель. С. 192–226. DOI: 10.30884/978-5-7057-6184-5_07.

Устюжанин, В. В., Медведев, И. А., Уфимцев, А. А., Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В. 2025. Факторы начала невооруженных революционных выступлений: опыт комплексного анализа. *Социологическое обозрение* 24(1) (в печати).

Устюжанин, В. В., Михеева, В. А., Сумерников, И. А., Коротаев, А. В. 2023. Экономические истоки революций: связь между ВВП и рисками революционных выступлений. *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики)* 1(108): 64–87. DOI: 10.30570/2078-5089-2023-108-1-64-87.

Устюжанин, В., Степанищева, Я., Галлямова, А., Гринин, Л., Коротаев, А. 2023. Образование и риски революционной дестабилизации: опыт количественного анализа. *Социологическое обозрение* 22(1): 98–128. DOI: 10.17323/1728-192X-2023-1-98-128.

Устюжанин, В. В., Сумерников, И. А., Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В. 2022. Урбанизация и революции: количественный анализ. *Социологические исследования* 10: 85–95. DOI: 10.31857/S013216250018478-8.

Хохлов, Н., Васильев, А., Беличенко, А., Кирдянкина, П., Коротаев, А. 2021. Эхо Арабской весны в Западной Европе: опыт количественного анализа. *Международные процессы*. Т. 19. 2(65): 21–49. DOI: 10.17994/IT.2021.19.2.65.7.

Akaev, A., Korotayev, A., Issaev, L., Zinkina, J. 2017. Technological Development and Protest Waves: Arab Spring as a Trigger of the Global Phase Transition? *Technological Forecasting and Social Change* 116: 316–321. DOI: 10.1016/j.techfore.2016.08.009.

Albrecht, H., Koehler, K. 2020. Revolutionary Mass Uprisings in Authoritarian Regimes. *International Area Studies Review* 23(2): 135–159. DOI: 10.1177/2233865920909611.

Asongu, S. A., Kosselle, T. P. Y., Nnanna, J. 2021. Not All that Glitters is Gold: Political Stability and Trade in Sub-Saharan Africa. *Crime, Law and Social Change* 75(5): 469–485.

Beck, N., Jackman, S. 1998. Beyond Linearity by Default: Generalized Additive Models. *American Journal of Political Science* 42(2): 596–627.

Beissinger, M. R. 2022. *The Revolutionary City: Urbanization and the Global Transformation of Rebellion*. Princeton, NJ: Princeton University Press. DOI: 10.2307/j.ctv2175r9q.

Besançon, M. L. 2005. Relative Resources: Inequality in Ethnic Wars, Revolutions, and Genocides. *Journal of Peace Research* 42(4): 393–415.

Bishop, C. M., Nasrabadi, N. M. 2006. *Pattern Recognition and Machine Learning*. New York, NY: Springer New York.

Box-Steffensmeier, J. M., Jones, B. S. 1997. Time is of the Essence: Event History Models in Political Science. *American Journal of Political Science* 41(4): 1414–1461.

Breiman, L. 2001. Statistical Modeling: The Two Cultures (with Comments and a Rejoinder by the Author). *Statistical Science* 16(3): 199–231.

Butcher, C., Svensson, I. 2016. Manufacturing Dissent: Modernization and the Onset of Major Nonviolent Resistance Campaigns. *Journal of Conflict Resolution* 60(2): 311–339. DOI: 10.1177/0022002714541843.

Cebul, M. D., Grewal, S. 2022. Military Conscription and Nonviolent Resistance. *Comparative Political Studies* 55(13): 2217–2249. DOI: 10.1177/00104140211066209.

Chenoweth, E., Ulfelder, J. 2017. Can Structural Conditions Explain the Onset of Nonviolent Uprisings? *Journal of Conflict Resolution* 61(2): 298–324. DOI: 10.1177/0022002715576574.

Chin, J., Song, W., Wright, J. 2023. Personalization of Power and Mass Uprisings in Dictatorships. *British Journal of Political Science* 53(1): 25–44. DOI: 10.1017/S0007123422000114.

Cincotta, R., Weber, H. 2021. Youthful age Structures and the Risks of Revolutionary and Separatist Conflicts. In Goerres, A., Vanhuysse, P. (eds.), *Global Political Demography: The Politics of Population Change*. London: Palgrave. Pp. 57–92.

Davies, S., Engström, G., Pettersson, T., Öberg, M. 2024. Organized Violence 1989–2023, and the Prevalence of Organized Crime Groups. *Journal of Peace Research* 61(4): 673–693.

Davis, J., Goadrich, M. 2006. The Relationship between Precision-Recall and ROC Curves. *Proceedings of the 23rd International Conference on Machine Learning*: 233–240.

Dorogush, A. V., Ershov, V., Gulin, A. 2018. CatBoost: Gradient Boosting with Categorical Features Support. arXiv preprint arXiv:1810.11363.

Dorward, N., Fox, S. 2022. Population Pressure, Political Institutions, and Protests: A Multilevel Analysis of Protest Events in African Cities. *Political Geography* 99: 102762.

Downie, R., Cooke, J. G. 2011. *Assessing Risks to Stability in Sub-Saharan Africa*. Washington, DC: Center for Strategic and International Studies.

Ellingsen, T. 2000. Colorful Community or Ethnic Witches' Brew? Multi-ethnicity and Domestic Conflict during and after the Cold War. *Journal of Conflict Resolution* 44: 228–249.

Ellingsen, T., Gleditsch, N. P. 1997. Democracy and Armed Conflict in the Third World. In Volder, K., Smith, D. (eds.), *Causes of Conflict in the Third World*. Oslo: North/South Coalition and International Peace Research Institute. Pp. 69–81.

Fagbemi, F., Fajingbesi, A. 2022. Political Violence: Why Conflicts can Result from sub-Saharan African Socioeconomic Conditions. *Journal of Business and Socio-Economic Development* 2(2): 153–164.

Fávero, L. P. L., Duarte, A., Santos, H. P. 2024. A New Computational Algorithm for Assessing Overdispersion and Zero-Inflation in Machine Learning Count Models with Python. *Computers* 13(4): 88.

Fearon, J., Laitin, D. 2003. Ethnicity, Insurgency, and Civil War. *American Political Science Review* 97: 75–90.

Fomba Kamga, B., Talla Fokam, D. N. D., Ningaye, P. 2022. Political Instability and Youths Unemployment in Sub-Saharan Africa. *Review of Development Economics* 26(3): 1850–1879.

Fosu, A. K. 2002. Political Instability and Economic Growth: Implications of Coup Events in Sub-Saharan Africa. *American Journal of Economics and Sociology* 61(1): 329–348.

Fosu, A. K. 2003. Political Instability and Export Performance in Sub-Saharan Africa. *The Journal of Development Studies* 39(4): 68–83. DOI: 10.1080/713869426.

Francisco, R. A. 1995. The Relationship between Coercion and Protest: An Empirical Evaluation in Three Coercive States. *Journal of Conflict Resolution* 39: 263–282.

Gaibullov, K., Piazza, J. A., Sandler, T. 2017. Regime Types and Terrorism. *International Organization* 71(3): 491–522. DOI: 10.1017/S02018317000169.

Gelman, A., Hwang, J., Vehtari, A. 2014. Understanding Predictive Information Criteria for Bayesian Models. *Statistics and Computing* 24: 997–1016.

Gleditsch, K., Dahl, M., Gates, S., Gonzalez, B. 2021. Accounting for Numbers: Group Characteristics and the Choice of Violent and Nonviolent Tactics. *The Economics of Peace and Security Journal* 16(1): 5–25.

Gleditsch, K. S., Hegre, H. 2014. Regime Type and Political Transition in Civil War. In DeRouen, K., Newman, E. (eds.), *Routledge Handbook of Civil War*. London: Routledge. Pp. 145–156.

Gleditsch, K. S., Macías-Medellín, M., Rivera, M. 2023. A Double-Edge Sword? Mass Media and Nonviolent Dissent in Autocracies. *Political Research Quarterly* 76(1): 224–238. DOI: 10.1177/10659129221080921.

Gleditsch, N. P., Wallensteen, P., Eriksson, P., Sollenberg, M., Strand, H. 2002. Armed Conflict 1946–2001: A New Dataset. *Journal of Peace Research* 39 (5): 615–637.

Goldstone, J. A., Bates, R. H., Epstein, D. L., Gurr, T. R., Lustik, M., Marshall, M. G., Ulfelder, J., Woodward, M. 2010. A Global Forecasting Model of Political Instability. *American Journal of Political Science* 54(1): 190–208.

Goldstone, J. A., Gurr, T., Harff, B., Levy, M., Marshall, M., Bates, R., Epstein, D., Kahl, C., Surko, P., Ulfelder, J., Unger, Jr. A. 2001. *State Failure Task Force Report: Phase III Findings*. McLean, VA: Science Applications International Corporation (SAIC).

Graves, A. 2012. *Sequence Transduction with Recurrent Neural Networks*. arXiv preprint arXiv:1211.3711.

Gurr, T. R. 1974. Persistence and Change in Political Systems, 1800–1971. *American Political Science* 68: 1482–1504.

Hastie, T., Tibshirani, R., Friedman, J. 2009. *An Introduction to Statistical Learning with Application in R*. 2nd ed. Cham: Springer.

Hegre, H., Ellingsen, T., Gates, S., Gledish, N. P. 2001. Towards a Democratic Civil Peace? Democracy, Political Change, and Civil War, 1816–1992. *American Political Science* 95(1): 33–48.

Hegre, H., Karlsen, J., Nygård, H. M., Strand, H., Urdal, H. 2013. Predicting Armed Conflict, 2010–2050. *International Studies Quarterly* 57(2): 250–270.

Hegre, H., Nygård, H. M., Landsverk, P. 2021. Can We Predict Armed Conflict? How the First 9 Years of Published Forecasts Stand up to Reality. *International Studies Quarterly* 65(3): 660–668.

Hibbs, Jr. D. A. 1994. The Partisan Model of Macroeconomic Cycles: More Theory and Evidence for the United States. *Economics & Politics* 6(1): 1–23.

Honwana, A. M. 2019. Youth Struggles: From the Arab Spring to Black Lives Matter & Beyond. *African Studies Review* 62(1): 8–21.

Kohavi, R. 1995. The Power of Decision Tables. *European Conference on Machine Learning*. Berlin; Heidelberg: Springer. Pp. 174–189.

Korotayev, A., Bilyuga, S., Shishkina, A. 2018. GDP Per Capita and Protest Activity: A Quantitative Reanalysis. *Cross-Cultural Research* 52(4): 406–440.

Korotayev, A., Grinin, L., Ustyuzhanin, V., Fain, E. 2025. The Fifth Generation of Revolution Studies. Part I: When, Why and How did It Emerge. *Critical Sociology* 51(3). DOI: 10.1177/08969205241300596 (in print).

Korotayev, A., Malkov, S., Grinin, L. 2014. A Trap at the Escape from the Trap? Some Demographic Structural Factors of Political Instability in Modernizing Social Systems. In Grinin, L., Korotayev, A. (eds.), *History & Mathematics*. Vol. 4. *Trends and Cycles*. Volgograd: Uchitel. Pp. 201–267.

Korotayev, A. V., Sawyer, P. S., Romanov, D. M. 2021. Socio-Economic Development and Protests: A Quantitative Reanalysis. *Comparative Sociology* 20(2): 195–222. DOI: 10.1163/15691330-bja10030.

Korotayev, A., Shadrova, A., Sokovnina, E., Kaygorodova, M., Musieva, J., Vasiliev, A. 2024. Echo of the Arab Spring in Asia: A Quantitative Analysis. *Journal of Globalization Studies* 15(1): 110–138. DOI: 10.30884/jogs/2024.01.07.

Korotayev, A., Shishkina, A., Khokhlova, A. 2022. Global Echo of the Arab Spring. In Goldstone, J. A., Grinin, L., Korotayev, A. (eds.), *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer Nature. Pp. 813–849. DOI: 10.1007/978-3-030-86468-2_31.

Korotayev, A., Vaskin, I., Bilyuga, S., Ilyin, I. 2018. Economic Development and Sociopolitical Destabilization: A Re-Analysis. *Cliodynamics* 9(1): 59–118. DOI: 10.21237/c7clio9137314.

Korotayev, A., Vaskin, I., Romanov, D. 2021. Terrorism and Democracy. A Reconsideration. *Comparative Sociology* 20(3): 344–379. DOI: 10.1163/15691330-bja10033.

Korotayev, A., Vaskin, I., Tsirel, S. 2021. Economic Growth, Education, and Terrorism: A Re-Analysis. *Terrorism and Political Violence* 33(3): 572–595. DOI: 10.1080/09546553.2018.1559835.

Korotayev, A., Zinkina, J. 2024. Forthcoming Youth Bulge in Egypt: Possible Sociopolitical Implications. *The Journal of North African Studies* 29(5): 841–860. DOI: 10.1080/13629387.2023.2247992.

Kostin, M., Korotayev, A. 2024. USAID Democracy Promotion as a Possible Predictor of Revolutionary Destabilization. *Comparative Sociology* 23(2): 240–278. DOI: 10.1163/15691330-bja10102.

Kurzman, C. 1996. Structural Opportunity and Perceived Opportunity in Social-Movement Theory: The Iranian Revolution of 1979. *American Sociological Review* 61(1): 153–170.

Marwell, G., Oliver, P. 1993. *The Critical Mass in Collective Action: A Micro-Social Theory*. Cambridge: Cambridge University Press.

- Massoud, T. G., Doces, J. A., Magee, C. S. P.** 2019. Protests and the Arab Spring: An Empirical Investigation. *Polity* 51(3): 429–465. DOI: 10.1086/704001.
- Molnar, C., König, G., Bischl, B., Casalicchio, G.** 2024. Model-Agnostic Feature Importance and Effects with Dependent Features: A Conditional Sub-group Approach. *Data Mining and Knowledge Discovery* 38(5): 2903–2941.
- Moyer, J. D., Bello-Schünemann, J.** 2018. Structural Pressures and Political Instability-Trajectories for Sub-Saharan Africa. *ISS Africa Report* 9: 1–32.
- Muller, E. N., Weede, E.** 1990. Cross-National Variations in Political Violence: A Rational Action Approach. *Journal of Conflict Resolution* 34(4): 624–651.
- Ng, A. Y.** 2004. Feature Selection, L 1 vs. L 2 Regularization, and Rotational Invariance. *Proceedings of the Twenty-First International Conference on Machine Learning*. Alberta: ICML.
- Oualy, J. M. R.** 2021. Income Inequality and Socio-Political Instability in Sub-Saharan Africa. *Managing Global Transitions* 19(1): 49–72.
- Pinckney, J. C.** 2020. Curving the Resource Curse: Negative Effects of Oil and Gas Revenue on Nonviolent Resistance Campaign Onset. *Research & Politics* 7(2): 1–6. DOI: 10.1177/2053168020936890.
- Pinckney, J., RezaeeDaryakenari, B.** 2022. When the Levee Breaks: A Forecasting Model of Violent and Nonviolent Dissent. *International Interactions* 48(5): 997–1026. DOI: 10.1080/03050629.2022.2090933.
- Regan, P., Bell, S.** 2009. Changing Lanes or Stuck in the Middle: Why are Anocracies More Prone to Civil Wars? *Political Research Quarterly* 63(4): 747–759.
- Roos, J. E., Oikonomakis, L.** 2014. They don't Represent Us! The Global Resonance of the Real Democracy Movement from the Indignados to Occupy. In Della Porta, D., Mattoni, A. (eds.), *Spreading Protest: Social Movements in Times of Crisis*. Colchester: ECPR Press. Pp. 117–136.
- Rørbæk, L. L.** 2019. Ethnic Exclusion and Civil Resistance Campaigns: Opting for Nonviolent or Violent Tactics? *Terrorism and Political Violence* 31(3): 475–493. DOI: 10.1080/09546553.2016.1233872.
- Rubin, D. B.** 1987. The Calculation of Posterior Distributions by Data Augmentation: Comment: A Noniterative Sampling/Importance Resampling Alternative to the Data Augmentation Algorithm for Creating a Few Imputations When Fractions of Missing Information are Modest: The SIR Algorithm. *Journal of the American Statistical Association* 82(398): 543–546.
- Saito, T., Rehmsmeier, M.** 2015. The Precision-Recall Plot is More Informative Than the ROC Plot When Evaluating Binary Classifiers on Imbalanced Datasets. *PLoS One* 10(3): e0118432.

Saud, S., Jamil, B., Upadhyay, Y., Irshad, K. 2020. Performance Improvement of Empirical Models for Estimation of Global Solar Radiation in India: A K-Fold Cross-Validation Approach. *Sustainable Energy Technologies and Assessments* 40: 100768.

Shaheen, S. 2015. *Social Uprisings: Conceptualization, Measurement, Causes and Implications*. Marburg: Philipps-University of Marburg.

Shihade, M., Flesher Fominaya, C., Cox, L. 2012. The Season of Revolution: the Arab Spring and European Mobilizations. *Interface: a Journal for and about Social Movements* 4(1): 1–16.

Slinko, E., Bilyuga, S., Zinkina, J., Korotayev, A. 2017. Regime Type and Political Destabilization in Cross-National Perspective: A Re-Analysis. *Cross-Cultural Research* 51(1): 26–50. DOI: 10.1177/1069397116676485.

Ustyuzhanin, V. V., Sawyer, P. S., Korotayev, A. V. 2023. Students and Protests: A Quantitative Cross-National Analysis. *International Journal of Comparative Sociology* 64(4): 375–401. DOI: 10.1177/00207152221136042.

Walter, B. F. 2023. *How Civil Wars Start: And How To Stop Them*. New York, NY: Crown.

Ward, M. D., Gleditsch, K. S. 2008. *Spatial Regression Models*. Thousand Oaks, CA: Sage Publications Inc.

Wimmer, A., Cederman, L. E., Min, B. 2009. Ethnic Politics and Armed Conflict: A Configurational Analysis of a New Global Data Set. *American Sociological Review* 74(2): 316–337. DOI: 10.1177/000312240907400208.

Zonda, J. M., Lin, C. C., Chang, M. J. 2024. On the Economic Costs of Political Instabilities: A Tale of Sub-Saharan Africa. *Empirical Economics* 66(1): 137–173.

СОПЕРНИЧЕСТВО ГЛОБАЛЬНЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ИГРОКОВ В АФРИКЕ

Т. Р. ХАЙРУЛЛИН, А. В. КОРОТАЕВ

СХВАТКА ЗА СОМАЛИ*

В последние десятилетия сомалийское государство стало ареной борьбы региональных и глобальных игроков за доминирующее положение. Важную роль в решении внутренних проблем Сомали играет Турция, которая в последнее десятилетие значительным образом укрепила свои позиции посредством заключения соглашений военно-технического и торгово-экономического характера. Нередко Анкара тесно сотрудничает в Сомали с Катаром, демонстрируя союзнические отношения. Здесь так называемый турецко-катарский альянс выступает в качестве противовеса усиливающейся роли Саудовской Аравии и ОАЭ, которые также стремятся к укреплению своих позиций в сомалийском государстве. В свою очередь, Эр-Рияд и Абу-Даби противостоят распространению шиитского влияния в лице Ирана. Немаловажную роль в Сомали играют ее непосредственные соседи, такие как Эфиопия и Египет. Кроме того, наличие целого ряда нерешенных внутренних и внешних проблем, а также проблема слабой центральной власти вынуждают Могадишо диверсифицировать свои отношения и искать помощи у всех заинтересованных в укреплении позиций в Сомали игроков, усиливая соперничество и конкуренцию между ними. Данные обстоятельства должны обязательно учитываться РФ при выстраивании ее внешнеполитической линии в регионе Африканского Рога.

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 24-18-00650).

Для цитирования: Хайруллин, Т. Р., Коротаев, А. В. 2024. Схватка за Сомали. *История и современность* 3: 69–86. DOI: 10.30884/iis/2024.03.04.

For citation: Khayrullin, T. R., Korotayev, A. V. 2024. The Fight for Somalia. *Istoriya i sovremennost' = History and Modernity* 3: 69–86. DOI: 10.30884/iis/2024.03.04.

История и современность, № 3, сентябрь 2024 69–86

DOI: 10.30884/iis/2024.03.04

Ключевые слова: Сомали, нестабильность, Африканский Рог, радикальный исламизм, терроризм, экстремизм, региональные державы, Турция, Саудовская Аравия, ОАЭ, Катар, Иран.

Введение

Со времен получения независимости Сомали было достаточно неустойчивым и нестабильным государством (см., например: Коротаяев, Voronina 2024). Учитывая стратегическое расположение возле Баб-эль-Мандебского пролива, который соединяет Красное море с Индийским океаном, Сомали представляет собой площадку для соперничества целого ряда региональных игроков. К числу таких стран относится Турция, которая ведет активную политику по укреплению своих позиций.

Отметим, что довольно часто Турция действует в связке с Катаром. Так называемый турецко-катарский альянс эффективно рекомендовал себя в период «арабской весны», укрепив свои позиции на Ближнем Востоке и в Северной Африке посредством своей поддержки транснациональной организации «Братьев-мусульман»¹ (Васильев и др. 2019; Хайруллин, Коротаяев 2018; Khayrullin, Korotayev 2023). Несмотря на последующее ослабление позиций «Братьев-мусульман» в регионе, турецко-катарский альянс продолжает сохранять свой потенциал, выступая противовесом против усиливающейся роли других региональных и глобальных игроков, таких как Саудовская Аравия, ОАЭ, Иран, Китай и т. д.

В августе 2011 г. Р. Т. Эрдоган совершил визит в Сомали в рамках программы гуманитарной помощи, став первым неафриканским донором за последние два десятилетия. Дело в том, что 2011 г. был чрезвычайно тяжелым для Сомали, поскольку страна боролась с последствиями засухи (самой сильной за последние 60 лет), гражданской войны с клановыми военачальниками, соперничающими политиками и военизированной группировкой «Аш-Шабаб»¹, борющейся за контроль в регионе (Siradag 2017; Korotayev, Voronina 2024). В результате усилий Турции в течение двух месяцев объем общественных пожертвований и перечислений из государственных фондов достиг 300 млн долларов. Анкара также организовала экстренное заседание Организации исламского сотрудничества (ОИС) и убедила государства-члены собрать 350 млн

¹ Организация признана террористической Верховным судом РФ, ее деятельность на территории России запрещена.

долларов для помощи голодающим. Более того, в Сомали были направлены сотни турецких гуманитарных работников, врачей и государственных советников, построены полевые госпитали, приюты, а также организована доставка медицинской и продовольственной помощи перемещенным лицам. *Turkish Airlines* стала первой международной авиакомпанией, запустившей прямые рейсы в Сомали за предшествовавшие два десятилетия (Durmaz 2021).

Важно, что гуманитарная помощь Турции продолжалась даже после того, как ООН объявила о завершении экстренной ситуации с голодом в стране в 2012 г. В этот период Сомали была вторым по величине получателем чрезвычайной помощи и пятым по величине получателем общей помощи от Анкары. Поскольку Сомали стала приоритетным направлением внешней политики Турции в регионе Африканского Рога, Анкара построила крупнейшее турецкое посольство в столице этого государства. Турецкие компании реконструировали морской порт Могадишо, аэропорт и заключили контракты на управление и обслуживание двух крупнейших источников доходов страны (Mukhtar 2021).

Отметим, комплексная помощь Турции Сомалийской Республике была отнюдь не бескорыстна. Турецкий лидер Р. Т. Эрдоган проявлял интерес к Сомали еще в 2007 г., после встречи с президентом Переходного федерального правительства Абдуллахи Юсуфом. Тогда были обозначены приоритетные направления гуманитарной помощи, в которой нуждалась Сомали. Ситуация сложилась благоприятно со сменой власти в 2009 г. и переходом ее к умеренно исламистской администрации Шарифа Шейха Ахмеда (в 2004–2007 гг. возглавлявшего Союз исламских судов), после чего новые власти Сомали подписали военный контракт с Турцией, направленный на обеспечение безопасности Сомали от радикальных исламистов (Shiekh 2023). Для Турции это открывало возможность контролировать регион Африканского Рога и акваторию Красного моря и в более широком отношении распространять свое влияние на Восточную Африку и Африку южнее Сахары. Более того, активизация усилий во время голода 2011 г. стала хорошим поводом завуалировать свои экспансионистские планы под гуманитарным прикрытием. Существовал риск, что вмешательство Турции во внутренние дела Сомали до 2011 г. могло рассматриваться мировым сообществом как иностранная экономическая и политическая оккупация, но на фоне разрушений, вызванных одним из самых страшных голодных лет в истории страны, самопровозглашенная миссия

Турции воспринималась многими именно как гуманитарная операция. Важно, что активизация турецких усилий в Сомали при финансовой и дипломатической поддержке Катара совпала с событиями «арабской весны», когда Анкара и Доха предприняли беспрецедентную попытку усилить свое влияние в арабском регионе, бросив вызов лидирующим позициям саудовско-эмиратского блока (Хайруллин 2019; Васильев и др. 2019; Хайруллин, Коротаев 2018; Khayrullin, Korotayev 2023).

Активное вовлечение Катара в сомалийские внутривнутриполитические процессы началось с момента краткого правления в Могадишо (и большей части Сомали, июнь – декабрь 2006 г.) Союза исламских судов (СИС) (Islamic... 2024). В то время Доха председательствовала в Комитете Совета Безопасности ООН по Сомали. После первоначального диалога с СИС и встречи с его главой Шарифом Шейхом Ахмедом в сентябре 2006 г. эмир Хамад бен Халифа Аль Тани, как говорят, предпринял несколько попыток примирить умеренную и радикальную фракции в СИС (Novel 2019). Позже, в 2009 г., Шейх Шариф был избран главой Переходного федерального правительства (ПФП), пользуясь финансовой поддержкой Катара (Gaas 2013). Однако впоследствии отношения между новым главой государства и Катаром испортились, после отказа Шарифа Шейха Ахмеда (представлявшего более умеренную фракцию) включать в состав правительства бывших членов СИС Хасана Дахира Авейса и его сторонников, представлявших более радикальную фракцию (Cannon 2019). К тому же Хасан Дахир Авейс был представителем южных кланов хавийе (доминировавших в Могадишо и вокруг него), в то время как ПФП состоял в основном из представителей северных кланов (Berland *et al.* 2024).

Доха приложила значительные усилия для вмешательства во внутреннюю политику Сомали и поддержки своих собственных кандидатов на президентских выборах 2012 и 2017 гг. В частности, в 2012 г. состоялись первые выборы, на которых кандидаты боролись за пост президента Переходного федерального правительства. На этих выборах Катар отказался от поддержки Шарифа Шейха Ахмеда и поддержал кандидатуру относительно неизвестного сомалийского ученого Хасана Шейха Махмуда. Проводником катарских интересов в Сомали во время президентских выборов выступили представители движения «Аль-Ислах»² (сомалийского отде-

² Организация признана террористической Верховным судом РФ, ее деятельность на территории России запрещена.

ления «Братьев-мусульман»), которые при финансовой поддержке Катара продвигали кандидатуру Хасана Шейха Махмуда (Hammond 2013). Турция также, как сообщается, поддержала Махмуда, но влияние и возможности Анкары были ограничены, поскольку она участвовала в Сомали только в рамках программы помощи голодающим в конце 2011 г. (Cannon 2016; Donelli 2018). Лидеры обоих государств поддерживали Махмуда, который и был избран президентом Сомали (при финансовой поддержке Катара) по целому ряду причин, одна из которых отражала общий подход и поддержку движений, идеологически связанных с умеренным исламом «Братьев-мусульман» (Хайруллин 2021; Хайруллин, Коротаев 2018).

В 2017 г. Турция поначалу в значительной степени поддержала действующего президента Хасана Шейха Махмуда, надеясь сохранить свое неуклонно растущее влияние в Сомали наряду с выгодными контрактами для турецких компаний. С другой стороны, Катар стал делать ставку на более лояльного и «управляемого» кандидата в лице Мохаммеда Абдуллахи Мохаммеда, известного в народе как Фармаджо. Катар сделал это через Фахада Ясина, того же человека – и бывшего журналиста «Аль-Джазир», – который выступил посредником при оказании финансовой помощи Катара Хасану Шейху Махмуду в 2012 г. То, что катарский выбор пал на Фармаджо, также связано с тем, что ОАЭ стали оказывать финансовую поддержку Махмуду, надеясь оградить победившего кандидата от влияния Турции и сделать его своим человеком в Могадишо (Cannon, Donelli 2021).

С приходом к власти в Сомали Мохаммеда Абдуллахи Мохаммеда (Фармаджо) в феврале 2017 г. позиции Катара укрепились. Одним из примеров дружеских отношений между двумя государствами является тот факт, что по просьбе катарского правительства сомалийский лидер назначил Фахада Ясина главой Национального агентства разведки и безопасности Сомали (National Intelligence and Security Agency – NISA), хотя Ясин не имел опыта работы в сфере безопасности или разведки (Ali 2020). А его шурин Абдиризак Фарах Али был назначен послом Сомали в Катаре (Novel 2019). Под руководством Ф. Ясина NISA служило координационным центром для катарских разведывательных операций на Африканском Роге (Ali 2020). Выступая за территориальную целостность страны, Катар финансировал кампании, направленные на снижение сепаратистских тенденций в Сомалиленде и других районах страны. В свою

очередь, ОАЭ обвиняли Катар в продвижении сомалийских политиков, симпатизирующих «Братьям-мусульманам» (Somalia... 2018).

С другой стороны, в сентябре 2017 г. Турция открыла крупнейшую иностранную военную базу в Сомали. В тренировочном центре «ТуркСом», находящемся на территории военной базы, Анкара обучает тысячи сотрудников специальных военных и полицейских сил. Сомалийские спецназовцы под названием «Бригада командос “Горгор” (“Орлы”») проходят начальную подготовку в «ТуркСоме», а затем они зачисляются на программы подготовки командос в городе Испарта на юго-западе Турции (Durmaz 2021). Эти успехи стали следствием усилий турецких и катарских дипломатов, выступавших с инициативой, направленной на восстановление оборонного потенциала Сомали (Колесникова 2020).

В 2018 г. Турция назначила специального посланника по Сомали – впервые в турецкой внешней политике – и поручила ему возобновить усилия по примирению (хотя и маловероятному в ближайшей перспективе) федерального правительства Сомали и отколовшегося Сомалиленда (Vertin 2019). Отметим, что первые усилия в этом направлении были предприняты Турцией еще в мае 2010 г., когда она провела Стамбульскую конференцию по Сомали под эгидой ООН, по итогам которой была принята Стамбульская декларация в качестве дорожной карты по урегулированию сомалийского конфликта. Это привело к написанию конституции Сомали и избранию парламента, который в свою очередь в 2012 г. избрал Хасана Шейха Махмуда первым постоянным (непереходным) президентом Сомали с 1991 г. Кроме того, в Стамбуле в 2012 г. состоялась Вторая Стамбульская конференция по Сомали под названием «Подготовка будущего Сомали: цели на 2015 г.» для обсуждения вопросов национального примирения и восстановления в Сомали (Shabana 2017).

В 2019 г. Катарский фонд развития приступил к реализации ряда проектов в области развития в Сомали. Годом ранее Катар пожертвовал парк из 68 бронированных машин и доставил по воздуху жертв террористической атаки «Аш-Шабаб» из Могадишо в Доху для оказания неотложной медицинской помощи (Qatar-Somalia... 2021).

Катар также приступил к строительству нового морского порта в Хобьо, что может стать стратегической инвестицией в районе Восточной Африки, который яростно оспаривают конкуренты из Персидского залива (Dahir 2022).

Турция также занимается прямыми инвестициями в сомалийскую экономику. В ноябре 2020 г. эта страна предоставила почти 3,4 млн долларов для погашения долга Сомали перед Международным валютным фондом. Уже в 2021 г. Анкара объявила о прямом пожертвовании Сомали в размере 30 млн долларов, которое будет выплачиваться ежемесячными платежами в размере 2,5 млн долларов (Durmaz 2021). В том же году турецкий бизнес подписал 14-летний контракт на управление и модернизацию порта в столице Сомали Могадишо. Важное значение приобрела помощь от Анкары, особенно в области развития и социальных проектов, через Турецкое агентство по сотрудничеству и координации (Mules 2022).

Катар долгое время работал над созданием международного имиджа посредника между государствами как внутри, так и за пределами Ближнего Востока. На Африканском Роге катарские дипломаты так же выполняли посредническую миссию по разрешению территориальных и иных споров. В частности, в мае 2021 г. Катар выступил посредником в возобновлении дипломатических отношений между Кенией и Сомали, направив своего специального посланника по борьбе с терроризмом и посредничеству в урегулировании конфликтов доктора Мутлака аль-Кахтани, после того как Сомали разорвала связи с Кенией в декабре 2020 г., обвинив последнюю во вмешательстве в свои внутренние дела³.

По истечении президентского срока Фармаджо 7 февраля 2021 г. катарские дипломаты прикладывали максимальные усилия для его переизбрания. Катар устраивал встречи со старейшинами кланов и влиятельными лицами в Могадишо, чтобы заставить их поддерживать действующего президента (Ahmed 2021). Выборы, запланированные на 8 февраля 2021 г., так и не состоялись, поскольку Фармаджо издал указ, позволяющий оставаться на своем посту в течение двух лет после истечения его срока, якобы для того, чтобы обеспечить возможность проведения выборов по новой системе. Этот шаг, поддержанный нижней палатой страны, был отвергнут верхней, которая совместно с оппозицией восприняла действия президента как захват власти. Это спровоцировало достаточно массовые протесты, а также столкновения между правительственными

³ Кения принимала у себя руководство отколовшегося Сомалиленда, а ранее, в ноябре 2020 г., Сомали также обвинила Найроби во вмешательстве в избирательный процесс в граничащем с Кенией сомалийском штате Джубаленд (см. подробнее: Custers 2021).

войсками и вооруженными повстанческими группировками в столице страны (так называемая «электоральная революция» [Korotayev, Voronina 2024]). В конце мая 2021 г. решение о продлении президентских полномочий было отменено, а президент отстранился от участия в организации выборов, передав курирующие полномочия премьер-министру Мохамеду Хусейну Робле.

В сентябре 2021 г. новая фаза конфликта между президентом и премьер-министром привела к вводу в столицу войск, а в декабре 2021 г. Робле, который был отстранен президентом от своих полномочий, обвинил его в попытке государственного переворота. Итогом многочисленных переговоров между Робле и кандидатом в президенты стало заключение соглашения о проведении президентских и парламентских выборов к 25 февраля 2022 г., которые в итоге были перенесены на май 2022 г. Итогом президентских выборов, которые характеризовались достаточной представительностью (в кандидаты в президенты выдвинулось 10 человек) и относительным отсутствием протестных выступлений в рамках мирной передачи власти стала победа Хасана Шейха Махмуда, возглавлявшего ранее государство в период с 2012 по 2017 г. (Muyonga 2022).

Наличие давних связей нового сомалийского президента с Турцией способствовало укреплению двусторонних отношений между государствами. Одним из первых шагов Хасана Шейха Махмуда на посту президента стала его зарубежная поездка в Турцию и встреча с турецким лидером в июле 2022 г. В свою очередь, Турецкая Республика оказала гуманитарную помощь сомалийскому населению для предотвращения голода, связанного с сильнейшей за последние два года засухой.

Борьба региональных игроков в Сомали

Очередной приход к власти Хасана Шейха Махмуда привел, с одной стороны, к укреплению турецко-катарского блока в стране, с другой – к активизации действий ОАЭ по недопущению ослабления своих позиций.

Отметим, что действующий президент в период своего первого срока (2012–2017 гг.) пользовался финансовой поддержкой ОАЭ, которые пытались тем самым ослабить турецкие позиции в стране. Однако выяснилось, что Хасан Шейх Махмуд действовал довольно прагматично, сотрудничая и с ОАЭ, и с Турцией. На президентских выборах 2017 г. Турция и ОАЭ поддержали кандидатуру Хасана Шейха Махмуда, однако широкие финансовые возможности Ката-

ра привели к власти в 2017 г. кандидатуру Фармаджо. Исходя из того, что Катар имеет союзнические отношения с Турцией, можно утверждать, что позиции Анкары продолжили укрепляться, наряду с параллельным ослаблением позиций ОАЭ.

Кроме того, победа Фармаджо совпала с дипломатическим кризисом 2017 г. вокруг Катара, в результате которого сомалийскому лидеру необходимо было сделать выбор между, с одной стороны, ОАЭ, которые действуют нередко вместе с Саудовской Аравией, с другой – турецко-катарским блоком. Не желая отречься от финансовых покровителей, приведших его к власти, Фармаджо занял позицию нейтралитета и отказался разрывать дипотношения с Дохой. Отношения между ОАЭ и Сомали были быстро заморожены, и ОАЭ прекратили свои программы помощи в области безопасности. Отказавшись от программы военной подготовки, которая существовала с 2014 г., Абу-Даби освободил пространство для иностранной военной поддержки, которое быстро заполнила Турция, создавшая в 2017 г. военную базу в Сомали.

Наряду с тем, что Турция имеет военную базу и поддерживает правительство Сомали и его федеральную целостность, ОАЭ поддерживают Сомалиленд и Пунтленд, которые стремятся к независимости от Сомали (в случае Сомалиленда) или к большей автономии в составе сомалийской федерации (в случае Пунтленда). Во многом усилия ОАЭ связаны с контролем над Красным морем и событиями в Йемене. Сохранение внутритерриториального раскола подрывает авторитет Могадишо, а вместе с ним косвенно ударяет по двум его основным покровителям – Анкаре и Дохе.

В 2017 г. компания «DP World», принадлежащая правительству Объединенных Арабских Эмиратов, подписала контракт на сумму 336 млн долларов на расширение порта Босасо к северу от Могадишо в сомалийском штате Пунтленд (Fick 2018).

Трехстороннее соглашение, подписанное в 2018 г. между отколовшейся Республикой Сомалиленд, Эфиопией и дубайской компанией DP World о расширении и эксплуатации порта в Бербере, еще больше осложнило отношения между Сомали и ОАЭ. Фармаджо как истинный сомалийский националист настаивал на том, что де-факто независимый Сомалиленд является неотъемлемой частью Сомали, и поэтому запретил DP World действовать в Сомали. DP World и Сомалиленд проигнорировали требования Фармаджо, и работа в порту продолжилась. Абу-Даби, со своей стороны, как сообщается, поощрял консолидацию Форума национальных партий

(ФНП), зонтичной оппозиционной группы, выступающей против Фармаджо и его партии «Тайо». Созданный до пандемического кризиса альянс объединил шесть политических партий, выступающих против правительства, и включил в себя нескольких видных сомалийских политических деятелей, в том числе двух президентов, предшествовавших Фармаджо, Шарифа Шейха Ахмеда и Хасана Шейха Махмуда. Наконец, сигнализируя о своем продолжающемся недовольстве Фармаджо, в 2021 г. ОАЭ стали первым арабским государством, назначившим посла в Сомалиленде (Тепе 2021).

Более того, ОАЭ косвенно стали поддерживать радикальную исламистскую группировку «Аш-Шабаб»⁴, усиливая нестабильность и раскол сомалийского общества. Спрос на древесный уголь со стороны богатых государств Персидского залива создает постоянный поток доходов для воинствующей группировки «Аш-Шабаб» за счет незаконной торговли древесным углем. По оценкам ООН, на 2019 г. «Аш-Шабаб» ежегодно зарабатывала 7,5 млн долларов на налогообложении торговли, которая удовлетворяла потребности многих государств Персидского залива, таких как ОАЭ и Саудовская Аравия, путем транзита продукции через Иран. В 2012 г. ООН ввела запрет на экспорт древесного угля из Сомали. Незаконный экспорт облагается высокими налогами группировкой «Аш-Шабаб» в районах, находящихся под их контролем, принося боевикам миллионы долларов и становясь одним из их крупнейших источников дохода. По некоторым оценкам, объем не вполне легального экспорта сомалийского древесного угля только в ОАЭ составляет около 150 млн долларов в год (Southern 2019).

Отметим, что в последнее время появилась новая угроза в лице Ирана, который активно налаживает отношения с Сомали и выступает конкурентом турецким и саудовским интересам в стране. В частности, в августе 2024 г. на полях заседаний Организации исламского сотрудничества в Джидде произошла официальная встреча сомалийской и иранской делегаций, которые согласились восстановить дипломатические отношения, разорванные в 2016 г. Поводом для восстановления отношений стало освобождение сомалийскими властями 33 иранских рыбаков, задержанных в 2023 г. и обвиненных в незаконном рыболовстве и нанесении ущерба морским ресурсам Сомали (Somalia Frees... 2024). Представители Сомали и Ирана сошлись во мнении о необходимости налаживания

⁴ Организация признана террористической Верховным судом РФ, ее деятельность на территории России запрещена.

двусторонних связей, а также выступили с осуждением израильской агрессии в секторе Газа (Хайруллин 2024).

Решение о разрыве дипломатических отношений с Ираном под давлением Саудовской Аравии было принято правительством Сомали в январе 2016 г. под руководством президента Хасана Шейха Махмуда. В адрес иранских дипломатов и гуманитарных организаций были выдвинуты обвинения в попытке распространения шиитской идеологии в Сомали. 7 января 2016 г. правительство в Могадишо потребовало от всех иранских дипломатов и сотрудников посольства покинуть страну в течение 72 часов. В тот же день было объявлено о разрыве дипломатических отношений с Ираном. В качестве реакции на данный дипломатический жест Саудовская Аравия пообещала предоставить Сомали финансовую помощь в размере 50 млн долларов (Somalia Received... 2016).

Налаживание отношений Сомали с Тегераном происходит в период изменения геополитической обстановки в регионе. Возобновление нападений в Красном море со стороны йеменских хуситов, поддерживаемых Ираном, усилило обеспокоенность Могадишо по поводу безопасности морских границ. Хуситы, известные своими связями с сомалийской радикальной группировкой «Аш-Шабаб», недавно возобновили контакты, что совпало с активизацией деятельности сомалийских пиратов, нападающих на корабли и суда в Красном море (Somalia Frees... 2024). Поэтому решение о восстановлении отношений с Ираном подчеркивает сложное взаимодействие дипломатических, военных и экономических интересов, формирующих геополитический ландшафт Африканского Рога.

Помимо противостояния турецко-катарского блока с эмиратско-саудовским, а также Саудовской Аравии с Ираном в Сомали действуют другие игроки, такие как Китай, который пытается усилить свое влияние не только на Сомали, но и на Африканский Рог в целом. Китайцы стараются заменить своей американскую стратегию по работе с местными элитами, обучая их, а также финансируя различные инвестиционные программы. В целях углубления сотрудничества с Сомали, а также помощи в противодействии террористическим угрозам со стороны «Аш-Шабаб» в сочетании с внутренней коррупцией и давним соперничеством кланов Китай в сентябре 2024 г. объявил о выделении значительной финансовой помощи в размере 28 млн долларов. Здесь Пекин продолжает конкурировать с Вашингтоном, который через Агентство по международному сотрудничеству (USAID) оказал в 2021 г. Со-

мали финансовую помощь в размере 150 млн долларов, при этом с 2022 г. общая сумма гуманитарной помощи составила 1,7 млрд долларов для решения таких критических проблем, как засуха и наводнения (China's... 2024).

Кроме того, Китай начал перехватывать инициативу по контролю над африканскими портами. Так, более 30 % африканских портов построено за счет китайского софинансирования и около 90 % портов находятся под тем или иным контролем китайских компаний (Маслов 2024). Из африканских стран, участвующих в инициативе «Один пояс – один путь», 70 % расположены на северном, восточном, западном или южном побережье, и ключевые инвестиции были сделаны в порты, расположенные вблизи Аденского залива и Суэцкого канала, в том числе в порт Джибути, Порт-Судан, Порт-Саид – Порт-Тевфик, порт Айн-Сохна, порт Зарзис, порт Эль-Хамдания и недавно профинансированный и введенный в эксплуатацию глубоководный порт Лекки в Лагосе, крупнейший в Западной Африке (Hamlyn 2024). Однако порты, расположенные на побережье сомалийского государства, не входят в прямую орбиту влияния китайских компаний, что является скорее исключением.

Очередной виток напряженности

Очередной виток напряженности в регионе Африканского Рога произошел после неожиданного подписания 1 января 2024 г. Меморандума о взаимопонимании между Эфиопией и Сомалилендом. Согласно договоренностям, Сомалиленд обязался предоставить эфиопской стороне аренду своего порта сроком на 50 лет в обмен на признание Аддис-Абебой Сомалиленда в качестве независимого и суверенного государства (Muibu 2024). В целом это соглашение имело выгодные условия для обеих сторон. Для Эфиопии, не имеющей выхода к морю и использующей в качестве основных «торговых ворот» порт Джибути, альтернатива в виде порта Сомалиленда обеспечила бы более удобный выход к Индийскому океану. Для Сомалиленда – автономного штата Сомали, де-факто имеющего все признаки независимого государства, максимально важно признание мировым сообществом его суверенитета, поскольку его независимость не признана ни одной страной (Коротаяев, Хайруллин 2024). Неудивительно, что такого рода сделка вызвала волну негодования в Сомали.

Первым шагом Могадишо стал отзыв посла из Эфиопии и объявление о непризнании подписанного меморандума. Спустя пару

недель сомалийские власти отказали в разрешении на полет самолету Ethiopian Airlines, на борту которого находилась высокопоставленная эфиопская делегация, направлявшаяся в Харгейсу (Сомалиленд) для обсуждения меморандума. Дело в том, что Могадишо почти не влияет на то, что происходит внутри Сомалиленда, но сохраняет контроль над воздушным пространством.

Кроме того, сомалийский президент Хасан Шейх Махмуд сосредоточился на поиске союзников и международных организаций для оказания давления на Эфиопию. Ему удалось созвать экстренные саммиты и встречи Лиги арабских государств, Африканского союза, Совета Безопасности ООН и др., которые в большинстве своем поддержали позицию Могадишо и выступили за сохранение территориальной целостности сомалийского государства.

Важным союзником стал Катар, известный своей дипломатией, позволяющей оказывать посреднические услуги во многих конфликтных ситуациях регионального и даже мирового масштаба. В ходе проведенных эмиром Катара шейхом Тамимом бин Хамадом Аль Тани телефонных переговоров с президентом Сомали Хасаном Шейхом Махмудом и премьер-министром Эфиопии Абием Ахмедом была подчеркнута важность урегулирования спора путем диалога и мирными средствами. Также Катар выразил готовность поддерживать любые усилия, направленные на деэскалацию (Qatar's... 2024).

Активное развитие сомалийско-турецких отношений привело к подписанию в феврале 2024 г. важных военных и экономических соглашений, позволивших Турции стать ключевым игроком в регионе Африканского Рога. Согласно 10-летнему соглашению, Анкара будет помогать Могадишо защищать свои морские территории от пиратства, контрабанды и иностранного вмешательства. По условиям этого соглашения Турция также обязана обучать и восстанавливать сомалийские военно-морские силы. Процесс восстановления включает в себя оснащение сомалийских военно-морских сил оружием турецкого производства. Это оружие включает в себя фрегаты, построенные в основном для ВМС Сомали, что означает, что спрос на продукцию турецкого военного экспорта в ближайшие годы возрастет. Отметим, что турецкие беспилотные летательные аппараты уже пользуются большой популярностью среди африканских государств. Соглашения экономического характера позволяют Турции работать над добычей природных ресурсов в территориальных водах Сомали в обмен на согласованный процент для себя. По некоторым сообщениям, Турция будет получать 30 % доходов

от сомалийской экономической зоны. Воздушное пространство Сомали также будет полностью открыто для использования турецкими военными (Abouyoussef 2024).

С осуждением сделки между Эфиопией и Сомалилендом выступил и Египет, обещавший оказать поддержку Сомали, поскольку он имеет довольно напряженные отношения с Аддис-Абебой из-за спора о контроле над нильскими водными ресурсами.

В целом ситуация продолжает оставаться сложной, поскольку, с одной стороны, Эфиопия помимо кризиса с Могадишо столкнулась с проблемой активизации повстанческих формирований «Амара Фано», а также драматической гуманитарной ситуацией в регионе Тыграй на фоне глубокого экономического кризиса в стране, что не позволяет Аддис-Абебе включаться в открытый конфликт с Сомали. С другой – эфиопские войска играют важную роль в обеспечении внутренней безопасности в Сомали в рамках миротворческой миссии Африканского союза против террористических группировок, тем самым оказывая определенное влияние на Могадишо. При этом ситуация нагнеталась угрозами отдельных сомалийских элит отказаться от услуг эфиопских войск в борьбе против радикальных групп, которые предложили заменить их на египетские войска. Миссия миротворческих сил Африканского союза на территории Сомали закрывается в декабре 2024 г., что дает Египту хороший шанс для укрепления позиций в Сомали. Отметим, что Каир уже отправил некоторое количество оружия, военных советников и отдельные спецподразделения для укрепления миротворческой миссии. В ответ Эфиопия выразила недовольство и отправила в Сомали еще 7 тыс. солдат для усиления своего присутствия в стране, несмотря на требования правительства Могадишо об их выводе (Somalia Greenlights... 2024).

Отсутствие путей выхода из кризиса вынудило премьер-министра Эфиопии Абия Ахмеда в мае 2024 г. обратиться за помощью к Турции, которая поддерживает торговые и оборонные связи с обеими странами. Это привело к началу переговорного процесса. По итогам первого и второго раундов переговоров турецкий министр иностранных дел Хакан Фидан сообщил, что он предложил соглашение, которое обеспечит Эфиопии выход к морю через Сомали. В свою очередь, Эфиопия должна будет признать территориальную целостность и политический суверенитет Сомали.

Следующий, третий раунд переговоров был намечен на 17 сентября, однако его проведение сорвалось из-за подготовки сторон к Генеральной Ассамблее ООН.

Заключение

Сомалийское государство продолжает оставаться активной зоной нестабильности. Этому способствует целый ряд факторов, которые имеет смысл разделить на внутренние и внешние. К числу внутренних относятся: кланово-племенные противоречия, социальное неравенство, природные катаклизмы, коррупция, слабость центральной власти, угроза радикального исламизма и проблема сепаратизма отдельных штатов. К числу внешних – наличие территориальных споров, борьба региональных и глобальных акторов за контроль над природными ресурсами, морскими портами, рынками сбыта товаров и т. д.

К числу наиболее активных региональных и глобальных игроков относятся Турция, Катар, Саудовская Аравия, ОАЭ, Эфиопия, Египет, Китай, которые используют широкий спектр инструментов для влияния на сомалийские власти, а также для ослабления позиций друг друга. С одной стороны, присутствует угроза этноконфессионального терроризма и экстремизма, которая является общей для всех игроков, борющихся за гегемонию в Сомали. С другой – конкуренция и соперничество между странами не позволяют им выстраивать конструктивный диалог для формирования единой линии поведения для борьбы с общей угрозой, пусть даже в тактических целях. Такого рода ситуация усиливает конкурентную борьбу региональных игроков за влияние в Сомали, а значит, увеличивает риск нестабильности внутри страны и вблизи ее непосредственных границ.

Литература

Васильев, А., Хайруллин, Т., Коротаев, А. 2019. Новый альянс в борьбе за лидерство в арабском регионе. *Азия и Африка сегодня* 10: 2–9; 11: 2–8.

Колесникова, М. А. 2020. Военный аспект внешней политики Турции на африканском направлении. *Проблемы национальной стратегии* 1: 26–36.

Коротаев, А. В., Хайруллин, Т. Р. 2024. Традиционные кланово-племенные структуры и современная политическая система Сомали. *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность* 1: 137–152.

Маслов, А. 2024. «Они никогда не смогут помириться». Про зависимость России от Китая, санкции США и будущее БРИКС. URL: <https://www.youtube.com/watch?si=GOI9uPi5JR-aSpw5&v=t0w6YXH2s1U&feature=youtu.be>.

Тепе, А. 2021. О политике Турецкой Республики в регионе Красного моря и Африканского Рога в контексте ее соперничества с другими исламскими государствами. *Исламоведение* 12(1): 55–67.

Хайруллин, Т. Р.

2019. *Борьба за лидерство в арабском регионе. Есть ли шанс для исламистов?* М.: Ин-т Африки РАН.

2021. Катарско-турецкий альянс в борьбе за лидерство в Сомали. *Ислам в современном мире* 17(4): 187–200.

2024. Палестино-израильский конфликт 2023 года: реакция глобальных и региональных игроков. *Азия и Африка сегодня* 6: 15–24.

Хайруллин, Т. Р., Коротаев, А. В. 2018. Турецко-катарский альянс в борьбе за региональное лидерство. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Мещерина, К. В. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*. Т. 9. Волгоград: Учитель. С. 370–428.

Abouyoussef, A. 2024. Turkey and Somalia: A New Rising Pact in the Horn of Africa. *Al Habtoor Research Centre* September 12. URL: <https://www.habtoorresearch.com/programmes/turkey-and-somalia/>.

Ahmed, G. 2021. As Farmaajo Digs in with Qatari Backing, Somalia's Election Crisis Grows Worse. *Middle East Institute* February 9. URL: <https://www.mei.edu/publications/farmaajo-digs-qatari-backing-somalias-election-crisis-grows-worse>.

Ali, A. M. 2020. Somalia Must Save Itself from Qatar. *The National Interest* June 22. URL: <https://nationalinterest.org/feature/somalia-must-save-itself-qatar-163233>.

Berland, K., Brew, Ch., Burns, D. 2024. Examining Emirati Foreign Policy Influence in the Horn of Africa. *The Fares Center For Eastern Mediterranean Studies* November 5. URL: <https://sites.tufts.edu/farescenter/examining-emirati-foreign-policy-influence-in-the-horn-of-africa/>.

Cannon, B. J.

2016. Deconstructing Turkey's Efforts in Somalia. *Bildhaan: An International Journal of Somali Studies* 16(14): 98–123.

2019. Foreign State Influence and Somalia's 2017 Presidential Election: An Analysis. *Bildhaan: An International Journal of Somali Studies* 18(1): 20–49.

Cannon, B. J., Donelli, F. 2021. Somalia's Electoral Impasse and the Role of Middle East States. *Italian Institute for International Political Studies* May 7. URL: <https://www.ispionline.it/en/publicazione/somalias-electoral-impasse-and-role-middle-east-states-30365>.

China's Diminishing Interest in Somalia: A Shift in Focus amid Internal Struggles. 2024. *Horn Observer* September 8. URL: <https://hornobserver.com/articles/2951/Chinas-Diminishing-Interest-in-Somalia-A-Shift-in-Focus-Amid-Internal-Struggles>.

Custers, D. 2021. Qatar and Somalia-Kenya Relations: Projection of Mediation Power in the Horn of Africa. *Stimson* May 19. URL: <https://www.stimson.org/2021/qatar-and-somalia-kenya-relations-projection-of-mediation-power-in-the-horn-of-africa/>.

Dahir, A. 2022. Strategic Geography in Jeopardy: Qatar–Gulf Crisis and the Horn of Africa. In Mason, R., Mabon, S. (eds.), *The Gulf States and the Horn of Africa*. Manchester: Manchester University Press. Pp. 171–198.

Donelli, F. 2018. The Ankara Consensus: The Significance of Turkey's Engagement in Sub-Saharan Africa. *Global Change, Peace & Security* 31(2): 57–76.

Durmaz, M. 2021. A Decade of Turkey's Rise in Somalia. URL: <https://www.trtworld.com/magazine/a-decade-of-turkey-s-rise-in-somalia-49451>.

Fick, M. 2018. Harboring Ambitions: Gulf States Scramble for Somalia. *Reuters* May 1. URL: <https://www.reuters.com/article/us-somalia-gulf-analysis-idUSKBN1I23B4>.

Gaas, M. H. 2013. Qatari Involvement in the Horn of Africa: A Kingmaker and a Successful Mediator? *Religion, Prestige and Windows of Opportunity? (Qatari Peace-Making and Foreign Policy Engagement)*. Department of International Environment and Development Studies: Noragric Working Paper 48: 53–60. URL: http://www.umb.no/statisk/noragric/publications/working_papers/working_paper_no_48.pdf.

Hamlyn, B. 2024. China in Sub-Saharan Africa: Sanction-Proof Supply Lines and Dual-Use Ports. *RUSI* March 14. URL: <https://rusi.org/explore-our-research/publications/commentary/china-sub-saharan-africa-sanction-proof-supply-lines-and-dual-use-ports>.

Hammond, L. 2013. Somalia Rising: Things are Starting to Change for the World's Longest Failed State. *Journal of Eastern African Studies* 7(1): 183–193.

Islamic Courts Union. 2024. *Stanford* November 5. URL: <https://cisac.fsi.stanford.edu/mappingmilitants/profiles/islamic-courts-union>.

Khayrullin, T. R., Korotayev, A. V. 2023. The Roots of the Turkish-Qatari-Ikhwan Alliance and its Activities in North Africa and the Middle East. *South African Journal of International Affairs* 30(4): 619–640.

Korotayev, A., Voronina, E. 2024. Revolutionary and Quasi-Revolutionary Events in Somalia (1960–2023). In Besenyő, J., Issaev, L., Korotayev, A. (eds.), *Terrorism and Political Contention. New Perspectives on North Africa and the Sahel Region*. Cham: Springer Nature. Pp. 349–400. DOI: 10.1007/978-3-031-53429-4_16.

Muibu, D. 2024. Somalia's Stalled Offensive against al-Shabaab: Taking Stock of Obstacles. *CTC Sentinel* 17(2): 18–26.

Mukhtar, I. 2021. OPINION - Turkey's Growing Smart Power in Somalia. *Anadolu Agency* August 19. URL: <https://www.aa.com.tr/en/asia-pacific/opinion-turkey-s-growing-smart-power-in-somalia/2340384>.

Mules, I. 2022. Turkey Sets its Sights on the Horn of Africa. URL: <https://www.dw.com/en/turkey-sets-its-sights-on-the-horn-of-africa/a-52111261>.

Muyonga, D. 2022. Why the First-Past-the-Post Electoral System is Elusive in Somalia. *The African Review* 49(3): 291–309.

Novel, B. 2019. Somalia: A Country Up for Grabs? *OrientXXI* July 22. URL: <https://orientxxi.info/magazine/somalia-a-country-up-for-grabs,3344>.

Qatar's Emir Holds Consecutive Talks with Somalia, Ethiopia Leaders. 2024. *Somali Guardian* June 13. URL: <https://somaliguardian.com/news/somalia-news/qatars-emir-holds-consecutive-talks-with-somalia-ethiopia-leaders/>.

Shabana, A. 2017. Dimensions of the Turkish Role. Reasons Behind Turkey's Military Base in Somalia. *Future for Advanced Research and Studies*. April 11. URL: <https://futureuae.com/m/Mainpage/Item/2686/dimensions-of-the-turkish-role-reasons-behind-turkeys-military-base-in-somalia>.

Shiekh, A. D. 2023. Turkey's Interests in Somalia. *Journal of Multidisciplinary Bulletin* 6(3): 10–14.

Siradag, A. 2017. Turkey's Growing Role as a Security Actor in Somalia: Dynamics and Motivations. *Akademik İncelemeler Dergisi* 17(2): 389–404.

Somalia and the Gulf Crisis. Report. 2018. *International Crisis Group* June 5. URL: <https://www.crisisgroup.org/africa/horn-africa/somalia/260-somalia-and-gulf-crisis>.

Somalia Frees 33 Illegal Iranian Fishermen, Signals Thaw with Tehran. 2024. *Horn Observer* March 25. URL: <https://hornobserver.com/articles/2688/Somalia-frees-33-illegal-Iranian-fishermen-signals-thaw-with-Tehran>.

Somalia Greenlights Egyptian Troops Deployment, Signaling Shift from Ethiopian Military. 2024. *Garowe Online* October 17. URL: <https://www.garoweonline.com/en/news/somalia/somalia-greenlights-egyptian-troops-deployment-signaling-shift-from-ethiopian-military>.

Somalia Received Saudi Aid the Day It Cut Ties with Iran: Document. 2016. *Reuters* January 17. URL: <https://www.reuters.com/article/world/somalia-received-saudi-aid-the-day-it-cut-ties-with-iran-document-idUSKCN0UV0CL/>.

Southern, N. P. 2019. UAE's Relations with Somalia Flounder over Qatar. *Somaliland* February 2. URL: <https://globalriskinsights.com/2019/02/uae-relations-with-somalia/>.

Vertin, Z. 2019. Turkey and the New Scramble for Africa: Ottoman Designs or Unfounded Fears? *Brookings* May 19. URL: <https://www.brookings.edu/research/turkey-and-the-new-scramble-for-africa-ottoman-designs-or-unfounded-fears/>.

А. Л. ГРИНИН, Л. Е. ГРИНИН, А. В. КОРОТАЕВ

**АФРИКАНСКИЙ АСПЕКТ БОРЬБЫ
ЗА НОВЫЙ МИРОВОЙ ПОРЯДОК.
ПОДЪЕМ АФРИКИ И УСИЛЕНИЕ
СОПЕРНИЧЕСТВА ЗА НЕЕ***

Хотя сегодня геополитическая роль Африки не столь велика, но она заметно растет, а также растут ее экономическая, демографическая и иные роли. Поэтому можно считать, что XXI в. в итоге будет веком Африки, что это континент будущего. Африка является самым быстрорастущим континентом, и ее рост (демографический, экономический и т. д.) уже влияет и в будущем неизбежно повлияет еще заметнее на Мир-Систему. Рост африканских обществ принесет как проблемы, так и возможности. Мы полагаем, что чем выше будет роль Африки, тем больше на ней будут сказываться мир-системные процессы (и наоборот, тем сильнее она будет влиять на Мир-Систему).

Развитие Африки полно противоречий, возможных конфликтов, но при этом здесь есть мощная динамика и мощные потенциалы, которые уже исчерпываются в западном мире. Африка вносит и будет все заметнее вносить свой вклад в процесс подтягивания третьего мира к первому, то есть Великую конвергенцию.

Поскольку, как уже было сказано, значение Африки для Мир-Системы и отдельных крупных держав будет расти, станет ужесточаться и конкуренция за ее рынки, ресурсы, политическую поддержку. Причем чем быстрее будет развиваться Африка, тем активнее и острее будет идти геополитическая борьба за влияние в африканских странах и в Африке в целом.

В статье рассматривается политика различных стран, включая и РФ, в Африке.

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 24-18-00650).

Для цитирования: Гринин, А. Л., Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В. 2024. Африканский аспект борьбы за новый мировой порядок. Подъем Африки и усиление соперничества за нее. *История и современность* 3: 87–112. DOI: 10.30884/iis/2024.03.05.

For citation: Grinin, A. L., Grinin, L. E., Korotayev, A. V. 2024. The African Aspect of the Struggle for a New World Order. The Rise of Africa and the Intensifying Competition for It. *Istoriya i sovremennost' = History and Modernity* 3: 87–112 (in Russian). DOI: 10.30884/iis/2024.03.05.

История и современность, № 3, сентябрь 2024 87–112

DOI: 10.30884/iis/2024.03.05

Ключевые слова: Мир-Система, Африка, Тропическая Африка, континент будущего, революции, экономическое развитие, соперничество за Африку.

Введение. Увидеть за массой сегодняшних и экстраполируемых в будущее проблем позитивную перспективу

Хотя сегодня геополитическая роль Африки не столь велика, но она заметно растет, а также растут ее экономическая, демографическая и иные роли. Поэтому можно считать, что XXI в. в итоге будет веком Африки, что это континент будущего. Возможно, сейчас в это верится с трудом, но и в величие Индии и Китая 70 лет назад также верилось с трудом. Политики стали осознавать растущую роль Африки, и в итоге конкуренция за влияние в ней усилилась.

Для того чтобы понять это, важно не терять за анализом сегодняшних и экстраполируемых в будущее проблем и позитивную перспективу. Не можем не привести два примера на тему того, насколько порой сложно за обилием проблем рассмотреть перспективы и будущий успех.

56 лет назад (в 1968 г.) вышел знаменитый труд шведского экономиста, нобелевского лауреата К. Г. Мюрдаля «Азиатская драма. Исследование бедности народов» (Myrdal 1968; Мюрдаль 1972), в котором он исследовал возможности выхода из отсталости не так давно обретших независимость стран Южной и Юго-Восточной Азии (Индия, Пакистан, Шри-Ланка, Мьянма [Бирма], Индонезия и др.)¹. Описывая проблемы Индии (исследование проводилось в 1950-е гг.), он, в частности, отмечал огромные сложности для модернизации страны, в том числе описывал неготовность рабочих соблюдать трудовую дисциплину, распорядок, что они легко могли уйти на несколько дней в свою деревню на какой-либо местный праздник и т. п. Но главное, он выражал большие сомнения, что Индии, как и другим странам, удастся вырваться из порочного круга бедности, неграмотности, отсталости. Впрочем, название его капитальной работы говорит само за себя. И, следовательно, этот

¹ Отметим, что Мюрдаль был не одинок. Многие, если не абсолютное большинство экономистов и социологов 1950–1960-х гг., не питали чрезмерных надежд на то, что в обозримом будущем удастся вывести страны Востока из мрака отсталости. Главным тормозом они справедливо считали отсутствие у населения этих стран стремления к улучшению жизни. Бедность не угнетала людей, они не воспринимали ее как нетерпимое состояние (похожее мнение встречается, в частности, у Ф. Броделя [1988]).

глубокий и проницательный экономист не смог увидеть за картинами бедности и недостаточной развитости Индии возможности ее блестящего будущего, того, что страна через полвека станет одной из ведущих промышленных и экономических держав. Г. Мюрдаль был человеком с глубоким гуманистическим отношением к азиатским и иным развивающимся странам. Но думается, это был все же взгляд гуманного колонизатора, в результате он смотрел на них сверху вниз, как взрослый смотрит на детей. И, так же, как взрослый часто не способен увидеть в ребенке будущего мужчину или женщину со своим характером, мировоззрением и способностями, взгляд на менее развитые страны со стороны западных ученых как на недоразвитые, принципиально отличные от западных стран, мешает им правильно увидеть перспективу.

Другой пример. В 2003 г., то есть всего 20 лет назад, довольно известный российский востоковед и китаист В. Г. Гельбрас (2003) опубликовал статью, в которой он подвергал сомнению возможности развития Китая как мировой державы с говорящим названием «У пчелы спина полосатая, но тигром ее не назовешь». Кто сейчас усомнится в том, что Китай можно назвать и тигром, и мастодонтом? И здесь ученый за множеством деталей проблем Китая не смог освободиться от стереотипов превосходства европейского взгляда на страны третьего мира. Эти примеры показывают, что каждая нация, каждая страна имеет свой шанс вырваться вперед, несмотря на сегодняшние проблемы. Ведь 60 лет назад Китай страдал от чудовищного голода, а 80 лет назад – от жестокой и бесконечной гражданской войны. Эти примеры также показывают, что, ни в коем случае не отрицая или затушевывая глубину и сложность проблем, пороков, диспропорций в африканских странах, а, напротив, тщательно вникая в них, мы не должны терять перспективы, игнорировать важные и мощные тренды, которые уже ощущаются, но еще не вышли на передний план. Но они выйдут, и через 20–30 и тем более 50 лет многие африканские страны не просто будет узнать. Они станут очень крупными экономическими и политическими игроками, интересы которых будут во многом определять развитие Мир-Системы во второй половине текущего столетия. Поэтому мы хотели бы увидеть будущее Африки: непростое, конфликтное, проблемное, но в то же время будущее мощного развития и выхода на мир-системную авансцену.

1. Африка как самый быстрорастущий континент: проблемы и перспективы

Африка является самым быстрорастущим континентом (см., например: Goldstone, May 2023; Grinin, Korotayev 2023, 2024; Гринин 2023), и ее рост (демографический, экономический и т. д.) уже влияет и неизбежно повлияет еще заметнее на Мир-Систему. Рост африканских обществ принесет как проблемы, так и возможности.

Современная Африка – континент колоссальных контрастов, смесь архаики и модерна. Такая ситуация ведет к множеству последствий и результатов. В самых общих чертах можно говорить о двух следствиях. С одной стороны, соединение черт архаики и современности, активные и разнообразные процессы модернизации и другие факторы ведут к дестабилизации, в том числе революциям, сепаратизму, терроризму, переворотам, гражданским войнам и т. п. (см. о количестве только революционных событий в Африке: Голдстоун и др. 2022; Устюжанин и др. 2021; Grinin L., Grinin A. 2022; Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2022). В частности, можно прогнозировать, что в XXI столетии (возможно, уже в первой его половине) именно Африка будет континентом, где произойдет наибольшее число революций, конфликтов, взрывов экстремизма в связи с тем, что африканские страны пока еще находятся в процессе (нередко на начальных фазах) модернизации, урбанизации, формирования этнополитических наций и развития государственности².

Мы прогнозируем, что Африка в будущем станет самым беспокойным континентом Мир-Системы (см., например: Гринин 2020б; Grinin 2022). Процесс быстрой модернизации в любом государстве создает повышенный риск дестабилизации (Гринин 2013б; Grinin 2022; см. также: Устюжанин и др. 2022, 2023), в условиях Африки же риск сильно возрастает (подробнее о рисках см.: Korotayev *et al.* 2023; Коротаев, Гринин и др. 2022; Коротаев, Устюжанин и др. 2022).

С другой стороны, мы верим, что многие африканские общества ожидают большое будущее, а Африка в целом – это континент будущего, где длительное время будет наблюдаться сильная динамика развития и роста в различных аспектах, включая важные для мира экономические процессы. В том числе в инвестициях, связан-

² См., например: Гринин 2020а, 2020б, 2020в, 2020г; Васькин и др. 2018; Коротаев, Гринин и др. 2017, 2021а, 2021б; Коротаев, Устюжанин и др. 2022б; Коротаев, Билюга, Шишкина 2016, 2017а, 2017б; Коротаев, Халтурина и др. 2011; Korotayev, Zinkina *et al.* 2011а; Korotayev *et al.* 2021; Slav *et al.* 2021.

ных, например, с переносом туда производств, расширением возможностей для удаленной работы африканцев в экономике развитых стран (см. ниже), в добыче природных ископаемых и т. п.

Словом, развитие Африки полно противоречий, возможных конфликтов, однако здесь имеются мощная динамика и мощные потенциалы, которые уже исчерпываются в западном мире. Африка вносит и будет все заметнее вносить свой вклад в процесс подтягивания третьего мира к первому, то есть великую конвергенцию (Гринин 2013а; Гринин, Коротаев 2016а, 2019а; Коротаев 2015; Коротаев, Билюга 2016; Коротаев и др. 2014; Grinin, Korotayev 2014а, 2014b, 2015; Korotayev *et al.* 2020, 2015; Korotayev, Zinkina 2014; Korotayev, Zinkina *et al.* 2011b).

Мы полагаем, что чем выше будет роль Африки, тем больше на ней будут сказываться мир-системные процессы (и наоборот, тем сильнее она будет влиять на Мир-Систему). Объективно перед мировым сообществом стоит важная задача – эффективно использовать африканский ресурс для решения глобальных проблем. Однако эта задача, как и возможности Африки в будущем, в достаточной мере не осознается. Растущий демографический ресурс Черного континента чаще всего рассматривается как растущая проблема, с которой будет очень сложно справиться. Однако в мир-системном аспекте это может способствовать развитию регионов с пожилым населением. В условиях стремительного расширения возможностей для удаленной работы все больше африканцев будет связано с экономически развитыми странами. Вовлечение образованной африканской молодежи в систему удаленной работы на глобальном Севере – это проект на десятилетия, который одновременно смягчит проблему нехватки трудовых ресурсов в западном мире и Китае и может стать одним из способов снизить безработицу в Африке, поднять уровень жизни в этих странах, сблизить европейскую и африканскую культуры (см. подробнее: Grinin, Korotayev 2023, 2024; Гринин 2023; см. также соответствующую главу в [Садовничий и др. 2024а]). Молодые и растущие группы населения в Африке в будущем также станут важнейшим ресурсом для систем образования развитых стран, страдающих от недостатка собственной молодежи. Уже сегодня большое количество африканских студентов учится в европейских, американских и азиатских университетах, большое количество специалистов из Африки так или иначе работает на эти экономики.

2. Экономический рост Африки

Экономический рост Африки, который неизбежен, с учетом роста населения и необходимость вытащить людей из крайней нищеты, может становиться все более важным источником глобального роста. Уже сейчас ряд африканских стран имеют темпы роста ВВП выше среднемировых. Так, в 2022 г. из 50 наиболее быстро растущих экономик мира 19 были африканскими. В то же время западных экономик в этом списке практически нет. Среди 30 стран с самым высоким средним ростом ВВП за 5 лет (2018–2022 гг.) 20 были африканскими.

Вот список 19 самых быстрорастущих африканских экономик (табл. 1).

Таблица 1

19 африканских экономик среди самых быстрорастущих (с наиболее высокими темпами роста ВВП) 50 экономик мира в 2022 г.

Страна	Годовые темпы роста ВВП, %
Нигер	6,9
Южный Судан	6,5
Демократическая Республика Конго	6,4
Руанда	6,4
Маврикий	6,1
Экваториальная Гвинея	6,1
Кот-д'Ивуар	6,0
Бенин	5,9
Египет	5,9
Кения	5,7
Гамбия	5,6
Того	5,6
Гана	5,2
Кабо-Верде	5,2
Мадагаскар	5,1
Сенегал	5,1
Мавритания	5,0
Уганда	4,9
Танзания	4,8

Источник: собственные расчеты на основании данных, опубликованных в: Ventura 2023.

В табл. 2 экономики африканских стран отмечены **полужирным шрифтом** и серой заливкой. Таким образом, среди 30 экономик с самым высоким средним ростом ВВП за 5 лет (2018–2022 гг.) африканские экономики составляют две трети, то есть большинство.

Таблица 2

30 экономик мира с наибольшим пятилетним среднегодовым ростом ВВП (2018–2022)

Страна	2018	2019	2020	2021	2022	Среднегодовые темпы роста ВВП за пятилетний период, %
Ливия	17,9	13,2	–59,7	177,3	3,5	30,4
Гайана	4,4	5,4	43,5	19,9	47,2	24,1
Ирландия	9,0	4,9	5,9	13,5	5,2	7,7
Эфиопия	7,7	9	6,1	6,3	3,8	6,6
Мозамбик	3,4	2,3	–1,2	2,2	3,8	6,6
Руанда	8,6	9,5	–3,4	10,2	6,4	6,3
Бангладеш	7,9	8,2	3,5	5	6,4	6,2
Таджикистан	7,6	7,4	4,4	9,2	2,5	6,2
Бенин	6,7	6,9	3,8	6,6	5,9	6,0
Танзания	7,0	7,0	4,8	4,9	4,8	5,7
Кот-д’Ивуар	6,9	6,2	2	6,5	6	5,5
Гвинея	6,4	5,6	6,4	4,2	4,8	5,5
Китай	6,8	6	2,2	8,1	4,4	5,5
Вьетнам	7,2	7,2	2,9	2,6	6,0	5,2
Буркина-Фасо	6,7	5,7	1,9	6,9	4,7	5,2
Нигер	7,2	5,9	3,6	1,3	6,9	5,0
Гамбия	7,2	6,2	–0,2	5,6	5,6	4,9
Демократическая Республика Конго	5,8	4,4	1,7	5,7	6,4	4,8
Эритрея	13	3,8	–0,6	2,9	4,7	4,8
Узбекистан	5,4	5,7	1,9	7,4	3,4	4,8
Египет	5,3	5,6	3,6	3,3	5,9	4,7
Кения	5,6	5	–0,3	7,2	5,7	4,6
Того	5	5,5	1,8	5,1	5,6	4,6

Страна	2018	2019	2020	2021	2022	Среднегодовые темпы роста ВВП за пятилетний период, %
Доминиканская Республика	7	5,1	–6,7	12,3	5,5	4,6
Сенегал	6,2	4,6	0,4	4,2	5,2	4,6
Джибути	8,5	6,6	1	4	3	4,6
Гана	6,2	6,5	0,4	4,2	5,2	4,5
Уганда	5,6	7,7	–1,4	5,1	4,9	4,4
Тувалу	1,6	13,9	1	2,5	3	4,4
Мальдивы	8,1	6,9	–33,5	33,4	6,1	4,2

Источник: собственные расчеты на основании данных, опубликованных в: Ventura 2023.

Можно полагать, что и число стран с высокими темпами экономического роста, и сами темпы роста будут повышаться. Как мы уже говорили, Африка вносит и будет все заметнее вносить свой вклад в процесс подтягивания третьего мира к первому, который был назван великой конвергенцией.

Минеральные богатства. Африка занимает первое место в мире по запасам марганца, хромитов, бокситов, золота, платиноидов, кобальта, ванадия, алмазов, фосфоритов, флюорита; второе место – по запасам меди, асбеста, урана, сурьмы, бериллия, графита; третье – по запасам нефти, газа, ртути, железной руды; значительны также резервы руд титана, никеля, висмута, лития, тантала, ниобия, олова, вольфрама, драгоценных камней и др. (Филатов 2012; Фитуни 2020; Mabikke 2012; Ellis 2022; Achem, Anikelechi 2021). Многие из минералов пользуются большим спросом в современной электронной промышленности, не говоря уже о запасах редкоземельных металлов. Некоторые африканские страны (например, Чад, ДРК, Замбия, Намибия, Зимбабве) особенно богаты полезными ископаемыми.

Однако многие регионы здесь еще недостаточно изучены с помощью геологоразведочных работ. Развитие горнодобывающей промышленности Африки может частично помочь смягчить нехватку многих ресурсов, включая металлы, необходимые для экологически чистой энергетики и электромобилей.

3. Соперничество за Африку

3.1. Почему растет соперничество?

Причины роста интереса к Африке. Поскольку, как уже было сказано выше, значение Африки для Мир-Системы и отдельных крупных держав будет расти, станет ужесточаться и конкуренция за ее рынки, ресурсы, политическую поддержку. Причем чем быстрее начнет развиваться Африка, тем активнее и острее будет идти геополитическая борьба за влияние в африканских странах и в Африке в целом. В истории последних 150 лет было три периода, когда борьба великих и крупных держав за Африку резко усиливалась (Гринин 2023). Первый начался приблизительно с 1880-х гг. и продолжался до Первой мировой войны. Это было время быстрых колониальных захватов на Африканском континенте. Второй период начался после освобождения африканских колоний в 1960-х гг. и сопровождался активным противостоянием США и СССР, в ходе которого сверхдержавы стремились переманить молодые страны Азии и Африки на свою сторону. Но после коллапса СССР интерес к Африке на Западе резко упал. В настоящее время, то есть с 2010-х гг., начинается третий этап активизации борьбы крупных держав за влияние в Африке. Со стороны Запада оно было подстегнуто активизацией там сначала Китая, а потом и России (Vircoulon 2024)³. В настоящее время на первом месте пока находится экономический интерес, однако для борющихся сторон вновь также стало важным привлечь на свою сторону или хотя бы обеспечить формальный или фактический нейтралитет даже малозначимых стран.

Отметим основные причины, по которым возникает конкуренция за влияние на страны Африки.

1. Это очень крупный рынок сбыта, поэтому экспортеры различных товаров и услуг борются за него. Среди этих товаров особое место занимает оружие, и африканский рынок в данном отношении один из самых быстрорастущих. И на этом фоне обостряется геополитическая борьба крупнейших поставщиков оружия: США, Китая, России, Франции, Великобритании, Израиля и др. Очевидно, что где оружие, там и нестабильность.

³ О геополитическом соперничестве крупных держав на Африканском континенте см.: (Гринин 2020е, 2021; Grinin, Korotayev 2023).

2. Африка, как сказано выше, также поставщик многих товаров и полезных ископаемых, часть из которых является стратегическим сырьем и почти не имеет альтернативных источников поставок. Растет и значение африканских нефти и газа. Отдельно стоит отметить богатство некоторых африканских стран (в частности ДРК) редкоземельными металлами и другими важными составляющими так называемого зеленого энергетического перехода (см., например: Еремин и др. 2024). Потребность в этих минералах может активизировать иностранный капитал и ускорить промышленное развитие Африки. Это вызывает рост заинтересованности в Африке у ведущих геополитических и экономических игроков со всеми плюсами и минусами их активного проникновения на этот континент.

Экономические интересы соперничества в Африке в настоящий момент доминируют. Иностранные инвестиции играют важную роль. По оценкам Л. Л. Фитуни (2020), около 65–68 % ВВП, который создают страны Тропической Африки, производится компаниями, контролируруемыми иностранным капиталом (прямо или косвенно) через акционерное участие.

Однако для противоборствующих держав также стало очень важным привлечь на свою сторону или, по крайней мере, обеспечить формальный или фактический нейтралитет даже второстепенных африканских стран.

Важное значение имеют также военное сотрудничество (в том числе возможность создания военных баз)⁴, необходимость борьбы с терроризмом, голоса африканских государств на международной арене и т. п. С началом СВО конкуренция в этом направлении обостряется (см., например: Ермолов 2022; Как Москва... 2023). Каждой стороне нужно как можно больше союзников и козырей. Поэтому Вашингтон и Москва, а также Пекин активно конкурируют за поддержку Африки. Запад в этом направлении пока начинает строить все более обширные планы (см. ниже)⁵.

⁴ Различные страны имеют военные базы в Африке, включая Китай и Турцию (Vircoulon 2024).

⁵ В настоящее время африканские государства играют все более значимую роль в мировой политике и экономике, принимая активное участие в решении проблем глобальной повестки. Сравнительно недавний пример африканской активности: Организация африканского единства и отдельные африканские страны даже пытаются выступать в роли посредников за пределами Африканского континента, в частности предлагают свое посредничество в украинском конфликте (см., например: Оливье, Мбабази 2023).

Соперничество крупных держав имеет для Африки двойственный эффект, так как, с одной стороны, может быть потенциальным источником нестабильности (конкуренты поддерживают разные политические силы, растет коррупция и т. д.). Но, с другой стороны, оно имеет и положительные черты, поскольку крупные державы так или иначе оказывают помощь и делают инвестиции в африканские страны, дают толчок для модернизации их армий, управленческих структур и технологий⁶. Ежегодный дефицит инвестиций в инфраструктуру африканских стран во второй половине 2010-х гг. оценивался в 100 млрд долларов (Titli 2017).

Стоит также добавить, что обострение борьбы за мировой порядок усилило стремление «влезть» в африканские страны. Во всяком случае, попытки Украины продолжить борьбу с Россией на просторах Африки с использованием мятежных туарегов ничем другим объяснить нельзя (Pagella 2024).

Рост соперничества. Соперничество за влияние на богатые природными ресурсами государства континента между США и Китаем, Россией, Францией, Великобританией, а также другими игроками постоянно усиливается. В него включаются все новые страны⁷. По мере развития геологоразведочных работ это соперничество будет естественным образом усиливаться.

В последние годы конкуренция между западными странами в целом, с одной стороны, и Китаем – с другой, стала принимать поистине глобальные масштабы⁸. И она будет нарастать по мере

⁶ Недавно советник президента США по национальной безопасности Дж. Салливан декларировал расширение доступа к льготному высококачественному финансированию для стран с низким уровнем дохода (то есть это большинство африканских государств), а также о том, что предпринимаются серьезные усилия по ликвидации разрыва в инфраструктуре в некой программе Партнерства в интересах глобальной инфраструктуры и инвестиций – PGII, куда якобы мобилизуют сотни миллиардов долларов на финансирование энергетической, физической и цифровой инфраструктуры в период с настоящего момента и до конца десятилетия. Заявленных ресурсов для этого у США нет, но какие-то плюсы африканцы получить явно могут.

⁷ В частности, интересы в Африке имеют Турция (Vircoulon 2024; Khayrullin, Korotayev 2023), Италия (Гулевич 2019), Япония (Aglionby 2016; Дейч 2020), ОАЭ (Vircoulon 2024; Хайруллин, Коротаев 2023; Коротаев и др. 2025), Саудовская Аравия, Катар (Коротаев и др. 2025; Khayrullin, Korotayev 2023), Южная Корея (Денисова 2018), Бразилия (Alves 2013; Малая, Челябинский 2016), Испания, Германия, Канада (Фитуни 2020).

⁸ Одно из мест соперничества – Демократическая Республика Конго, крупнейшее государство, очень богатое дефицитными на сегодня полезными ископаемыми (включая редкоземельные металлы), в котором, однако, фактически идут

повышения значимости африканских стран. Например, активное индийско-китайское и японо-китайское соперничество за влияние в Азии распространилось на Африканский континент (см.: Mardell 2017; см. также: Aglionby 2016). Французская La Croix, возможно, права, когда заявляет, что Африка будет театром новой холодной войны (Virscoulon 2024).

Существует несколько крупных и долгосрочных международных программ помощи африканским странам и инвестиций в них. Китай продвигает свою инициативу «Один пояс – один путь», которая активно реализовывалась не только в Азии, но и в Африке. Две трети африканских стран подписали соглашение с Китаем в рамках этой инициативы. Однако сейчас развитие этого проекта в некоторых местах замедлилось. Индия и Япония запустили с 2017 г. собственную программу «Азиатско-африканский коридор роста» (AAGC), в котором участвует множество стран. Запад предлагает свои программы (подробнее см.: Naïr 2017; Titli 2017). На встрече G7 в июле 2021 г. семерка ведущих западных стран предложила, по их заявлению, лучшую альтернативу китайской программе «Один пояс – один путь». Но КНР и в рамках двусторонних соглашений очень активно инвестирует в африканские страны. Программа западной семерки называется «Build Back Better World» (B3W). Страны G7 обещали до 2035 г. ни много ни мало 40 трлн долларов на инфраструктурные проекты в страны с низким доходом (а большинство таких стран находится именно в Тропической Африке). Очевидно, что даже близких к заявленным инвестициям не будет, но в любом случае страны Африки могут оказаться в выигрыше⁹.

Стоит сделать два важных замечания. Во-первых, в отношении западных проектов у развивающихся стран всегда остается подозрение, что они «с двойным дном», что их цель – усилить зависимость этих государств от США (недаром в Африке приветствуют

гражданские войны. Сейчас власти и общественность этой страны обсуждают плюсы и минусы западной и китайской программ для Африки (см., например: Mwadi Makengo *et al.* 2022).

⁹ В сентябре 2023 г. президент США Дж. Байден объявил о создании другого экономического коридора, который также был заявлен конкурентом китайского «Пояса». Поскольку Индии тоже не нравится китайская инициатива, она собиралась принимать участие в проекте Байдена наряду с Саудовской Аравией, ОАЭ, Иорданией, Израилем и Европейским союзом. Но этот проект был закрыт уже через месяц, когда произошла террористическая атака ХАМАС на Израиль (Для чего... 2024; подробнее о проекте см.: Логинова 2023).

присутствие России, рассматривая его как некий противовес Западу). Во-вторых, в отношении китайского проекта также есть важный момент: эти страны боятся усиления Китая. Неудивительно, что Индия стала предлагать собственный проект, который, правда, сейчас находится под угрозой из-за конфликта в Газе. Однако если бы такие проекты шли под эгидой БРИКС, даже если бы Китай играл в них ведущую роль, предложение могло бы выглядеть более интересным для развивающихся стран (Гринин и др. 2024; Гринин 2016; Гринин, Коротаев 2016б; Садовничий, Яковец и др. 2014; Садовничий, Акаев и др. 2014; Садовничий и др. 2024б). При этом и Индия, и Россия, и Бразилия могли бы в той или иной мере принимать участие в таких проектах, в которых можно было бы использовать и банк БРИКС. Разумеется, такая кооперация – дело сложное и небыстрое, но она могла бы существенно повысить статус организации и сделать ее важным игроком, привлекая для этого и новых членов, таких, например, как Саудовская Аравия или ОАЭ. Во всяком случае, усиление объединения вызывает меньшее напряжение, чем усиление одной страны, по крайней мере на каком-то значимом временном отрезке. А чем больше стран являются членами организации, тем более реально глобальным может выглядеть проект. Таким образом, БРИКС+ мог бы выступать как совокупность глобальных проектов разного рода.

3.2. Политика отдельных стран в Африке

Стоит сказать немного о политике отдельных держав в Африке.

Китай. О растущем влиянии КНР в Африке говорят очень много (Дейч 2013, 2020). Потребность в ресурсах способствовала бурному росту торговли Китая с Африкой – с 11 млрд долларов в 2000 г. до 200 млрд долларов в 2012 г. (Дейч 2013) и почти 300 млрд в 2022 г. Это в основном экономическое влияние (инвестиции, долевое участие в добыче полезных ископаемых, модернизация инфраструктуры и портов, кредиты, растущая долговая зависимость африканских стран от Китая), однако оно быстро трансформируется в геоэкономическое. Так, 37 из 54 африканских стран подписали с Китаем соглашение в рамках проекта «Один пояс – один путь»¹⁰. Несмотря на быстрый рост инвестиций в Африке, Ки-

¹⁰ Среди них и страны Сахеля (Чад, Мавритания, Нигер и др.) (Филатов 2019). Но поскольку основное внимание Китай уделяет странам с богатыми природными ископаемыми, страны Сахеля пока не находятся в основном фокусе Китая. Однако

тай не был (по крайней мере, до недавнего времени) крупнейшим инвестором на континенте, занимая третью строчку после США и Франции (Фитуни 2020).

Французская политика на Африканском континенте во многом характеризуется преемственностью (то есть в том числе и с эпохой колониализма) и восходит к периоду правления президента Ш. де Голля, который сформулировал концепцию «Франсафрика» (*Françafrique*). Эта стратегия предполагала, что Франция, несмотря на отказ от колоний, должна сохранить эксклюзивное право на разработку африканских ресурсов и рынки сбыта. Но, конечно, политика модернизируется в связи с ужесточением конкуренции с другими державами. При этом Франция в последние 10–12 лет все более активно идет на сотрудничество с другими игроками, в том числе с Великобританией и Китаем (Medushevsky, Shishkina 2022).

Но последние события в Нигере (см., например: Korotayev *et al.* 2024) и Сенегале, а также неспособность конкурировать с Россией, США и некоторыми другими странами указывают на кризис французской политики в ряде африканских стран, где Франция начала вытесняться соперниками (о разгаре соперничества Франции и России см.: Russian... 2024). Франция является крупным инвестором во франкоязычной Африке (Фитуни 2020), хотя, как уже говорилось, ее позиции начинают ослабевать.

Политика США. США с учетом активности Китая и России также вынуждены были усилить свое внимание к Тропической Африке, хотя Северная Африка и Судан постоянно находились в поле их деятельности. В отношении США отметим, что в борьбе с конкурентами в определенных странах или с неугодными режимами используется испытанный американский арсенал средств: борьба за «демократизацию» страны и против нарушений прав человека, что обычно заканчивается ослаблением режима и внутренней дестабилизацией (см.: Гринин 2020а; Медведев и др. 2022; Мирзаян 2020; Филатов 2012); или поддержка сепаратистов (подробнее см.: Гринин 2020а, 2020б). Таким образом, как на Ближнем Востоке, так и в Африке одна из постоянных линий внешней (и открытой, и тайной)

можно смело прогнозировать, что по мере обострения борьбы за африканские рынки и связи роль стран Сахеля в глазах Пекина будет повышаться. Вероятно, отсутствие Китая в этой зоне способствовало тому, что в последние годы там быстро растет влияние России.

политики США заключается в ослаблении или разрушении крепких режимов под разными предлогами (см. выше). При этом каждый случай свержения устойчивого режима создает источник дестабилизации, который влияет на окружающие и даже отдаленные страны в течение долгого времени. Это ведет к очень большим издержкам, дестабилизации, гуманитарным катастрофам, разгулу терроризма и т. п. Так, в частности, взрыв терроризма в Сахеле, который продолжается уже в течение десятилетия, распространяясь в другие регионы Африки, неслучайно начался именно с 2012 г. Он был вызван именно политикой Запада в отношении Ливии, Сирии и Ирака. Ведь в 2011 г. был уничтожен режим М. Каддафи в Ливии, а в результате гражданской войны в Сирии и событий в Ираке (хаос в котором начался со свержения и убийства Саддама Хусейна) в скором времени возникло запрещенное в РФ «Исламское государство». В качестве примера можно также взять Судан, устойчивость которого США подрывали в течение десятилетий. В Судане с 1993 г. у власти находился Омар ал-Башир, укрепивший в стране исламистский режим (об этом режиме см.: Гринин 2018, 2020д; Гринин, Коротаев 2019б; Grinin *et al.* 2019), которого США обвиняли в поддержке терроризма. Соединенные Штаты активно поддерживали мятежников в Южном Судане, пока не добились его отделения. В 2019 г. режим ал-Башира пал в результате революции в сочетании с военным переворотом (то есть куволуции [Issaev, Korotayev 2022]), а сам он был арестован. Есть мнение, что как за свержением Башара, так и за нынешними событиями (то есть гражданской войной) в той или иной степени стоят США. С 2023 г. они, вероятно, стремились сорвать проект российской военно-морской базы в Красном море (см.: Рыбарь 2023)¹¹, реализации которого может помешать также гражданская война между военными формированиями страны, начавшаяся в апреле 2023 г. Однако Россия, обладая связями с обеими сторонами конфликта, а также с руководствами стран, которые сейчас встали по разные стороны баррикад, вполне могла бы выступить в роли посредника на переговорах (Там же).

¹¹ Разумеется, в нынешнем суданском конфликте могут быть заинтересованы соседние страны, в частности Эфиопия, которая попытается ослабить лояльные Египту силы в Судане и оказать давление на Каир, который противодействует запуску эфиопской высотной плотины на Голубом Ниле (см.: Рыбарь 2023).

Долгое время США оказывали помощь странам зоны Сахеля против радикальных исламистов-террористов (см. о них ниже). Но теперь, когда в странах Сахеля появилась тенденция к установлению более крепких и дееспособных режимов, позиция США становится противоположной: вместо поддержки они стремятся подорвать эти режимы.

Индия всегда тесно сотрудничала с африканскими странами, например через Движение неприсоединения. Совсем недавно, особенно с 2014 г., политика Индии стала более тесно связана с Африканским континентом. Премьер-министр Нарендра Моди даже сказал: «Африка будет главным приоритетом для Индии». В 2017 г. Индия и Япония создали Азиатско-африканский коридор роста (AAGC), соединяющий Южную и Восточную Азию с Африкой через Индо-Тихоокеанский регион для продвижения совместных инфраструктурных проектов в африканских странах, граничащих с Индийским океаном.

Как уже сказано, конкуренция дает Африке ряд преимуществ. Хотя у каждой африканской страны могут быть свои интересы, но общий вектор изменений состоит в том, что страны Черного континента стремятся к многовекторности в политике и экономическом сотрудничестве. Они осознают свою растущую значимость и хотят иметь выбор в партнерах. Они отказываются ориентироваться только на западные страны, как по причине неудовлетворительности действий последних, так и в связи с ростом африканского самосознания. Поэтому, сохраняя отношения со своими бывшими метрополиями, многие государства Черного континента смещают свой внешнеполитический вектор в сторону стран Азии (см., например: Денисова, Костелянец 2022). В этих условиях у России появляются возможности развивать отношения с государствами Африки не только в двустороннем, но и в многостороннем формате (см., например: Гринин, Коротаев 2024).

Россия и Африка. Рост значения африканских стран делает актуальным развитие разнопланового сотрудничества Российской Федерации со странами Африки. Однако нахождение России как в Северной Африке, так и в Африке южнее Сахары в начале XXI в. традиционно сталкивалось с противодействием со стороны как внутренних политических групп, так и глобальных игроков в лице США, ЕС, в какой-то степени Китая. Поэтому уже в конце 2010-х гг. президентом России была сформулирована задача по возобновлению тесного сотрудничества России со странами Африки. Концеп-

ция внешней политики Российской Федерации 2016 г. утверждает необходимость расширения взаимодействия с государствами Африки по целому ряду направлений. В настоящее время перед Россией стоит задача формирования социально-политической и экономической повестки, которая бы определяла российскую стратегию в отношении стран Африки.

Текущая геополитическая ситуация, связанная с глобальным противостоянием России и стран Запада, требует корректировки механизмов российско-африканского взаимодействия. Поскольку соперничество за влияние в африканских странах будет возрастать и, вероятно, обостряться, необходимо иметь планы усиления и расширения влияния России в странах Африки по самым разным направлениям.

РФ имеет здесь некоторые важные преимущества. В частности, отсутствие наследия колониализма уменьшает негатив в восприятии России в глазах африканцев, а позитивные воспоминания о помощи СССР в ряде стран усиливают доброжелательное отношение к РФ. Также очень важно, что Россия, в отличие от США и Европы, не навязывает ни демократию, ни зеленую энергетику, ни ЛГБТ¹², ни другие западные «ценности», которые население Африки не желает перенимать. Поэтому России все больше доверяют. Многим африканским странам, которые настроены подозрительно по отношению к Западу, импонирует, что РФ сейчас активно противостоит Европе и США. СВО, как известно, во многом расколола Мир-Систему именно по линии «развитый – развивающийся мир». Для развивающихся стран конфликт на Украине связан с будущим лишь Европы, а не мирового порядка в целом, и расценивается ими как фактор, отвлекающий от более насущных для них глобальных проблем нашего времени (Менон 2023).

Современная ситуация в Африке, в частности то, что Европа в течение длительного времени сокращала свои интересы в Африке, да и сейчас не в полной мере активизировалась, дает России возможности для более продуктивной африканской политики. В экономическом аспекте у нас также есть некоторые важные преимущества. Растущая потребность стран Африки в зерне и других продуктах питания открывает для России как крупного экспортера окно возможностей для сотрудничества с африканскими странами как в плане долгосрочных поставок, так и с точки зрения открытия

¹² Международное общественное движение ЛГБТ запрещено на территории РФ.

российского рынка для продукции африканских производителей. Но это, конечно, усиливает конкуренцию России и стран Запада в Африке.

В заключение стоит еще раз подчеркнуть, что Африка является самым быстрорастущим континентом, и ее рост (демографический, экономический, культурный и т. д.) неизбежно будет влиять (как положительно, так и отрицательно) на Мир-Систему, и чем дальше, тем сильнее.

Поэтому мы полностью согласны с теми авторами (Goldstone, May 2023), по утверждению которых, в некотором смысле можно ожидать, что XXI в. станет веком Африки (Grinin, Korotayev 2023, 2024; Гринин 2023).

Литература

Бродель Ф. 1988. *Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв.*: в 3 т. Т. 2. М.: Прогресс.

Васькин, И. А., Цирель, С. В., Коротаев, А. В. 2018. Экономический рост, образование и терроризм: опыт количественного анализа. *Социологический журнал* 24(2): 28–65.

Гельбрас, В. 2003. Китай: «У пчелы спина полосатая, но тигром ее не назовешь». *Вопросы экономики* 3: 61–75. DOI: 10.32609/0042-8736-2003-3-61-75.

Голдстоун, Дж. А., Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В. 2022. Волны революций XXI столетия. *Полис. Политические исследования* 4: 108–119. DOI: 10.17976/jpps/2022.04.09.

Гринин, Л. Е.

2013а. Глобализация тасует мировую колоду (Куда сдвигается глобальный экономико-политический баланс мира). *Век глобализации* 2: 63–78.

2013б. Государство и кризисы в процессе модернизации. *Философия и общество* 3: 29–59.

2016. Индия и Китай: модели развития и перспективы в мире. В: Акаев, А. А., Коротаев, А. В., Малков, С. Ю. (ред.), *Страны БРИКС: Комплексный системный анализ, математическое моделирование и прогнозирование развития: Предварительные результаты*. М.: URSS. С. 246–276.

2018. Семь слабостей Америки и Дональд Трамп. *Век глобализации* 2: 28–45.

2020а. Движение к устойчивым демократическим отношениям и национальному государству как длительный фактор возможной дестабилизации в странах африканской макрзоны нестабильности. В: Гринин, Л. Е.,

Коротаев, А. В., Быканова, Д. А. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Волгоград: Учитель. С. 694–724.

2020б. Движение обществ к зрелым социально-политическим и экономическим отношениям как длительный фактор возможной дестабилизации в странах афразийской макрзоны нестабильности В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Быканова, Д. А. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Волгоград: Учитель. С. 666–693.

2020в. Демографические процессы как базовый и длительный фактор возможной дестабилизации в странах афразийской макрзоны нестабильности. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Быканова, Д. А. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Волгоград: Учитель. С. 181–199.

2020г. Радикальный исламизм, религиозный фактор и дестабилизация в странах афразийской макрзоны нестабильности. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Быканова, Д. А. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Волгоград: Учитель. С. 810–828.

2020д. Исламизм, радикализм, постисламизм в их отношении к светским режимам и государственной идеологии. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Быканова, Д. А. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Ч. 2. Волгоград: Учитель. С. 829–853.

2020е. Глобальная и региональная геополитика как дестабилизационный фактор в афразийской зоне нестабильности. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Быканова, Д. А. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Ч. 2. Волгоград: Учитель. С. 517–527.

2021. Геополитика как дестабилизирующий фактор в афразийской макрзоне нестабильности. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Малков, С. Ю. (отв. ред.), *Количественный анализ и прогнозирование рисков социально-политической дестабилизации в странах афразийской макрзоны нестабильности*. М.: ЛЕНАНД. С. 607–612.

2023. Африка в XXI столетии: проблемы и перспективы в мир-системном и геополитическом аспектах и возможности расширения российско-африканских отношений. В: Гринин, Л. Е., Хайруллин, Т. Р. (отв. ред.), *Сборник материалов конференции «Перспективы процессов дестабилизации в странах Африки»*. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель». С. 20–30.

Гринин, Л. Е., Гринин, А. Л. 2022. Новая волна революционных процессов в афразийской макрзоне нестабильности и ее влияние на смежные мир-системные зоны. *История и современность* 3: 3–22.

Гринин, Л. Е., Гринин, А. Л., Коротаев, А. В. 2024. Глобальные трансформации Мир-Системы и контуры нового мирового порядка. *Политическая наука* 2: 124–150. DOI: 10.31249/poln/2024.02.06.

Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В.

2016а. *Ближний Восток, Индия и Китай в глобализационных процессах*. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель».

2016б. Индия и Китай: модели развития и перспективы в мире. В: Акаев, А. А., Коротаев, А. В., Малков, С. Ю. (ред.), *Страны БРИКС: Комплексный системный анализ, математическое моделирование и прогнозирование развития: Предварительные результаты*. М.: URSS. С. 246–276.

2019а. Дивергенция и конвергенция в мировой экономике. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В. (отв. ред.), *Кондратьевские волны: Проблемы и прогнозы*. Волгоград: Учитель. С. 62–133.

2019б. *Исламизм и его роль в современном исламском обществе*. М.: Учитель.

2024. Африка: геополитические мир-системные аспекты и возможности России. *Век глобализации* 4 (в печати).

Гулевич, В. 2019. Италия возвращается в Африку. *Международная жизнь* 29 января. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/21520>.

Дейч, Т. Л.

2013. «Китайский век» для Африки. *Международная жизнь* 10: 89–102. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/953>.

2020. Сотрудничество Китая со странами Африки: современный этап. В: Волков, С. Н., Дейч, Т. Л. (отв. ред.), *Африка в условиях формирования полицентричного мира. Заочная конференция с международным участием. Тезисы*. М.: Ин-т Африки РАН. С. 34–35.

Денисова, Т. А. 2018. Южная Корея и Западная Африка: политические и экономические отношения. В: Дейч, Т. Л., Корендясов, Е. Н., Ненашев, С. В. (отв. ред.), *Поворот Африки на Восток и интересы России*. М.: ИА РАН. С. 123–132.

Денисова, Т. А., Костелянец, С. Н. 2022. Африка в XXI веке: новый взгляд на проблемы безопасности. *Азия и Африка сегодня* 10: 81–84.

Для чего Запад придумал «ось переворота» – новую версию «оси зла»? 2024. URL: <https://russtrat.ru/analytics/1724272155-12570>.

Еремин, Н. Н., Ситар, К. А., Барановская, Е. И., Орлова, Л. Н., Коротаев, А. В., Фесюн, А. Г., Авдалян, М. Р., Глухова, С. А., Георгиевский, Б. В., Гришин, И. Ю. 2024. Геологические предпосылки энергетических природных ресурсов Африки. *Вестник Московского университета*. Сер. 4. *Геология* 6.

Ермолов, М. 2022. «Банальная ревность»: как жаркая Африка становится полем битвы в новой «холодной войне». *Газета.ру* 30 июля. URL: <https://www.gazeta.ru/politics/2022/07/30/15197198.shtml>.

Как Москва задешево приобрела новую сферу влияния. 2023. *ИносМИ* 12 февраля. URL: <https://inosmi.ru/20230212/afrika-260558000.html>.

Коротаев, А. В. 2015. Глобальный демографический переход и фазы дивергенции – конвергенции центра и периферии Мир-Системы. *Вестник Института экономики Российской академии наук* 1: 149–162.

Коротаев, А. В., Андреев, А. И., Зинькина, Ю. В., Фоломеева, Д. А. 2014. О структуре глобальной конвергенции. *Вестник Московского университета. Сер. XXVII. Глобалистика и геополитика* 3/4: 74–83.

Коротаев, А. В., Билюга, С. Э. 2016. О некоторых современных тенденциях мирового экономического развития. *Вестник Института экономики Российской академии наук* 4: 20–39.

Коротаев, А. В., Билюга, С. Э., Шишкина, А. Р.

2016. ВВП на душу населения, уровень протестной активности и тип режима: опыт количественного анализа. *Сравнительная политика* 7(4): 72–94.

2017а. ВВП на душу населения, интенсивность антиправительственных демонстраций и уровень образования. Кросс-национальный анализ. *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз* 1(84): 127–143.

2017б. Экономический рост и социально-политическая дестабилизация: опыт глобального анализа. *Полис. Политические исследования* 2: 155–169.

Коротаев, А. В., Гринин, Л. Е., Исаев, Л. М., Зинькина, Ю. В., Васькин, И. А., Билюга, С. Э., Слинько, Е. В., Мещерина, К. В. 2017. *Дестабилизация: глобальные, национальные, природные факторы и механизмы*. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель».

Коротаев, А. В., Гринин, Л. Е., Малков, С. Ю., Исаев, Л. М., Билюга, С. Э., Шишкина, А. Р., Иванов, Е. А., Мещерина, К. В., Васькин, И. А., Медведев И. А., Романов Д. М. 2021а. *Катализаторы политических переворотов: от акций протеста к смене власти. Анализ и моделирование процессов дестабилизации на примере модернизирующихся социально-политических систем*. М.: Ленанд/URSS.

Коротаев, А. В., Гринин, Л. Е., Малков, С. Ю., Исаев, Л. М., Филин, Н. А., Билюга, С. Э., Зинькина, Ю. В., Слинько, Е. В., Шишкина, А. Р., Шульгин, С. Г., Мещерина, К. В., Айсин, М. Б., Иванов, Е. А., Кокликов, В. О., Медведев, И. А., Романов, Д. М., Слав, М., Сойер, П. С. 2021б. *Социально-политическая дестабилизация в странах африканской макрзоны нестабильности: количественный анализ и прогнозирование рисков*. М.: Ленанд/URSS.

Коротаев, А. В., Гринин, Л. Е., Медведев, И. А., Слав, М. 2022. Типы политических режимов и риски революционной дестабилизации в XXI веке. *Социологическое обозрение* 21(4): 9–65.

Коротаев, А. В., Устюжанин, В. В., Зинькина, Ю. В., Шулгин, С. Г., Гринин, Л. Е. 2022. К математическому моделированию политико-демографического будущего Африки. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Быканова, Д. А. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*. Волгоград: Учитель. С. 271–321. DOI: 10.30884/978-5-7057-6184-5_09.

Коротаев, А. В., Хайруллин, Т. Р., Шелковников, А. И. 2025. Саудовская Аравия и Объединенные Арабские Эмираты: тактическое или стратегическое партнерство? *Восток. Афроазиатские общества: история и современность (Восток / Oriens)* 1 (в печати).

Коротаев, А. В., Халтурина, Д. А., Кобзева, С. В., Зинькина, Ю. В. 2011. Ловушка на выходе из ловушки? О некоторых особенностях политико-демографической динамики модернизирующихся систем. В: Акаев, А. А., Коротаев, А. В., Малинецкий, Г. Г., Малков, С. Ю. (ред.), *Проекты и риски будущего. Концепции, модели, инструменты, прогнозы*. М.: Красанд/ URSS. С. 45–88.

Логинова, К. 2023. Пустой коридор: США и Индия решили проложить пути в Европу. *Известия* 12 сентября. URL: <https://iz.ru/1572244/ksenii-loginova/pustoi-koridor-ssha-i-india-reshili-prolozhit-puti-v-evropu?ysclid=lzzhth1aue485532795>.

Малая, С., Челядинский, А. 2016. Африканское направление внешней политики Бразилии в начале XXI в. *Журнал международного права и международных отношений* 1–2(76–77): 44–49. URL: <https://www.evolution.info/ru/journal-menu/2016-1-2/2016-1-2-malayachelyadinsky>.

Медведев, И. А., Устюжанин, В. В., Жданов, А. И., Коротаев, А. В. 2022. Применение методов машинного обучения для ранжирования факторов и прогнозирования невооруженной и вооруженной революционной дестабилизации в африканской макроне нестабильности. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Быканова, Д. А. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*. Волгоград: Учитель. С. 131–210. DOI: 10.30884/978-5-7057-6184-5_06.

Менон, Ш. 2023. Полная разобщенность FA: страны за пределами Северной Америки и Европы не стали бороться с Россией. *ИноСМИ* 12 февраля. URL: <https://inosmi.ru/20230212/geopolitika-260533330.html>.

Мирзаян, Г. 2020. Ради борьбы с Китаем США разожгли войну в Африке. *Взгляд* 20 ноября. URL: <https://vz.ru/world/2020/11/20/1071522.html>.

Мюрдаль, Г. 1972. *Современные проблемы «третьего мира»*. М.: Прогресс.

Оливье, Ж.-И., Мбабази, А. 2023. Африка может стать посредником в прекращении конфликта между Украиной и Россией? *ИноСМИ* 14 февраля. URL: <https://inosmi.ru/20230214/afrika-260612527.html>.

Рыбарь. 2023. Об участии США в суданском конфликте – разбор Рыбаря. Телеграм 26 апреля. URL: <https://tigrm.ru/channels/@rybar/46304>.

Садовничий, В. А., Акаев, А. А., Ильин, И. В., Алешковский, И. А., Андреев, А. И., Билюга, С. Э., Гринин, А. Л., Гринин, Л. Е., Давыдова, О. И., Зинькина, Ю. В., Ковалева, Н. О., Коротаев, А. В., Малков, С. Ю., Мусиева, Д. М., Саямов, Ю. Н., Устюжанин, В. В. 2024а. *Преодолевая пределы роста. Доклад Римскому клубу*. М.: Изд-во Моск. ун-та.

Садовничий, В. А., Акаев, А. А., Ильин, И. В., Алешковский, И. А., Андреев, А. И., Билюга, С. Э., Бочарников, В. Н., Гиричева, Е. Е., Голиней, В. А., Гринин, А. Л., Гринин, Л. Е., Давыдова, О. И., Ковалева, Н. О., Коротаев, А. В., Леонова, О. Г., Малков, С. Ю., Мануйлова, Ю. В., Махов, С. А., Мусиева, Д. М., Сеницина-Давыдова, Д. А., Устюжанин, В. В., Харина, О. А., Ходунов, А. С. 2024б. *Развитие объединения БРИКС в контексте мировой динамики: задачи и перспективы*. М.: МГУ имени М. В. Ломоносова.

Садовничий, В. А., Акаев, А. А., Коротаев, А. В., Малков, С. Ю. 2014. *Комплексное моделирование и прогнозирование развития стран БРИКС в контексте мировой динамики*. М.: Наука.

Садовничий, В. А., Яковец, Ю. В., Акаев, А. А. (ред.) 2014. *Перспективы и стратегические приоритеты восхождения БРИКС. Научный доклад к VII саммиту БРИКС*. М.: МИСК – ИНЭС – НКБ БРИКС.

Устюжанин, В. В., Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В. 2021. Революционные события XXI века в африканской макроне нестабильности и некоторых других мир-системных зонах: предварительный количественный анализ. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Быканова, Д. А. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Революционные процессы в африканской макроне нестабильности и их глобальный контекст*: ежегодник. Волгоград: Учитель. С. 106–144.

Устюжанин, В., Степанищева, Я., Галлямова, А., Гринин, Л., Коротаев, А. 2023. Образование и риски революционной дестабилизации: опыт количественного анализа. *Социальное обозрение* 22(1): 98–128.

Устюжанин, В. В., Сумерников, И. А., Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В. 2022. Урбанизация и революции: количественный анализ. *Социологические исследования* 10: 85–95.

Филатов, С.

2012. «Poor, poor Africa». *Международная жизнь* 14 августа. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/8679>.

2019. Безопасность Африки обсуждается в... Китае. *Международная жизнь* 24 июля. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/23269>.

Фитуни, Л. Л. 2020. Иностраный капитал в Африке: теории, стратегии, новации. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право* 13(6): 6–29. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-6-1.

Хайруллин, Т. Р., Коротаев, А. В. 2023. ОАЭ в борьбе за региональное лидерство. *Азия и Африка сегодня* 9: 27–35. DOI: 10.31857/S032150750027592-3.

Achem, V., Anikelechi, I. G. 2021. Mineral Resources in Africa and Politics of Exploration: An Introductory Synopsis. In Ani, K. J., Ojakorotu, V., Bribena, K. (eds.), *Political Economy of Resource, Human Security and Environmental Conflicts in Africa*. Singapore: Palgrave Macmillan. DOI: 10.1007/978-981-16-2036-2_1.

Aglionby, J. 2016. Tokyo Takes on Beijing in Africa, Claiming Quality over Speed Tokyo. *Financial Times* January 11. URL: <https://www.ft.com/content/564df09e-824a-11e5-a01c-8650859a4767>.

Alves, A. 2013. Brazil in Africa: Achievements and Challenges. *ResearchGate* February. URL: http://www.researchgate.net/publication/251571557_Brazil_in_Africa_Achievements_and_Challenges.

Ellis, D. 2022. Top 10 Mineral Producing Countries in Africa. *Mining* May 24. URL: <https://miningdigital.com/top10/top-10-mineral-producing-countries-in-africa>.

Goldstone, J. A., May, J. F. 2023. The Global Economy's Future Depends on Africa. *Foreign Affairs* May 18. URL: <https://www.foreignaffairs.com/africa/global-economy-future-depends-africa>.

Grinin, L. 2022. Revolutions of the 21st Century as a Factor of the World System Reconfiguration. In Goldstone, J. A., Grinin, L., Korotayev A. (eds.), *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer. Pp. 973–996. DOI: 10.1007/978-3-030-86468-2_38.

Grinin, L., Grinin, A. 2022. The Current Wave of Revolutions in the World-System and Its Zones. *Journal of Globalization Studies* 13(2): 178–197. DOI: 10.30884/jogs/2022.02.12.

Grinin, L., Korotayev, A.

2014a. Globalization and the Shifting of Global Economic-Political Balance. In Kiss, E. (ed.), *The Dialectics of Modernity – Recognizing Globalization. Studies on the Theoretical Perspectives of Globalization*. Budapest: Arisztotelész Kiadó. Pp. 184–207.

2014b. Globalization Shuffles Cards of the World Pack: In Which Direction is the Global Economic-Political Balance Shifting? *World Futures* 70(8): 515–545.

2015. *Great Divergence and Great Convergence. A Global Perspective*. Cham: Springer Nature.

2023. Africa: The Continent of the Future. Challenges and Opportunities. In Sadovnichy, V., Akayev, A., Ilyin, I., Malkov, S., Grinin, L., Korotayev, A. (eds.), *Reconsidering the Limits to Growth. A Report to the Russian Association of the Club of Rome*. Cham: Springer. Pp. 225–240.

2024. Africa – The Continent of the Future. Demographic and Economic Challenges and Opportunities. *World Futures* 80(1): 70–82. DOI: 10.1080/02604027.2024.2315262.

Grinin, L., Korotayev, A., Tausch, A. 2019. *Islamism, Arab Spring, and the Future of Democracy. World System and World Values Perspectives*. Cham: Springer Nature. DOI: 10.1007/978-3-319-91077-2.

Issaev, L., Korotayev, A. 2022. Introduction. New Wave of Revolutions in the MENA Region. In Issaev, L., Korotayev, A. (eds.), *New Wave of Revolutions in the MENA Region. A Comparative Perspective*. Cham: Springer. Pp. 1–32. DOI: 10.1007/978-3-031-15135-4_1.

Khayrullin, T., Korotayev, A. 2023. The Roots of the Turkish-Qatari-Ikhwan Alliance and Its Activities in North Africa and the Middle East. *South African Journal of International Affairs* 30(4): 619–640. DOI: 10.1080/102204612024.2321897.

Korotayev, A., Bilyuga, S., Shishkina, A. 2020. Which Countries Generate Kondratieff Waves in Global GDP Growth Rate Dynamics in the Contemporary World? *Journal of Globalization Studies* 11(1): 33–63.

Korotayev, A., Goldstone, J. A., Zinkina, J. 2015. Phases of Global Demographic Transition Correlate with Phases of the Great Divergence and Great Convergence. *Technological Forecasting and Social Change* 95: 163–169.

Korotayev, A., Issaev, L., Ilyina, A., Zinkina, J., Voronina, E. 2024. Revolutionary History of Niger: From Independence to 2023 Coup. In Besenyő, J., Issaev, L., Korotayev, A. (eds.), *Terrorism and Political Contention. New Perspectives on North Africa and the Sahel Region*. Cham: Springer Nature. Pp. 169–194. DOI: 10.1007/978-3-031-53429-4_9.

Korotayev, A., Shulgin, S., Ustyuzhanin, V., Zinkina, J., Grinin, L. 2023. Modeling Social Self-Organization and Historical Dynamics: Africa's Future. In Sadovnichy, V., Akayev, A., Ilyin, I., Malkov, S., Grinin, L., Korotayev, A. (eds.), *Reconsidering the Limits to Growth. A Report to the Russian Association of the Club of Rome*. Cham: Springer. Pp. 461–490.

Korotayev, A., Vaskin, I., Tsirel, S. 2021. Economic Growth, Education, and Terrorism: A Re-Analysis. *Terrorism and Political Violence* 33(3): 572–595.

Korotayev, A., Zinkina, J. 2014. On the Structure of the Present-Day Convergence. *Campus-Wide Information Systems* 31(2–3): 139–152.

Korotayev, A., Zinkina, J., Kobzeva, S., Bogevolnov, J., Khaltourina, D., Malkov, A., Malkov, S. 2011a. A Trap at the Escape from the Trap? Demographic-Structural Factors of Political Instability in Modern Africa and West Asia. *Cliodynamics* 2(2): 276–303.

Korotayev, A., Zinkina, J., Bogevolnov, J., Malkov, A. 2011b. Global Unconditional Convergence among Larger Economies after 1998? *Journal of Globalization Studies* 2(2): 25–62.

Mabikke, S. B. 2012. *Africa's Wealth of Resources, Blessing or Curse*. URL: https://www.researchgate.net/publication/261806916_Africa's_Wealth_of_Resources_Blessing_or_Curse.

Mardell, J. 2017. One Belt, One Road, and One Big Competition. *The Diplomat* December 18. URL: <https://thediplomat.com/2017/12/one-belt-one-road-and-one-big-competition>.

Medushevsky, N., Shishkina, A. 2022. Modern French Policy on the African Continent: Transformations of a Françafrique Model. *Journal of Asian and African Studies* 57(6): 1141–1157.

Mwadi Makengo, B., Mimbale Molanga, J., Mwadi Kapita, G., Lukau Matezo, E. 2022. Build Back Better World versus the Belt and Road Initiative: Why DRC Might Find Itself in a Complex Dilemma? *Journal of Globalization Studies* 14(2): 55–84.

Myrdal, G. 1968. *The Book Asian Drama: An Inquiry into the Poverty of Nations*. New York: Twentieth Century Fund and Pantheon Books.

Nair, A. 2017. To Counter OBOR, India and Japan Propose Asia-Africa Sea Corridor. *The Indian Express* May 30. URL: <https://indianexpress.com/article/explained/to-counter-obor-india-and-japan-propose-asia-africa-sea-corridor-4681749>.

Pagella, C. 2024. *L'Ukraine cherche à saper l'influence grandissante de la Russie en Afrique*. URL: <https://www.letemps.ch/monde/afrique/comment-l-ukraine-tente-de-contrer-l-influence-grandissante-de-la-russie-en-afrique>.

Russian Missile Strike on French Contractor Base in Ukraine Highlights Heated Franco-Russian Cold War. 2024. *Military Watch Magazin* January 19. URL: <https://militarywatchmagazine.com/article/strike-ukraine-french-contractors-africa>.

Slav, M., Smyslovskikh, E., Novikov, V., Kolesnikov, I., Korotayev, A. 2021. Deprivation, Instability, and Propensity to Attack: How Urbanization Influences Terrorism. *International Interactions* 47(6): 1100–1130.

Titli, B. 2017. Thinking Africa: India, Japan, and the Asia-Africa Growth Corridor. *The Diplomat* June 3. URL: <https://thediplomat.com/2017/06/thinking-africa-india-japan-and-the-asia-africa-growth-corridor/>.

Ventura, L. 2023. Economic Growth is a Marathon, not a Sprint and While Some Nations have Made Plans for Long-term Progress, Others have Squandered Their Good Fortune and Resources. *Global Finance* May 2. URL: <https://gfmag.com/data/countries-highest-gdp-growth>.

Vircoulon, Th. 2024. L'Afrique se transforme en théâtre de la nouvelle guerre froide. *La Croix* March 5. URL: <https://www.la-croix.com/a-vif/l-afrique-se-transforme-en-theatre-de-la-nouvelle-guerre-froide-20240305>.

ПРОБЛЕМА НЕСТАБИЛЬНОСТИ И ПУТИ ЕЕ РЕШЕНИЯ

С. В. КОСТЕЛЯНЕЦ

ОТ РЕВОЛЮЦИИ К ВОЙНЕ: ТРУДНОСТИ СУДАНСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ТРАНЗИТА*

Рассмотрены предпосылки, причины и последствия начала 15 апреля 2023 г. в Судане вооруженных столкновений между армией государства и военизированной организацией «Силы быстрой поддержки» (СБП), переросших со временем в полномасштабную гражданскую войну. Выявлен непосредственный триггер конфликта, неспособность двух суданских военных лидеров – генерала Абделя Фаттаха аль-Бурхана, главнокомандующего и председателя Переходного суверенного совета Судана (ПСС), и генерал-лейтенанта Мохаммеда Хамдана Даголю по прозвищу Хемети, его заместителя по ПСС и командира СБП – договориться об условиях интеграции СБП в армию, предусмотренной рамочным соглашением, заключенным 5 декабря 2022 г. между основными суданскими политическими партиями и военными. Показано, что предпосылкой к началу войны, к середине 2024 г. уже унесшей жизни более 18 тыс. суданцев, стал крах 30-летнего (1989–2019) военно-исламистского режима Омара аль-Башира, положивший начало нынешнему острому циклу дестабилизации. Кроме того, выделены ключевые структурные факторы неустойчивости в Судане, на протяжении десятилетий с момента обретения страной независимости неоднократно вызывавшие политические кризисы, массовые волнения и государственные перевороты: отсутствие работающего механизма демократической смены власти и ригидность суданских ре-

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 24-18-00650).

Для цитирования: Костелянец, С. В. 2024. От революции к войне: трудности суданского политического транзита. *История и современность* 3: 113–124. DOI: 10.30884/iis/2024.03.06.

For citation: Kostelyanets, S. V. 2024. From Revolution to War: the Difficulties of Sudanese Political Transit. *Istoriya i sovremennost'* = *History and Modernity* 3: 113–124 (in Russian). DOI: 10.30884/iis/2024.03.06.

История и современность, № 3, сентябрь 2024 113–124

DOI: 10.30884/iis/2024.03.06

жимов; коррумпированная и регионально не сбалансированная система распределения материальных благ; нерешенные этнополитические конфликты на периферии. Продemonстрировано, что в постреволюционный период 2019–2022 гг. в обществе сохранились социально-политическая напряженность и высокий уровень насилия, а навязанная внешними силами в 2019 г. компромиссная модель политического транзита не удовлетворяла ни элиты, стремящиеся сохранить свои активы и влияние, ни оппозицию, в том числе уличную, требующую тщательного расследования и уголовного преследования преступлений как представителей режима аль-Башира, так и сместившей его военной хунты. На фоне роста опасений суданских военачальников утратить власть, богатства и личную свободу, усугубления экономического кризиса в стране, дестабилизирующих действий элементов бывшего военно-исламистского режима и некоторых внешних игроков окончательно оформился раскол между армией и СБП, лидеры которых – аль-Бурхан и Хемети соответственно – сделали ставку на силовое разрешение накопившихся противоречий.

Ключевые слова: Судан, политический транзит, силы быстрой поддержки, Африка, экстремизм.

Два генерала и их «бессмысленная война»

С 15 апреля 2023 г. в Судане не затихает вооруженный конфликт между армией государства и военизированной организацией «Силы быстрой поддержки» (СБП). Этот конфликт постоянно расширяется, охватывая все новые территории и группы населения, и некоторые эксперты уже справедливо характеризуют происходящее как гражданскую войну (Gunawan *et al.* 2024; Khogali, Homeida 2023; Makonye 2023). Война в Судане – «бессмысленная война», как ее прозвали жители страны, – уже вошла в число наиболее острых гуманитарных кризисов как в Африке, так и во всем мире. Свыше 18 тыс. суданцев погибли (Sudan: The RSF... 2024), десятки тысяч ранены, почти 11 млн покинули свои дома и стали внутренне перемещенными лицами, а еще более 2 млн выехали из страны (Sudan Situation... 2024). В Судане распространяются холера и лихорадка денге, 70 % больниц закрыты, 17 млн детей (из общего числа в 19 млн) лишены возможности посещать школу (Lubov 2024). Эти оценки международных организаций и информагенств следует считать консервативными, а реальные цифры, вероятно, значительно выше. На сегодняшний день Судан – самая горячая точка Африки. При этом обе стороны – армия и СБП – активно рекрутируют новых солдат и привлекают иностранных наемников, не демонстрируя стремления к деэскалации конфликта.

Одновременно страна переживает беспрецедентный и с каждым днем все менее обратимый коллапс всех сфер хозяйства. Серьезнейший и беспрецедентный урон нанесен столице и экономическому сердцу страны – Хартуму и его городам-спутникам. Уничтожены или повреждены десятки исторических зданий, разрушена инфраструктура, в том числе несколько мостов через реку Нил. ВВП страны, по оценке Африканского банка развития, упал в 2023 г. на 37,5 % (Sudan Economic... 2024). Когда восстановится мир, потребуются долгие годы на восстановление довоенного уровня благосостояния населения и положения Судана в Северо-Восточной Африке.

Помимо «бессмысленной войны» этот конфликт жители Судана также называют «войной двух генералов». Армию Судана возглавляет генерал Абдель Фаттах аль-Бурхан – председатель Переходного суверенного совета Судана (ПСС), кадровый военный, закончивший военную академию в Каире, выходец из числа нильских арабов Судана, бывший начальник штаба сухопутных сил, возглавивший страну вскоре после государственного переворота в 2019 г. Его оппонент – Мохаммед Хамдан Даголо, широко известный как Хемети, до 19 мая 2023 г. занимавший пост заместителя аль-Бурхана по ПСС. Хемети – бывший торговец верблюдами из чадско-дарфурского арабского племени *ризейгат*, затем полевой командир в Дарфуре, отличившийся в 2000-е гг. своей жестокостью и эффективностью в борьбе с дарфурскими повстанцами и тем самым завоевавший доверие бывшего президента Судана Омара аль-Башира, который поручил ему создать по сути параллельную армию вооруженную структуру в подчинении суданской Национальной службы разведки и безопасности. Еще при аль-Башире Хемети получил под свой контроль золотые прииски в Дарфуре и ряд других экономических активов, а также руководил отправкой суданских наемников в Йемен и Ливию на деньги монархий Залива, заработав на всем этом немалый капитал (см. подробнее: Костелянец 2020).

Причиной текущего конфликта послужили прежде всего личные амбиции суданских военачальников, их страх утратить власть, а затем и нажитые богатства, и свободу, а также дестабилизирующие действия элементов бывшего исламистского режима и некоторых внешних игроков, и все это на фоне глубокого экономического кризиса. Непосредственным же триггером войны послужили разногласия по поводу сроков интеграции СБП в национальную армию. В декабре 2022 г. сторонами было заключено рамочное соглаше-

ние, предусматривающее подчинение СБП армии. Предполагалось определить сроки интеграции в апреле 2023 г. Генералитет настаивал на двух годах, но Хемети требовал 10 лет на объединение, не желая лишаться автономии в период политического транзита. С декабря по апрель 2023 г. напряжение постоянно нарастало. ООН и США давили на стороны, чтобы они согласовали детали интеграционного процесса. Тем временем стороны обменивались обвинениями в подрыве демократического транзита, поддержке исламистов и т. д., но так и не смогли договориться о сроках интеграции. Армию тревожило постоянное расширение штата СБП и их арсенала, в чем они начали видеть прямой вызов сложившейся после революции 2019 г. структуре управления с Ф. А. аль-Бурханом на вершине. Хемети, в свою очередь, потеряв контроль над СБП, с высокой вероятностью вскоре лишился бы и своих активов в Судане стоимостью в миллиарды долларов, а также всех политических перспектив. Очевидно, что этого Хемети допустить не мог. 15 апреля 2023 г. чаша терпения обеих сторон переполнилась.

Крах 30-летнего режима Омара аль-Башира как предпосылка к войне

Трагические события 2023 г. нельзя рассматривать ни в отрыве от суданских политических событий предыдущих пяти лет, ни в отрыве от истории Судана в целом. Нынешний острый цикл дестабилизации, в рамках которого так и не был завершен политический транзит, берет свое начало в революционных событиях 2018–2019 гг. и в тех системных проблемах, которые к ним привели.

Вспомним, что 11 апреля 2019 г. в Судане произошел военный переворот, в ходе которого был свергнут президент О. аль-Башир, почти 30 лет управлявший страной. Путчу предшествовали несколько месяцев массовых протестов. Правительство приняло решение подавить протесты силовыми и информационными методами: был введен комендантский час в затронутых протестами городах, проведены аресты лидеров протестующих, закрыты школы, университеты и общежития, приостановлено издание большинства газет, заблокирован доступ к соцсетям и многим ресурсам Интернета. В феврале 2019 г. на всей территории Судана был введен режим чрезвычайного положения, но ситуация продолжала обостряться, а экономика страны оказалась парализована. В ходе подавления протестов были убиты свыше 100 человек. На фоне участвовавших столкновений сил безопасности с солдатами регулярной армии,

желавшими защитить демонстрантов, руководство вооруженных сил арестовало аль-Башира, сформировало Переходный военный совет (ПВС), который взял власть в государстве в свои руки, и заявило о готовности выполнить требования уличной оппозиции – впрочем, как оказалось, далеко не все (см. подробнее: Kostelyanets 2021).

Можно утверждать, что главной предпосылкой революционной мобилизации стало резкое обострение в течение 2018 г. финансового кризиса, спровоцированного растущим дефицитом валюты. Согласно на отделение Южного Судана в 2000-е гг., приведшее к объявлению последним независимости в 2015 г., стало, вероятно, роковой ошибкой режима О. аль-Башира, который лишился одновременно притока валюты, вырученной с продажи нефти, и консолидирующего общество врага в лице южносуданских повстанцев (см. подробнее: Костелянец 2014б). Кроме того, в 2017 г. суданское правительство возобновило переговоры о вступлении во Всемирную торговую организацию (ВТО), что повлекло за собой либерализацию торговли согласно рекомендациям Международного валютного фонда (МВФ) и последующее значительное увеличение импорта при отстающем росте экспорта, а, соответственно, и проблемы с наполнением бюджета. Решение правительства включить печатный станок, чтобы профинансировать дефицит бюджета, привело к высокой инфляции и череде девальваций суданского фунта в 2018 г. Затем правительство было вынуждено резко сократить объем субсидий на муку, что привело к трехкратному росту цен на хлеб и послужило мощным катализатором кризиса (Костелянец 2019).

Еще одним катализатором – политическим – послужило принятие в начале декабря 2018 г. поправки к Конституции, которая позволила аль-Баширу баллотироваться на пост президента в пятый раз подряд.

Впрочем, как и другие народные восстания в арабских государствах в 2010-х и 2020-х гг., а также прецеденты в самом Судане, декабрьская революция была вызвана сочетанием структурных политических и экономических проблем, внутреннего разлада в рядах исламистов и военных, а также внешнего воздействия (подробнее см.: Kostelyanets 2022). По сути, возник «идеальный социально-политический шторм». И этот шторм правящий режим не смог пережить.

Структурные факторы дестабилизации Судана

Следует выделить три основных структурных дестабилизирующих фактора, которые исторически вызывали или способствова-

ли народным восстаниям и неконституционным сменам режима в Судане, включая события 2018–2019 гг., и которые, по всей видимости, останутся угрозой и для будущих политических режимов.

Во-первых, это отсутствие работающего механизма демократической смены власти в стране и ригидность режима, то есть его неготовность к изменениям. При этом ригидные режимы неизбежно пытаются все контролировать, однако и несут ответственность за все происходящее (Grinin *et al.* 2019). Во-вторых, это несправедливая, неразвитая, коррумпированная, регионально несбалансированная система распределения материальных благ в стране. В-третьих, это этнополитические проблемы и конфликты, которые преследовали Судан с момента обретения независимости и возникали в основном в рамках напряженных отношений между центром и периферией (подробнее см.: Костелянец 2014а).

Исламисты, пришедшие к власти в Судане в 1989 г., были нетерпимы к политическому инакомыслию и социальному разнообразию и нацелены на преобразование всех общественных институтов в соответствии с принципами исламского государства (Verney 1995). Однако к концу 1990-х гг. стало ясно, что программа тотальной исламизации Судана оказалась невыполнимой – из-за военных неудач в борьбе с южносуданскими повстанцами, экономических провалов и международной изоляции. Страна не состоялась как тоталитарное теократическое государство, но начала укреплять военно-бюрократический режим, обладавший многими типичными чертами авторитарных систем, такими как фальсификация результатов выборов, безнаказанность сил правопорядка и безопасности, коррупция и кумовство. Коррупция, в частности, стала структурной чертой политэкономической системы Судана, так как большинство крупных предприятий оказалось в руках чиновников и военных (подробнее см.: Bellucci 2000; Kostelyanets 2021).

Недоверие к правительству усугубилось еще одной причиной социально-политической нестабильности в Судане – маргинализацией периферии. Проблема маргинализации и межрегиональных диспропорций время от времени признавалась членами правительства О. аль-Башира в качестве ключевого источника внутренней нестабильности, но никакие изменения не предпринимались. Возможно, элита в Хартуме была слишком жадной, чтобы делиться ограниченными ресурсами страны. Однако более вероятно, что маргинализация служила инструментом поддержки правящей группы и ее опорной базы, охватывавшей этноплеменное ядро и кооптиро-

ванных периферийных лидеров, против остального населения, чтобы сохранить гегемонистское господство центра (Костелянец 2011).

Эта стратегия оказалась обоюдоострой. С одной стороны, она помогла режиму пережить многолетнюю бесплодную войну на юге, отделение Южного Судана и конец нефтяного бума. С другой стороны, политизация этничности и трайбализм в Судане вызывали перманентную этнополитическую напряженность между центром и периферией, которая нередко перерастала в ожесточенные конфликты, истощавшие ресурсы режима. На самом деле эти конфликты были важнейшим фактором, препятствующим экономическому развитию. Во время правления О. аль-Башира до 70 % годового бюджета Судана уходило на расходы, связанные с безопасностью и обороной (Sudan Could... 2016). Кроме того, конфликты подрывали хозяйственную деятельность и «отпугивали» инвестиции.

Резюмируя вышесказанное, ригидность режима, коррупция и трайбализм сделали невозможными политические и экономические реформы и породили острое социальное недовольство. Политические неудачи и экономические трудности напрямую ассоциировались с правящей партией и самим президентом аль-Баширом, поскольку они монополизировали процесс принятия политических решений. Ввиду отсутствия каких-либо перспектив добровольной трансформации режима, который к тому же был ослаблен глубоким экономическим кризисом, путь революции оказался предпочтительным для очень многих суданцев.

Безвременье 2019–2022 гг. в Судане

Переходный военный совет, 11 апреля 2019 г. сместивший О. аль-Башира и взявший власть в государстве в свои руки, действовал во многом на опережение уличной оппозиции, которая была нацелена на кардинальную трансформацию всей политической системы и незамедлительное расследование военных и коррупционных преступлений прежнего режима, что угрожало интересам и верхушки силовых структур, и чиновничества, и экономической элиты страны. Председателем ПВС 12 апреля 2019 г. стал А. Ф. аль-Бурхан, а Хемети – его заместителем.

В июне 2019 г. военные разгромили палаточный лагерь оппозиции; лишь по официальным данным были убиты 64 человека. Тем самым ПВС продемонстрировал не желание идти на серьезные

уступки оппозиции, а, напротив, готовность силой защищать свои интересы.

Но вскоре под давлением международного сообщества военные и оппозиция согласились на посредничество премьер-министра Эфиопии и заключили соглашение о разделе власти и создании нового высшего органа власти – Переходного суверенного совета. Военные фактически сохранили высшую власть в своих руках до апреля 2021 г. и право вето на все решения ПСС до ноября 2022 г. и избежали установления гражданского контроля над силовыми ведомствами (Kostelyanets 2022). В августе 2019 г. к присяге был приведен новый премьер-министр Судана Абдалла Хамдук.

Партия О. аль-Башира «Национальный конгресс» была запрещена, ее активы – конфискованы, а ее членам было запрещено участвовать в выборах. Повседневная жизнь начала либерализовываться: переходному правительству удалось отменить дискриминационные законы в отношении женщин, публичные порки, закон о вероотступничестве и даже разрешить ввоз в страну алкогольных напитков для потребления немусульманами. Несмотря на политические пертурбации, продолжался процесс секуляризации, поскольку это было одним из основных условий достигнутого в конце 2020 г. мирного соглашения с вооруженной оппозицией. Кроме того, революционные события 2018–2019 гг. способствовали пробуждению в Судане независимого гражданского общества (Денисова, Костелянец 2022).

Однако в октябре 2021 г. в Судане военные осуществили новый государственный переворот. Тем самым они разорвали соглашение о принципах раздела власти с гражданской оппозицией на переходный период. Напряженность между военным и гражданским компонентами коалиционного правительства была обусловлена неуравновешенностью властного баланса в рамках соглашения о разделе власти, по сути, навязанного сторонам международным сообществом. Оно не устраивало ни тех ни других. «Бомбой замедленного действия» в отношениях между военными и гражданскими стала деятельность двух органов при правительстве, созданных в рамках компромиссного соглашения 2019 г., – Комитета по ликвидации режима 30 июня 1989 г. и возвращению государственных средств и Комиссии по расследованию расстрела демонстрантов в июне 2019 г.

Комитет по ликвидации режима 30 июня 1989 г. и возвращению государственных средств к лету 2021 г. вернул в казну более

1 млрд долларов, незаконно присвоенных представителями прежнего режима. Руководство Комитета также заявляло о необходимости проведения аудита собственности высокопоставленных военных, но ПВС этому препятствовал (Baldo 2021). По некоторым данным, армия и службы безопасности контролировали около 250 компаний, занятых в ключевых сферах экономики страны (Fisayo-Bambi 2020).

В свою очередь, Комиссия по расследованию расстрела демонстрантов в июне 2019 г. два года тянула с завершением следственных действий, а ее глава открыто заявлял, что публикация отчета приведет к тяжелым политическим последствиям, например к государственному перевороту (Nashed 2021).

В результате октябрьского путча 2021 г. были арестованы премьер-министр Абдалла Хамдук и целый ряд видных оппозиционных деятелей. А. Ф. аль-Бурхан объяснил переворот необходимостью «исключить из правительства политиков» и «скорректировать революционный курс», чтобы «избежать гражданской войны», к которой население якобы «подстрекают некоторые политические силы», настроенные против армии. В ходе последовавших протестов погибли 14 человек, сотни были ранены (Abdelaziz 2021).

В результате переворота военные, казалось бы, укрепили свои позиции и ликвидировали основные угрозы со стороны комитетов при правительстве, расследующих коррупцию и преступления против мирного населения. Однако фундаментальные причины нестабильности – коррупция и маргинализация периферии – сохранились, не говоря уже о сохранявшемся отсутствии механизмов демократической смены власти. Новый виток дестабилизации был лишь вопросом времени.

На протяжении 2022 г. в Судане на фоне массовых протестов и межэтнических столкновений шли переговоры о новом соглашении между военными и оппозицией. Но внутренний конфликт, приведший к полномасштабной войне, разгорелся среди военных.

Перспективы урегулирования конфликта и политической стабилизации в Судане

На конец лета 2024 г. силы противоборствующих сторон оставались примерно равными, а итоги войны – столь же неочевидными, что и в апреле 2023 г., позволяя экспертам выстраивать кардинально противоположные сценарии развития событий. Однако представляется, что с точки зрения императива политической стабили-

зации и единства страны оптимальной была бы победа армии под руководством Ф. А. аль-Бурхана с последующим (через один-два года) проведением всеобщих выборов и передачей власти гражданским. Победа СБП, вероятно, обернется массовым насилием, а также этническими чистками, в учинении которых силы Хемети уже неоднократно были замечены. Впрочем, в истории Африки жестокие повстанческие движения не раз приходили к власти, а затем трансформировались в сравнительно нормальные политические режимы. Тупиковым, хотя и возможным, представляется ливийский сценарий, при котором страна будет поделена на две или более части, находящиеся между собой в перманентном конфликте.

Особенно тревожными представляются попытки обеих сторон политизировать этничность. СБП находят поддержку на западе и юге страны среди исторически маргинализированных племен периферии, в частности группы племен *баггара*. Некоторые дарфурцы в соцсетях называют Хемети «нашим бандитом», «защитником обездоленных». Хемети среди своих целей заявляет новые принципы федерализации Судана и реформы политической системы, в которой арабам периферии будет предоставлено больше прав и возможностей. Ф. А. аль-Бурхан же апеллирует к неприязни жителей Центрального и Восточного Судана к дарфурским и кордофанским арабам, призывая вступать в ряды вооруженных сил для борьбы с ними.

Армия называет СБП «джанджавидами» – известными своей жестокостью и военными преступлениями арабскими ополчениями Дарфура, на базе которых Силы быстрого реагирования и были действительно сформированы. СБП в ответ распространяет информацию о связях армии с элементами прежнего режима, прежде всего исламистами, заинтересованными в возвращении Судана на путь исламской революции, а также называют противника «армией джеллаба» – то есть армией торговцев из нильских арабов, сколотивших в начале XIX в. огромные состояния на работорговле. Если культурно-этническое измерение конфликта приобретет реальное влияние на массы, единство Судана действительно окажется под вопросом.

Крайне опасным для политического будущего страны является также внешнее вмешательство, подпитывающее и продлевающее конфликт. Особенно вопиющими являются действия Объединенных Арабских Эмиратов, которые практически открыто снабжают СБП оружием через Чад и другие страны. При этом в рядах СБП –

масса чадских, нигерских и других сахельских наемников. В свою очередь, армия Ф. А. аль-Бурхана активно поддерживается Египтом и получает оружие из Турции и Ирана. При этом вряд ли хотя бы одного из спонсоров войны, не говоря уже о наемниках, можно назвать истинным другом суданского народа – все они решают собственные задачи, используя Судан в качестве полигона и рассчитывая закрепить влияние в стране в случае победы своих суданских партнеров.

В заключение необходимо отметить, что политическая система Судана десятилетиями напоминала волчок: она была нестабильна, но не падала. Однако по мере истощения ресурсов государства – вследствие оскудения периферии и потери богатого нефтью Южного Судана – скорость вращения все замедлялась, пока ось волчка не отклонилась от вертикали. Представляется, что в перспективе политической стабильности в Судане невозможно будет достичь без решения ключевых задач – обеспечения сменяемости власти, надлежащего управления и коренных преобразований в системе федеральных отношений.

Литература

Денисова, Т. С., Костелянец, С. В. 2022. Судан после Омара аль-Башира: территория нестабильности. *Азия и Африка сегодня* 9: 29–36.

Костелянец, С. В.

2011. *Социально-политические и гуманитарные аспекты конфликта в суданском регионе Дарфур*: дис. ... канд. полит. наук. М.: Ин-т Африки РАН.

2014а. *Дарфур: история конфликта*. М.: Ин-т Африки РАН.

2014б. Судан после раздела страны: поиск путей преодоления кризиса. *Азия и Африка сегодня* 10: 31–35.

2019. Судан: массовые протесты. *Ин-т Африки РАН* 5 апреля. URL: <https://www.inafran.ru/node/1875>.

2020. Судан: военный переворот 2019 г. и формирование «режима Хемети». В: Денисова, Т. С. (ред.), *Африка: политическое развитие и армия*. М.: Ин-т Африки РАН. С. 295–306.

Abdelaziz, Kh. 2021. Sudan's Burhan Says Army Ousted Government to Avoid Civil War. *Reuters* October 27. URL: <https://www.reuters.com/world/africa/telecommunications-interrupted-sudan-after-coup-2021-10-26>.

Baldo, S. 2021. Sudan Struggles to Control Its Parastatals. *Briefing* May. URL: <https://thesentry.org/reports/sudan-parastatals>.

Bellucci, S. 2000. Islam and Democracy: The 1999 Palace Coup in Sudan. *Middle East Policy* 7(3): 168–174.

Fisayo-Bambi, J. 2020. Sudan's PM Laments Army's Role in the Country's Economy. *Africa News* December 15. URL: <https://www.africanews.com/2020/12/15/sudan-s-pm-laments-army-s-role-in-economy>.

Grinin, L., Korotayev, A., Tausch, A. 2019. *Islamism, Arab Spring, and the Future of Democracy*. Cham: Springer.

Gunawan, Y., Putra M. R. P., Al Khairi, M. F., Arumbinang, M. H. 2024. International Law in the Sudanese War 2023: An Overview of the Conflict and Law Enforcement. *Jurnal Suara Hukum* 6(1): 108–124.

Khogali, A., Homeida, A. 2023. Impact of the 2023 Armed Conflict on Sudan's Healthcare System. *Public Health Challenges* 2(4): e134.

Kostelyanets, S. 2021. The Rise and Fall of Political Islam in Sudan. *Politics and Religion Journal* 15(1): 85–104.

2022. Sudan's December Revolution and the Demise of the Al Bashir Regime. In Issaev, L., Korotayev, A. (eds.), *New Wave of Revolutions in the MENA Region. A Comparative Perspective*. Cham: Springer. Pp. 33–56.

Lubov, D. C. 2024. Shelling of Sudan School and Market Kills Several Children. *Vatican News* August 16. URL: <https://www.vaticannews.va/en/world/news/2024-08/shelling-of-sudan-school-and-market-kills-several-children.html>.

Makonye, F. 2023. Political Reflections on the Sudanese Civil War 2023: A Qualitative Study. *African Journal of Peace and Conflict Studies* 12(3): 71–82.

Nashed, M. 2021. Nabil Adeeb's Job is to Uncover a Massacre Committed by Sudanese Forces in 2019. He Fears his Results may Lead to a Coup. *New Lines Magazine* May 4. URL: <https://newlinesmag.com/reportage/how-a-human-rights-report-could-upend-sudan>.

Sudan Could Spend up to 70% of Its Budget on Several War Fronts This Year. 2016. *Quartz Africa* February 12. URL: <https://qz.com/africa/615938/sudan-could-spend-up-to-70-of-its-budget-on-several-war-fronts-this-year>.

Sudan Economic Outlook. 2024. URL: <https://www.afdb.org/en/countries/east-africa/sudan/sudan-economic-outlook>.

Sudan Situation Report. 2024. *UNOCHA* August 19. URL: <https://reports.unocha.org/en/country/sudan>.

Sudan: The RSF Marches on Sennar and West Kordofan. 2024. *ACLED* July 12. URL: <https://acleddata.com/2024/07/12/sudan-situation-update-july-2024-the-rsf-marches-on-sennar-and-west-kordofan>.

Verney, P. (ed.). 1995. *Sudan: Conflict and Minorities*. London: Minority Rights Group. URL: <https://www.minorityrights.org/wp-content/uploads/old-site-downloads/download-881-Download-full-report.pdf>.

А. М. ЖАМБИКОВ

О РАСПРОСТРАНЕНИИ РЕЛИГИОЗНОГО ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА В ЗАПАДНОЙ АФРИКЕ*

В Западной Африке религиозный экстремизм и терроризм распространяются из двух основных очагов: бассейна озера Чад и района Липтако-Гурма в Сахельском регионе. Выявлены главные причины, способствующие поддержке религиозного радикализма со стороны местного населения: бедность, безработица, социальная несправедливость, маргинализация кочевников-скотоводов в условиях конфликтов с оседлыми земледельцами. Перечислены основные разновидности террористических актов в Западной Африке: нападения в столицах в целях достижения международного резонанса, массовый и индивидуальный террор, похищения, минирование дорог с помощью самодельных взрывных устройств, использование террористов-смертников и нападения на иностранные предприятия и их сотрудников. Отмечены сходства в действиях террористических группировок и общность их целей – подрыв авторитета и последующее разрушение современного государства, а также создание на его месте «исламского» (в понимании экстремистов) квазигосударства. Произведена оценка числа жертв вооруженных конфликтов в бассейне озера Чад и в Сахельском регионе. Рассмотрены стратегии западноафриканских государств по противодействию терроризму. Указано, что в силу трансграничного характера действий террористических формирований одним из ключевых элементов антитеррористической деятельности в Западной Африке стало взаимодействие между соседними государствами в рамках особых форматов, каковыми в настоящее время являются Объединенные многонациональные оперативные силы и Альянс государств Сахеля. Выяснены причины неэффективности «Группы пяти Сахеля»: чрезмерная сосредоточенность на интересах Франции,

** Для цитирования:* Жамбиков, А. М. 2024. О распространении религиозного экстремизма и терроризма в Западной Африке. *История и современность* 3: 125–143. DOI: 10.30884/iis/2024.03.07.

For citation: Zhambikov, A. M. 2024. On Propagation of Religious Extremism and Terrorism in West Africa. *Istoriya i sovremennost' = History and Modernity* 3: 125–143 (in Russian). DOI: 10.30884/iis/2024.03.07.

История и современность, № 3, сентябрь 2024 125–143

DOI: 10.30884/iis/2024.03.07

стремившейся переложить существенную часть расходов по борьбе с терроризмом в регионе на африканских союзников и пролоббировать интересы своего военно-промышленного комплекса. Проанализировано содействие Российской Федерации западноафриканским государствам в борьбе с терроризмом. Наша страна является традиционным поставщиком боевых и транспортных вертолетов в Нигерию, а также направляет своих военных специалистов и инструкторов в страны Сахеля, где они занимаются подготовкой кадров и участвуют в боевых действиях. В заключение представляется важным учитывать, что борьба с терроризмом и религиозным экстремизмом – чрезвычайно сложная задача, на решение которой могут уйти десятилетия.

Ключевые слова: религиозный экстремизм, терроризм, антитеррористическая деятельность, Западная Африка, Нигерия, Сахельский регион.

Долгое время внимание СМИ было приковано к региону Ближнего и Среднего Востока, в частности в контексте проблемы религиозного экстремизма и терроризма. Однако эта вредоносная идеология распространилась на широком пространстве, пустив корни и в некоторых странах Африканского континента.

Бывший заместитель председателя Национального собрания Буркина-Фасо Лона Шарль Уаттара, комментируя проблемы безопасности в Сахельском регионе¹ (как полагает автор статьи, нижеизложенное утверждение справедливо и для Западной Африки в целом), отметил, что за пределами столиц, особенно в сельских районах, наблюдается отсутствие государства в трех сферах жизни. Физическое отсутствие, по его мнению, выражается в нехватке сотрудников правоохранительных органов и невозможности обеспечить безопасность населения, социальное – в дефиците инфраструктуры, такой как школы и больницы. Эти проблемы являются предпосылками символического отсутствия государства, при котором люди не признают государство гражданской принадлежности, считая его навязанным колонизаторами (Ouattara 2020).

В 10-е гг. XXI в. в Западной Африке активизировались группировки, исповедующие идеологию религиозного радикализма, которые от пропаганды перешли к террористической деятельности,

¹ В настоящей статье под Сахелем подразумевается не вся Сахельская полоса от Атлантического океана до Красного моря, а регион в политическом смысле. Речь идет о трех странах: Буркина-Фасо, Мали и Нигере, которые в 2023 г. сформировали Альянс государств Сахеля (АГС).

в том числе к вооруженным выступлениям против конституционного строя. Двумя основными очагами насильственного экстремизма стали северо-восточные штаты Нигерии и треугольник Липтако-Гурма на стыке границ Буркина-Фасо, Мали и Нигера.

Террористические группировки в Нигерии: «Боко Харам» и «Западноафриканская провинция Исламского государства»²

Идеи религиозного радикализма начали распространяться в странах Западной Африки значительно раньше. В истории независимой Нигерии первым серьезным его проявлением стали события в г. Кано (крупнейший город на мусульманском севере страны) в декабре 1980 г. Там проживал уроженец Камеруна Мухаммад Марва по прозвищу Маитацине (на языке хауса это означает «тот, кто проклинает» [Ford 2014]), который под видом религиозных проповедей стал пропагандировать радикальные идеи. В частности, он отвергал технологические инновации, такие как часы, радиоприемники, автомобили (Adamu 2010). Маитацине собрал из городской бедноты многочисленную тоталитарную секту, последователи которой начали убивать и похищать несогласных. Для пресечения подобной преступной деятельности в ситуацию вмешались полиция и армия. Вооруженные мачете и дубинками сектанты оказали ожесточенное сопротивление, толпами бросаясь на стражей порядка, которые были вынуждены открывать огонь. Бои в г. Кано длились 12 дней и унесли жизни 4179 человек, в том числе самого Маитацине (*Ibid.*).

В октябре 1982 г. адепты секты выступили вновь. На этот раз беспорядки охватили города Кано, Кадуна и Майдугури на севере и северо-востоке Нигерии и унесли сотни жизней. Секта была рассеяна, но не ликвидирована полностью (Dash 1982). Высокий уровень бедности и безработицы, усугубляемый социальным расслоением и, как следствие, ощущением социальной несправедливости, способствовал пропаганде идей религиозного экстремизма.

В начале нулевых годов XXI в. в Майдугури, главном городе штата Борно на северо-востоке Нигерии, радикальные идеи начал пропагандировать нигериец Мохаммед Юсуф. Он призывал отвергнуть современные социальные институты, объявив их чуждыми исламу и навязанными Западом. Мохаммед Юсуф разжигал

² Организации признаны террористическими Верховным судом РФ, их деятельность на территории России запрещена.

ксенофобию по отношению как к иноверцам, так и к мусульманам, работающим в государственных учреждениях, объявив их «отступниками» (Apard 2016). Полное название созданной им группировки с арабского языка переводится как «Общество приверженцев распространения учения пророка и джихада» (Нигерийская... 2017), однако в народе ее стали именовать «Юсуфия» (Apard 2016) по имени основателя, или «Боко Харам», что на языке хауса буквально означает «западное образование – грех». Одной из декларируемых целей «Боко Харам» было введение шариатского права на всей территории Нигерии (с 1999 г. шариатские нормы применяются в 12 северных штатах Нигерии, абсолютное большинство населения которых составляют мусульмане).

В 2005 г. Мохаммед Юсуф посетил Саудовскую Аравию, где, весьма вероятно, установил контакты с проповедниками ваххабизма и заручился их поддержкой (Walker 2016). К концу 2008 г. секта «Боко Харам» сформировала разветвленную структуру и фактически создала «государство в государстве» с руководящим советом (шура), собственной «шариатской полицией», легальными и «теневыми» предприятиями, в которых работали ее последователи, и даже системой кредитования (*Ibid.*).

26 июля 2009 г. вооруженные adeпты «Боко Харам» атаковали полицейский участок в городе Баучи (Hazzad 2009), спровоцировав нигерийских стражей порядка на ответную силовую операцию. 30 июля 2009 г. военные задержали Мохаммеда Юсуфа и передали его в руки полиции. Вскоре предводитель «Боко Харам» был застрелен, как сообщили полицейские, при попытке к бегству (Olaiya 2018). После гибели Мохаммеда Юсуфа власть над сектой «Боко Харам» перешла к Абубакару Шекау, который развернул кровавую террористическую деятельность. В отличие от секты Маитаине последователи «Боко Харам» быстро освоили военное дело и диверсионные методы, что превратило их в крайне опасных противников.

В конце 2014 г. возникла угроза полного захвата террористами «Боко Харам» четырех штатов на северо-востоке Нигерии. Предотвратить такое развитие событий удалось благодаря развертыванию в 2015 г. Объединенных многонациональных оперативных сил, в состав которых вошли войска из Камеруна, Нигера, Нигерии и Чада. Боевики «Боко Харам» укрылись в труднодоступных лес-

ных и горных (плато Адамава) районах, продолжая оттуда террористические нападения в Нигерии, а также в соседних странах. Вооруженный конфликт охватил территории, примерно сопоставимые с бассейном озера Чад.

В марте 2015 г. главарь «Боко Харам» Абубакар Шекау, рассчитывая на рост поддержки международного терроризма и приток новых опытных боевиков, присягнул на верность «Исламскому государству Ирака и Леванта» (ИГИЛ)³. Группировка «Боко Харам» стала именоваться «Западноафриканской провинцией Исламского государства» (ЗАПИГ). В августе 2016 г. руководство ИГИЛ сместило Абубакара Шекау и назначило на его место Абу Мусаба аль-Барнави⁴ (сына Мохаммеда Юсуфа, основателя «Боко Харам»).

Смещение Абубакара Шекау, по всей видимости, было обусловлено несколькими причинами. Это, во-первых, его деспотичный стиль руководства, выразившийся в принятии единоличных решений без обсуждения с руководящим советом и в роскошной жизни на фоне нищеты большинства рядовых боевиков (Ahmed 2018). Во-вторых, чересчур радикальная позиция главаря, позволявшая объявлять отступниками мусульман только лишь за отказ поддержать его группировку или атаковать единоверцев, проживающих на подконтрольных правительству территориях и продолжающих следовать законам государства (*Ibid.*). В-третьих, поражение ЗАПИГ в 2015 г., которое вынудило террористов на крайне жестокую тактику – задействовать женщин и детей в качестве террористов-смертников (*Ibid.*). Как ни парадоксально, сторонники ИГИЛ, в частности аль-Барнави, фактически обвинили Шекау в излишней жестокости (!), подвергнув критике в числе прочего «нападения на обычных мусульман» (Onuoha 2016). Как сообщил американский генерал-лейтенант Томас Вальдхаузер, в 2016 г. руководство ИГИЛ потребовало у Абубакара Шекау прекратить использовать женщин и детей в качестве террористов-смертников. Последний проигнорировал приказ кураторов, что и стало причиной его смещения с должности «эмира» ЗАПИГ (Steward 2016).

Абубакар Шекау не принял это решение, что спровоцировало раскол террористической группировки на две враждующие фрак-

³ Организация признана террористической Верховным судом РФ, ее деятельность на территории России запрещена.

⁴ Имя при рождении – Хабиб Юсуф.

ции: ЗАПИГ и «Боко Харам» (Islamic... 2020). В начале 20-х гг. XXI в. ЗАПИГ фактически разгромила «соперников» из «Боко Харам». Характерно, что главарь последней Абубакар Шекау закончил свой путь в мае 2021 г. в бою с боевиками ЗАПИГ. Сообщается, что он подорвал себя, чтобы избежать захвата в плен (Asadu 2021).

Вооруженный конфликт в бассейне озера Чад стал причиной многочисленных человеческих жертв. Согласно данным ООН, по состоянию на конец 2020 г. число погибших в ходе боевых действий и террористических нападений в Нигерии за 12 лет составило 35 тыс. человек (Carsten, Onuah 2021). По сведениям, приведенным на сайте “Statista”, в 2011–2023 гг. в семи штатах Нигерии погибли 66,7 тыс. человек, в том числе только в штате Борно – 38,2 тыс. человек (Sasu 2023). Еще одним последствием боевых действий стала гуманитарная катастрофа. По оценкам ООН, общее число жертв по состоянию на конец 2020 г., включая детей, умерших из-за отсутствия медицинской помощи и доступа к питьевой воде, а также от голода, может достигать 350 тыс. человек (Carsten, Onuah 2021). Количество внутренне перемещенных лиц в Нигерии в июне 2022 г. составляло более 3 млн (Nigeria 2024).

Сахельский регион: «Ансар ад-Дин»⁵ и «Группа поддержки ислама и мусульман»

Вооруженный конфликт в Сахельском регионе стал прямым следствием разрушения ливийской государственности, произошедшего в результате интервенции стран НАТО и гражданской войны в Ливии в 2011 г.

Живущие в пустыне Сахара туареги ведут преимущественно кочевой образ жизни. Их район проживания разделен государственными границами, располагаясь на территории пяти стран: Алжира, Буркина-Фасо, Ливии, Мали и Нигера. В двух последних туареги неоднократно выступали против властей с оружием в руках, считая, что правительства этих государств пренебрегают их законными интересами. В конце 2011 г. бывшие ливийские военнослужащие из числа туарегов завладели оставшимися без контроля арсеналами и начали подготовку к новой войне.

⁵ Организация признана террористической Верховным судом РФ, ее деятельность на территории России запрещена.

В январе 2012 г. в Мали совершила вторжение разношерстная коалиция из сильно отличающихся по политическим целям незаконных вооруженных формирований. В их число входили сепаратисты «Национального движения освобождения Азавада» (НДОА), которые выступали за создание независимой туарегской государственности, а также джихадисты, стремившиеся к созданию исламского (в их понимании) государства. Среди них выделялось преимущественно туарегское вооруженное формирование «Ансар ад-Дин» (от арабского «защитники веры»), а также примкнувшие к нему международные террористические группировки – «Аль-Каида в Исламском Магрибе»⁶ (АКИМ) и «Движение за единство и джихад в Западной Африке» (ДЕДЗА), состоящие в основном из выходцев из арабских стран Магриба. Во главе «Ансар ад-Дин» встал малиец Ияд Аг Гали (туарег), участвовавший в предшествующих восстаниях туарегов.

Наступление упомянутой коалиции на севере Мали было успешным. Боевикам удалось выбить правительственные войска из городов Кидаль, Гао и Тимбукту и установить фактический контроль над северной частью страны, сопоставимой по площади с Францией, но слабозаселенной. 27 мая 2012 г. было провозглашено «Государство Азавад» со столицей в г. Гао. В июне 2012 г. начались боестолкновения между НДОА и джихадистами. Радикалы из «Ансар ад-Дин», АКИМ и ДЕДЗА одержали победу над сепаратистами, поделили подконтрольную территорию и приступили к построению в Мали «исламского» государства (Mali... 2012). Так, в «Государстве Азавад» стали практиковаться средневековые наказания: за воровство виновнику отрубали руку, за супружескую измену побивали камнями.

Наступление террористов на центральные районы Мали в начале января 2013 г. поставило правительственные войска на грань катастрофы и стало поводом для срочного обращения за помощью к Елисейскому дворцу. Французы пришли своему союзнику на помощь и начали войсковую операцию «Сервал»: авиация наносила удары по джихадистам с воздуха, а на земле были развернуты силы специального назначения и десантники. В стране также была размещена Международная миссия под африканским руководством по

⁶ Организация признана террористической Верховным судом РФ, ее деятельность на территории России запрещена.

поддержке Мали (МИСМА), в состав которой входили войска государств – членов Экономического сообщества государств Западной Африки (ЭКОВАС)⁷, а также Мавритании и Чада. Действия иностранных войск в Мали позволили достичь определенных успехов, в том числе восстановить контроль правительства над некоторыми городами.

Как отмечал ведущий научный сотрудник Института Африки РАН В. Р. Филиппов, столкнувшись с регулярной французской армией, туареги отступили. Но они не были побеждены и не намеревались складывать оружие. Туареги попросту «растворились в песках Сахары и горах Сахеля. Их дом – пустыня, их база – горб верблюда и джип “Тойота” с пулеметом» (Филиппов 2016).

Радикальные проповедники создания «исламского» государства развернули пропаганду среди народа фульбе, проживающего в центральных районах Мали (расселены практически по всей Западной Африке). В прошедшие десятилетия в странах Сахеля случались стычки между земледельцами и скотоводами из-за порядка землепользования. Причина подобных столкновений – недостаток земельных и водных ресурсов, который вынуждал скотоводов прогонять стада через районы, уже активно осваивавшиеся земледельцами, что наносило последним существенный ущерб. На практике современное законодательство, как правило, закрепляет право на землепользование за проживающими оседло общинами, то есть земледельцами. В связи с этим при возникновении споров компетентные органы встают на сторону земледельцев, требуя от скотоводов возместить ущерб, причиненный их стадами (Радченко 1983). Следствие такой ситуации – фактическая маргинализация скотоводов, затаивших обиду на государства гражданской принадлежности. Поэтому они в большей степени оказались подвержены пропаганде джихада. На руку террористам сыграло и хорошее знание местности кочевниками. Данное обстоятельство способствовало созданию в Мали и соседних странах сети тыловых баз, скрытых убежищ и лагерей подготовки боевиков.

Результатом пропаганды религиозного радикализма стало формирование в 2015 г. последователем Ияда Аг Гали малийцем Амаду Диалло (фульбе) по прозвищу Куфа вооруженной группировки

⁷ Бенин, Буркина-Фасо, Гамбия, Гана, Гвинея, Гвинея-Бисау, Кабо-Верде, Кот-д’Ивуар, Либерия, Мали, Нигер, Нигерия, Сенегал, Сьерра-Леоне, Того.

«Катиба (от араб. *бригада*) Масина»⁸, действующей преимущественно в центральных районах Мали и аффилированной с «Ансар ад-Дин». В 2015–2017 гг. «Катиба Масина» установила контроль над рядом густонаселенных сельских районов во внутренней дельте реки Нигер в центре Мали. Террористы совершали похищения и убийства представителей власти, устанавливая контроль над сельскими районами и осуществляя там управленческие и судебные функции, фактически создавая «исламское» квазигосударство.

Вследствие успехов ИГИЛ в Ираке в 2014 г. его сторонники появились и в Сахельском регионе. В 2015 г. Аднан Абу Валид аль-Сахрауи (уроженец Западной Сахары), ранее воевавший в составе ДЕДЗА и отколовшейся от нее группировки «Аль-Мурабитун», присягнул на верность «халифу» ИГИЛ и объявил о формировании так называемого «Исламского государства в большой Сахаре» (ИГБС)⁹.

В свою очередь в 2017 г. террористические группировки «Ансар ад-Дин», АКИМ, «Катиба Масина» и «Аль-Мурабитун» объединились под руководством Ияда Аг Гали, сформировав «Группу поддержки ислама и мусульман» (ГПИМ, иногда в отечественных и иностранных СМИ также используется арабское название организации «Джамаат Нусрат аль-Ислам валь-Муслимин»), аффилированную с «Аль-Каидой»¹⁰ (Oumère 2017). Так в Сахельском регионе произошло разделение международного терроризма на сторонников ИГИЛ и «Аль-Каиды». В 2020 г. между ГПИМ и ИГБС начались боестолкновения.

Опасной тенденцией стало распространение деятельности террористических группировок из Мали в соседние страны. С 2013 г. вооруженные экстремисты совершают нападения на Нигер с запада, с территории Мали (Omar 2021) в отместку за участие Ниамея в МИСМА. В 2015 г. террористические организации из Мали создали «спящие ячейки» в Буркина-Фасо. Угроза от появления в Буркина-Фасо эмиссаров и вербовщиков террористов не получила достаточного внимания, и никаких мер по противодействию распространения экстремизма не было принято (Oulon 2020).

⁸ Государственное образование, существовавшее в XIX в. на территории нынешней Республики Мали.

⁹ Является структурой запрещенного в России «Исламского государства».

¹⁰ Организация признана террористической Верховным судом РФ, ее деятельность на территории России запрещена.

С 2016 г. Буркина-Фасо стала объектом регулярных нападения террористов, которые совершили ряд резонансных террористических актов в Уагадугу и постепенно взяли под контроль отдаленные сельские районы на севере и востоке страны. Радикализировавшийся проповедник, буркинец Брехима Амаду Дико по прозвищу Малам (фульбе) встал во главе аффилированной с ИГБС террористической организации «Ансар уль-Ислам» («Защитники ислама»), которая действует в Буркина-Фасо и состоит преимущественно из местных жителей (Oulon 2020). В роли «наставника» Малама Дико выступил Амаду Куфа, главарь «Катиба Масина» (*Ibid.*).

Конфликт в Сахельском регионе продолжается по настоящее время. По данным группы Всемирного банка, в результате ведения боевых действий в странах Сахеля с 2012 до 2023 г. погибло 12 467 человек, в том числе в Мали – 5705, в Буркина-Фасо – 3978, в Нигере – 2784 (Battle-Related... 2024). По информации Bloomberg, число погибших в результате террористических нападений только в 2023 г. составило: в Буркина-Фасо – около 2 тыс. человек, в Мали – 753 человека, в Нигере – 468 человек (Noije 2024). Вышеизложенные сведения свидетельствуют о том, что в ходе вооруженного конфликта в Сахельском регионе погибло, по самым скромным подсчетам, не менее 15,6 тыс. человек. Согласно данным ООН, по состоянию на первый квартал 2024 г. число внутренне перемещенных лиц в Буркина-Фасо, Мали и Нигере оценивалось в 2,8 млн человек (Diouf 2024).

Тактика террористов и их основные цели

Боевики «Боко Харам», ЗАПИГ, ГПИМ и ИГБС, а также других действующих в Западноафриканском регионе незаконных вооруженных формирований используют схожие методы, характерные для международных террористических группировок, придерживающихся идеологии религиозного экстремизма. В первую очередь стоит отметить террористические акты в столицах и других городах с целью убийства иностранных граждан или их захвата в заложники для достижения максимального политического резонанса. В Абудже был осуществлен подрыв представительства ООН, серии кровавых террористических нападений произошли в Бамако и Уагадугу.

Террористы не гнушаются массовым террором и расправляются с «нелояльным» населением. В ночь с 4 на 5 июня 2021 г. в селе Сольхан в провинции Яга в Буркина-Фасо на границе с Нигером неизвестные зверски убили 160 мирных жителей и сожгли их дома. Назвать конкретные причины бойни затруднительно, так как ни одна из террористических группировок не осмелилась взять на себя ответственность за это массовое убийство. По некоторым предположениям, расправа стала местью за предполагаемое сотрудничество местных жителей с силовиками (Carnage... 2021). В Нигерии «почерком» «Боко Харам» с 2009 г. стали многочисленные террористические нападения на христиан и на церкви (Sampson 2012).

Террористы широко практикуют похищения и незаконное удержание как иностранцев, так и местных жителей. Наиболее массовым и резонансным прецедентом стало похищение террористами «Боко Харам» 14 апреля 2014 г. в селении Чибок 276 нигерийских школьниц. Девочек удерживали в лесу Самбиса, где укрывались боевики, и принуждали к работе. Часть из них была освобождена в результате переговоров между правительством Нигерии и похитителями, часть бежала из плена, судьба некоторых, к сожалению, остается неизвестной до сих пор – вероятно, их насильно выдали замуж за боевиков (Kimeu, Adetayo 2024). Очевидно, цель подобных похищений – подорвать авторитет государства, продемонстрировать его неспособность гарантировать безопасность своим гражданам, а также вынудить правительство вступать в переговоры с террористами с возможностью торга в расчете на освобождение осужденных или подсудимых боевиков.

Неотъемлемой частью тактики нигерийских и сахельских экстремистов стал индивидуальный террор. Боевики отслеживают и убивают религиозных лидеров, вождей, учителей, военных, жандармов, полицейских, служащих (Oulon 2020), иными словами, всех, кто связан с государством или поддерживает действующую власть. Очевидно, что главной целью террористов является разрушение современной государственности и строительство на ее месте альтернативного «исламского» государства, в основу которого будут положены религиозный фанатизм, нетерпимость и мракобесие. Характерный пример – нападения на школы, в ходе которых экстремисты сжигают учебники, нередко убивают учителей. Цель –

подорвать современную систему образования, которая, по мнению террористов, «навязана Западом для распространения греха».

Боевики изготавливают и используют самодельные взрывные устройства для подрыва транспортных средств силовиков и миротворцев, однако жертвами часто становятся и мирные жители.

Действующие в бассейне озера Чад и в Сахеле террористические группировки систематически задействуют террористов-смертников как против стражей порядка, так и для запугивания мирных жителей.

Еще одной разновидностью террористических актов можно считать нападения на иностранные предприятия и их работников (Touré 2019). Так террористы стремятся нанести ущерб экономике стран Западной Африки и разрушить их имидж в глазах иностранных инвесторов, а в качестве цели подобных «акций» заявляется «антиколониальная борьба».

Серьезную проблему для силовиков представляет партизанский характер действий экстремистов. Их базы, как правило, располагаются в труднодоступных лесных массивах, а значительная часть боевиков после нападений прячут оружие и «превращаются» в мирных жителей, которых довольно сложно идентифицировать как участников незаконных вооруженных формирований.

Популярность идей религиозного экстремизма обусловлена, скорее всего, социально-экономическими причинами. Идеи джихада получают большую поддержку среди беднейших слоев населения и социальных групп в страдающих от засухи и удаленных от побережья бедных и экономических отсталых районах. На этом фоне в пользу экстремистов сыграла не столько бедность, сколько социальное неравенство, усугубленное ощущением социальной несправедливости и коррупцией.

Существенное различие между конфликтами в бассейне озера Чад и в Сахельском регионе – разная степень воздействия внешнего фактора. Секта «Боко Харам» сформировалась и радикализировалась в Нигерии, а в Мали «ядро» джихадистов вторглось извне при непосредственном участии международного терроризма, что стало плодом политической близорукости ряда западных лидеров, сделавших ставку на ликвидацию Муаммара Каддафи «во что бы то ни стало».

Особенности антитеррористических стратегий стран Западной Африки

В борьбе с террористическими группировками Нигерия, обладающая значительными финансовыми ресурсами за счет нефтедобычи, активно закупает современные вооружения и военную технику. Во время президентства Гудлака Джонатана (2010–2015) на эти цели было израсходовано около 2,1 млрд долларов, при Мухаммаду Бухари (2015–2023) – более 1 млрд долларов (Ehimate, Enueme 2023). Одним из поставщиков вооружения в Нигерию является Россия. Нигерийская сторона приобрела партии вертолетов, в том числе военно-транспортных Ми-17, многоцелевых ударных Ми-24 (Сотрудничество... б. г.) и Ми-35 (Россия... 2023).

С 2019 г. нигерийские военные делают ставку на строительство так называемых «суперлагерей» – крупных и сильно укрепленных военных баз, прикрывающих города и позволяющих защитить мирное население и личный состав. Причиной перехода к такой тактике стали неоднократные разгромы боевиками слабозащищенных опорных пунктов в сельской местности. С одной стороны, «суперлагеря» позволили силовикам сократить потери, с другой – возможности террористов действовать в отдаленных сельских районах возросли в связи с отсутствием там военных (Abdullahi 2021).

В силу трансграничного характера действий террористов, зачастую использующих государственные границы для ухода от преследования, неотъемлемым элементом борьбы против них является координация усилий соседних государств. В бассейне озера Чад борьбу с «Бoko Харам» и ЗАПИГ осуществляют Объединенные многонациональные оперативные силы. В Сахельском регионе под патронатом Франции была создана «Группа пяти Сахеля» (известная также как «Сахельская пятерка») в составе Буркина-Фасо, Мавритании, Мали, Нигера и Чада. Истинной ее целью, как сообщает буркинийский журналист Атиана Улон, было переложение доли ответственности и расходов по борьбе с терроризмом с Франции на ее африканских союзников, а также лоббирование интересов французского военно-промышленного комплекса (Oulon 2020). В итоге данная структура оказалась неэффективной: одной из характерных черт ее работы стали «никак не влияющие на происхо-

дящее на поле боя бесконечные совещания, на которых повторялись одни и те же вещи» (Oulon 2020).

Военные перевороты в странах Сахельского региона, произошедшие с 2020 по 2023 г., привели к изменению их внешнеполитической ориентации и фактическому распаду «Группы пяти». 16 сентября 2023 г. в Бамако был подписан Устав Липтако-Гурма, в соответствии с которым был создан Альянс государств Сахеля (АГС). В его состав вошли Буркина-Фасо, Мали и Нигер (Traoré 2024). Согласно статье 1, цель Устава – утвердить архитектуру коллективной безопасности и взаимной помощи между государствами-членами. Статья 4 предусматривает сотрудничество между государствами-членами против терроризма во всех его формах и организованной преступности в общем пространстве Альянса (Zongo 2023). Формирование АГС было во многом обусловлено введением международных санкций против государств-членов, в том числе и со стороны ЭКОВАС.

Антифранцузские настроения населения в странах Сахеля были приняты во внимание военными правительствами и привели к последовательному выводу французских войск из Мали, Буркина-Фасо и Нигера. Власти Мали обратились к российской частной военной компании (ЧВК) «Вагнер» за содействием в борьбе с терроризмом в сентябре 2021 г. (Лавров... 2021). Это позволило достигнуть определенных успехов в восстановлении контроля над территорией, о чем свидетельствует освобождение в результате совместной операции Вооруженных сил Мали и российской ЧВК города Кидаль (Сердечнова 2023), занятого профранцузскими туарегскими формированиями.

Примеру Мали последовали Буркина-Фасо и Нигер, куда прибыли военные Африканского корпуса Минобороны России¹¹ – в январе 2024 г. (Портякова 2024) и в апреле 2024 г. соответственно (Сердечнова 2024). Приглашение российских военных специалистов и инструкторов является свидетельством растущего авторитета нашей страны в регионе на фоне провала Запада. Российская Федерация стала рассматриваться в Сахеле как «поставщик безопасности» после успехов в борьбе против ИГИЛ в Сирии и против бандформирований в ЦАР.

¹¹ В декабре 2023 г. началась реорганизация ЧВК «Вагнер» в Африканский корпус Минобороны России.

Заслуживает упоминания и стратегия президента Буркина-Фасо Ибрагима Траоре, одним из первых управленческих решений которого стал призыв в ноябре 2022 г. 90 тыс. «добровольцев для защиты родины» (Kambou 2024) и создание специального фонда для их финансирования за счет взносов крупных компаний. Набор «добровольцев» осуществлялся и при прежних правительствах, однако вышеупомянутый прецедент стал самым массовым. Основные цели «добровольцев» – выполнение вспомогательных задач по обеспечению безопасности и поддержка кадровых военных.

Заключение

Вышеизложенные сведения свидетельствуют о серьезной угрозе странам Западной Африки со стороны террористических группировок, исповедующих идеологию религиозного экстремизма. Она проявляется как в террористической активности, так и в систематических попытках демонтажа современного государства и создания на его месте квазигосударственных образований, представляющих смесь средневековых институтов и «социальных изобретений» экстремистов.

Страны региона, наиболее пострадавшие от действий террористов, разработали собственные стратегии борьбы с ними. Важным достижением представляется осознание насильственного экстремизма как общей проблемы и создание объединений соседних государств, которые совместно проводят антитеррористические операции. Среди основных вызовов в сфере безопасности – социально-экономические проблемы, которые порождают отчуждение бедных слоев населения от современных институтов и способствуют популяризации экстремистских идей.

Важно отметить, что быстрых успехов в деле противодействия терроризму ожидать не следует. Опыт войн в Ираке, Сирии и Сомали наглядно демонстрирует, насколько сложно искоренить насильственный религиозный экстремизм. Представляется, что необходима военная победа, подразумевающая устойчивое превосходство над противником на поле боя и восстановление контроля над территориями. При этом только силовых мер недостаточно – нужно восстановить устойчивые, пользующиеся авторитетом в обществе государственные институты и снять остроту основных социально-экономических проблем населения, бедности и безработицы.

Литература

Лавров заявил об обращении властей Мали к российской ЧВК. 2021. *РБК* 25 сентября. URL: <https://www.rbc.ru/politics/25/09/2021/614f50f79a7947241e0f7fd7>.

Нигерийская экстремистская группировка «Боко харам». Досье. 2017. *TACC* 28 июня. URL: <https://tass.ru/info/1277290>.

Портякова, Н. 2024. Россияне развернулись в Африке. *Коммерсантъ* 25 января. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6467569>.

Радченко, Г. Ф. 1983. *Страны Сахеля (Состояние природной среды и проблемы развития сельского хозяйства)*. М.: Мысль.

Россия частично выполнила контракт на поставку Нигерии боевых вертолетов. 2023. *РИА Новости* 28 июля. URL: <https://ria.ru/20230728/vertolety-1886749292.html>.

Сердечнова, Е.

2023. «Вагнер» спасает Африку: Армия Мали и русская ЧВК взяли стратегический город Кидаль. *Царьград Африка* 14 ноября. URL: https://africa.tsargrad.tv/news/vagner-spasaet-afriku-armija-mali-i-russkaja-chvk-vzjali-strategicheskij-gorod-kidal_908551.

2024. «Мы. Там. Есть.»: Африканский корпус Минобороны России сообщил о прибытии своих специалистов в Нигер. *Царьград Африка* 12 апреля. URL: https://africa.tsargrad.tv/news/my-tam-est-russkie-voennye-prileteli-v-niger_986721?ysclid=lyr6bddo9391581571.

Сотрудничество с Нигерией. Б. г. URL: <http://roe.ru/export/nigeriya/>.

Филиппов, В. Р. 2016. *«Франсафрик»: тень Елисейского дворца над Черным континентом*. М.: Горячая линия-Телеком.

Abdullahi, M. 2021. Another Look at Nigeria's Super Camp Strategy Two Years After. *HumAngle* May 3. URL: <https://humanglemedia.com/another-look-at-nigerias-super-camp-strategy-two-years-after/>.

Adamu, L. D. 2010. Maitatsine: 30 Years After Kano's Most Deadly Violence. *Daily Trust* October 26. URL: <https://dailytrust.com/maitatsine-30-years-after-kanos-most-deadly-violence/>.

Ahmed, P. 2018. Factional Split inside Boko Haram: Evolving Dynamics and Future Implications. Cairo International Center for Conflict Resolution, Peacekeeping and Peacebuilding. URL: https://www.cccpa-eg.org/pdf_read_download.php?type=read&newFileName=Factional+Split+Inside+Boko+Haram&file=8427_05020326.pdf.

Apard, E. 2016. Les mots de Boko Haram (1/2) : les prêches de Mohammed Yusuf sur le “djihad obligatoire”. *Le Monde* avril 29. URL: https://www.lemonde.fr/afrique/article/2016/04/29/les-mots-de-boko-haram-1-2-les-preches-de-mohammed-yusuf-sur-le-djihad-obligatoire_4911156_3212.html.

Asadu, C. 2021. Shekau, Boko Haram Leader, Reportedly Killed in Clash with ISWAP. *The Cable* May 20. URL: <https://www.thecable.ng/shekau-boko-haram-leader-feared-dead-after-clash-with-iswap>.

Battle-Related Deaths (Number of People) – Mali, Burkina Faso, Niger. 2024. *World Bank Group*. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/VC.BTL.DETH?end=2022&locations=ML-BF-NE&start=2012>.

Carnage à Solhan au Burkina. 2021. *Le Pays* June 6. URL: <https://lepays.bf/carnage-a-solhan-au-burkina/>.

Carsten, P., Onuah, F. 2021. Northeast Nigeria Insurgency has Killed Almost 350,000 – UN. *Reuters* June 24. URL: <https://www.reuters.com/world/africa/northeast-nigeria-insurgency-has-killed-almost-350000-un-2021-06-24/>.

Dash, L. 1982. Nigerian Moslem Sect Uprising Killed Hundreds. *The Washington Post* Dezember 17. URL: <https://www.washingtonpost.com/archive/politics/1982/12/17/nigerian-moslem-sect-uprising-killed-hundreds/5ee2ca79-d4c3-4f00-b6c8-9f27c3f47654/>.

Diouf, S. P. 2024. Le HCR appelle à une réponse globale à la crise humanitaire négligée au Sahel. *ONU Info* juin 7. URL: <https://news.un.org/fr/story/2024/06/1146251#:~:text=Dans%20les%20pays%20du%20Sahel,les%20donn%C3%A9es%20d'avril%202024>.

Ehimate, A., Enueme, P. O. 2023. Global War on Terrorism in Africa: Rethinking Nigeria's Counter-Terrorism Strategies in North-Eastern Nigeria. *International Journal of Economics, Environmental Development and Society* 4(4): 458–467.

Ford, J. 2014. The Origins of Boko Haram. *The National Interest* June 6. URL: <https://nationalinterest.org/feature/the-origins-boko-haram-10609>.

Hazzad, A. 2009. Nigeria Forces Kill 32 after Attack on Police Station. *Reuters* July 26. URL: <https://www.reuters.com/article/newsMaps/idUSTRE56P0MA20090726>.

Hoiye, K. 2024. Burkina Faso Accounted for One in Four Terrorism Deaths in 2023. *Bloomberg* March 5. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2024-03-05/burkina-faso-accounted-for-one-in-four-terrorism-deaths-in-2023>.

Islamic State West Africa Province (ISWAP). 2020. *UN Security Council* February 23. URL: <https://www.un.org/securitycouncil/content/islamic-state-west-africa-province-iswap-0>.

Kambou, L. 2024. Le Capitaine Ibrahim Traoré aux Volontaires pour la défense de la patrie : “Ne dormez pas (...) Il faut combattre les ennemis de la Nation”. *24 Heures* peut 23. URL: <https://www.24heures.bf/le-capitaine-ibrahim-traore-aux-volontaires-pour-la-defense-de-la-patrie-ne-dormez-pas-il-faut-combattre-les-ennemis-de-la-nation/>.

Kimeu, C., Adetayo, O. 2024. Ten Years on from Chibok, What Happened to the 276 Nigerian Girls Snatched from Their School? *The Guardian* April 11. URL: <https://www.theguardian.com/global-development/2024/apr/11/nigeria-chibok-boko-haram-girls-school-abductions-islamist-militants-borno-yobe-katsina-kaduna>.

Mali: un mouvement islamiste appelle à appliquer la charia par les armes. 2012. *Atlasinfo* mars 18. URL: https://atlasinfo.fr/Mali-un-mouvement-islamiste-appelle-a-appliquer-la-charia-par-les-armes_a26787.html.

Nigeria. 2024. *UN High Commissioner for Refugees*. URL: <https://reporting.unhcr.org/operational/operations/nigeria>.

Olaiya, T. T. 2018. Lessons Learned, Missed in Yusuf's Death Nine Years After. *The Guardian Nigeria* July 31. URL: <https://guardian.ng/features/lessons-learned-missed-in-yusufs-death-nine-years-after/>.

Omar, S. 2021. Niger: 1200 morts dans les “attaques terroristes” depuis 2013. *Agence Anadolu* peut 29. URL: <https://www.aa.com.tr/fr/afrique/niger-1200-morts-dans-les-attaques-terroristes-depuis-2013/2600338>.

Onuoha, F. C. 2016. Split in ISIS-Aligned Boko Haram Group. *Aljazeera Centre for Studies* October 27. URL: <https://studies.aljazeera.net/en/reports/2016/10/split-isis-aligned-boko-haram-group-161027113247008.html>.

Ouattara, L. C. 2020. *La troisième guerre du Burkina Faso 2015–2020*. Dakar: L'Harmattan.

Oulon, A. S. 2020 *Comprendre les Attaques Armées au Burkina Faso. Profils et Itinéraires de terroristes*. Ouagadougou: la Chaîne Graphic du Faso.

Oumère, M. F. 2017. De la naissance d'un nouveau “djihadistan” au Sahel. *Le Monde* mars 10. URL: https://www.lemonde.fr/afrique/article/2017/03/10/naissance-d-un-nouveau-djihadistan-au-sahel_5092710_3212.html.

Sampson, I. T. 2012. Religious Violence in Nigeria: Causal Diagnoses and Strategic Recommendations to the State and Religious Communities. *Africa Journal Online* 1(12): 103–134.

Sasu, D. D. 2023. States Most Affected by Boko Haram's Deadly Attacks in Nigeria from 2011 to 2023. *Statista* September 5. URL: <https://www.statista.com/statistics/1197570/deaths-caused-by-boko-haram-in-nigeria/>.

Steward, P. 2016. Boko Haram Fracturing over Islamic State Ties, U.S. General Warns. *Reuters* June 22. URL: <https://www.reuters.com/article/us-usa-nigeria-boko-haram-idUSKCN0Z72WT>.

Touré, B. 2019. Burkina Faso: au moins 37 morts dans l'attaque d'un convoi d'une société canadienne. *France 24* novembre 6. URL: <https://www.france24.com/fr/20191106-burkina-faso-attaque-embuscade-morts-blesses-convoi-minier-canadien-semafo>.

Traoré, D. 2024. Burkina Faso: le Parlement autorise la ratification de la Charte du Liptako Gourma instituant l'AES. *Agence Anadolu* peut 29. URL: <https://www.aa.com.tr/fr/afrique/burkina-faso-le-parlement-autorise-la-ratification-de-la-charte-du-liptako-gourma-instituant-l-aes/3233369>.

Walker, A. 2016. Join Us or Die: The Birth of Boko Haram. *The Guardian* February 4. URL: <https://www.theguardian.com/world/2016/feb/04/join-us-or-die-birth-of-boko-haram>.

Zongo, S. P. 2023. Charte du Liptako-Gourma : L'Alliance des États du Sahel s'engage à ne pas permettre à des ennemis de "perpétrer des attaques contre un pays du champ". *Burkina* 24 septembre 16. URL: <https://burkina24.com/2023/09/16/charte-du-liptako-gourma-lalliance-des-etats-du-sahel-sengage-a-ne-pas-permettre-a-des-ennemis-de-perpetrer-des-attaques-contre-un-pays-du-champ/>.

М. И. КЛЮЧНИКОВ, А. Ю. ШИПИЛОВ

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ В ЭФИОПИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ*

Возникновению современных этнополитических конфликтов в Эфиопии способствовал целый ряд факторов – от собственно этнического и религиозного до физико-географических условий территории. В ходе развернувшейся в стране борьбы этнических элит за власть, в первую очередь между оромо, амхара и тыграями, первые значительно усилились. Эфиопская государственность в ходе конфликтов в Тыграе (2020–2022 гг.), Амхаре (2023 г.) и Оромии (2021–2024 гг.) доказала свою жизнеспособность, однако ряд исторических и политических причин способствует сохранению центробежных тенденций в стране и обуславливает риски возобновления вооруженного противостояния.

Ключевые слова: Эфиопия, Тыграй, Амхара, Оромия, этнополитический конфликт.

Хрупкое равновесие между крупнейшими этносами Эфиопии было установлено по итогам окончания гражданской войны в 1991 г., предоставления Эритрее независимости в 1993 г. и федерализации страны в 1994 г., когда были созданы новые регионы по этническому принципу. Однако ряд причин способствовал сохранению противоречий к настоящему времени (Assefa 2022). В Эфиопии выделяются несколько факторов деятельности групп (акторов), добивающихся прихода к власти в стране, расширения автономии или предоставления независимости. Среди ведущих стоит выделить в первую очередь этническую дробность, межрелигиозные противоречия, специфику межличностных взаимоотношений между представителями региональных элит (кланов), внешнее вмешательство, особенности проведения административных границ и географические условия территории (Абрамова, Бондаренко 2013; Косухин 2011).

* Для цитирования: Ключников, М. И., Шипилов, А. Ю. 2024. Этнополитические конфликты в Эфиопии на современном этапе. *История и современность* 3: 144–151. DOI: 10.30884/iis/2024.03.08.

For citation: Klyuchnikov, M. I., Shipilov, A. Yu. 2024. Ethnopolitical Conflicts in Ethiopia at the Present Stage. *Istoriya i sovremennost'* = *History and Modernity* 3: 144–151 (in Russian). DOI: 10.30884/iis/2024.03.08.

История и современность, № 3, сентябрь 2024 144–151

DOI: 10.30884/iis/2024.03.08

По заявленной цели в 2010–2024 гг. в стране условно выделялись группировки нескольких типов (Ключников 2023): повстанческий (регионы Оромия, Амхара, Тыграй), индпендистский (Оромия), автономистский (Амхара, Гамбела, Бенишангуль-Гумуз, Тыграй, Оромия, Регион наций, национальностей и народов Юга) и ирредентистский (Афар и Сомали – бывший Огаден). Ситуация в государстве осложняется внешним вмешательством в конфликт, главным образом из соседних Сомали, Судана и Эритреи.

Таблица

**Основные акторы этнополитических конфликтов в Эфиопии
в 2010–2024 гг.**

Регион	Акторы этнополитических конфликтов	Тип по цели
Сомали (Огаден)	Фронт национального освобождения Огадена (ONLF), Сомалийское сопротивление (SSR)	автономизм, ирредентизм
Оромия	Армия освобождения Оромо (OLA), Исламский фронт освобождения Оромо (IFLO)	индпендизм, автономизм
Афар	Афарский революционный демократический объединенный фронт (ARDUF)	автономизм, ирредентизм
Гамбела	Народный демократический конгресс Гамбелы (GPDC)	автономизм
Тыграй	Народный фронт освобождения Тыграя (TPLF)	автономизм
Амхара	Ополчение «Фано» (FANO), Демократическая партия кемант (KDP)	автономизм
Бенишамгуль-Гумуз	Народный фронт освобождения Бенишангуль-Гумуза (BPLM)	индпендизм, автономизм
Сидама	Национально-освободительное движение Сидама (SNLF)	индпендизм

Источник: составлено авторами по данным International Crisis Group.

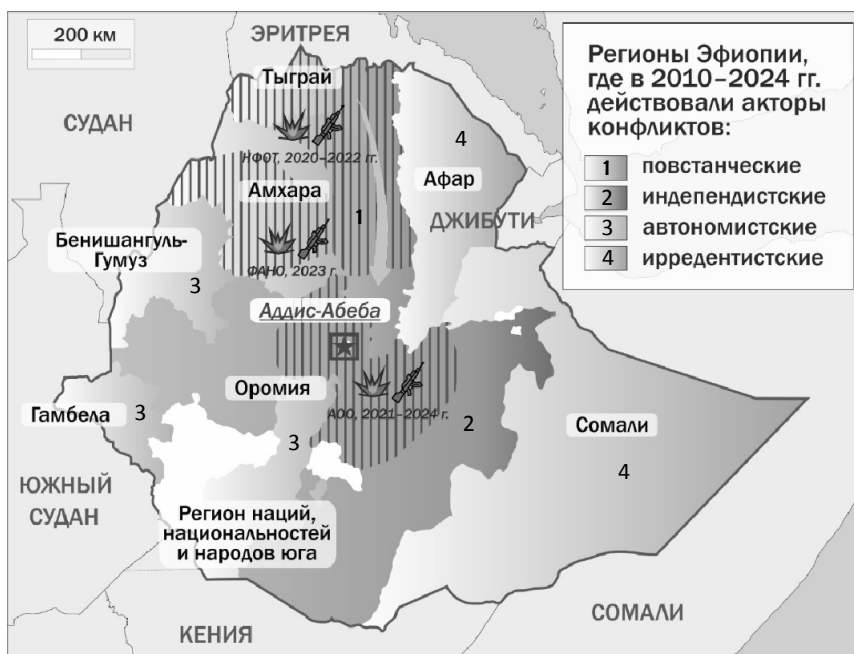

Рис. Этнополитические конфликты в Эфиопии в 2010–2024 гг.

Источник: составлено авторами по данным International Crisis Group.

Специфическими условиями этнополитических конфликтов в Эфиопии в указанный период стали:

1) ужесточение правительственного контроля Аддис-Абебы над ранее конфликтными регионами Афар и Сомали (бывший Огаден) в условиях деятельности повстанцев и исламистов из соседних Эритреи и Сомали соответственно;

2) нормализация эфиопско-эритрейских отношений, начало процесса делимитации спорных с Эритреей участков границы и прекращение поддержки деятельности повстанцев из Асмэры;

3) соперничество между элитами, с одной стороны – тыграйскими, с другой стороны – оромскими и амхарскими, за высшие государственные посты в стране, а также стремление тыграйцев и амхарцев к большей политической и финансовой автономии, успешно «подавленное» правительственными силами в ходе войны в Тыграе 2020–2022 гг. и конфликта в Амхаре в 2023 г.

Если в течение 1990–2000-х гг. активность групп всех типов наблюдалась преимущественно в периферийных регионах страны

(штаты Афар и Сомали), то в последние четыре года наиболее остро проблема этнического сепаратизма проявляется в регионах Тыграй, Оромия, Амхара.

Самым ярким примером последних лет, безусловно, стал вооруженный конфликт в Тыграе в 2020–2022 гг., в ходе которого Народный фронт освобождения Тыграя (НФОТ) и его вооруженное крыло вступили в противостояние с федеральными силами в регионе (Исмаилова 2023). Можно выделить несколько причин, послуживших нарастанию напряженности между правительством в Аддис-Абебе и НФОТ. Среди ключевых выделяются соперничество между тыграйскими, с одной стороны, оромскими и амхарскими, с другой стороны, элитами в борьбе за высшие государственные посты в стране; отказ НФОТ вступить в новый коалиционный блок, организованный премьер-министром Эфиопии Абием Ахмедом; «выдавливание» тыграйцев из руководства органов госбезопасности и вооруженных сил страны; стремление НФОТ к большей политической и финансовой автономии, а также стремление Абия Ахмеда поставить экономику Тыграя под федеральный контроль (Ethiopia's... 2020).

Непосредственный повод к противостоянию возник в сентябре 2020 г., когда эфиопское правительство, ссылаясь на пандемию коронавируса, отменило федеральные и региональные выборы, а тыграйское руководство, несмотря на прямой запрет главы премьер-министра, региональные выборы все же провело. Аддис-Абеба результаты выборов не признала и ввела в Тыграй войска, в ответ на что в ноябре 2020 г. вооруженное крыло НФОТ атаковало подразделения Национальных сил обороны Эфиопии в городе Мэкэле, административном центре региона (Ethiopia... 2021). Абий Ахмед отдал приказ о наступлении на Тыграй с целью восстановления там конституционного порядка. Федеральные силы провели штурм тыграйской столицы и в конце ноября 2020 г. взяли ее. В течение последующего полугодия бойцы НФОТ применяли против федеральных сил тактику партизанской борьбы, удерживая под контролем лишь несколько городов, однако уже в июне 2021 г. предприняли масштабное контрнаступление и не только выбили правительственные войска из тыграйской столицы, но и захватили приграничные амхарские деревни. В ноябре 2021 г. НФОТ совместно с Фронтом освобождения Оромо предпринял наступление на Аддис-Абебу (Gavin 2021). Однако ресурсы НФОТ были ограничены, его наступление в итоге затормозилось. Правительственные войска

остановили наступающих в 150 км от столицы и отбросили их обратно в Тыграй, в горные лагеря. После этого активные боевые действия практически не велись и тыграйцы окончательно перешли к тактике партизанских действий против федеральных сил (Finding... 2021). Спустя год НФОТ был вынужден фактически капитулировать.

Этому способствовали несколько причин. Тыграйцы исчерпали военные и человеческие ресурсы, испытывали недостаток финансирования, вооружения и военной техники, боеприпасов и, главное, так и не получили широкой иностранной поддержки для своей деятельности. В соответствии с перемирием, подписанным 2 ноября 2022 г., в регионе было восстановлено централизованное управление, при этом Аддис-Абеба номинально гарантировала НФОТ участие в формировании временных органов власти штата и парламента страны. Согласно «дорожной карте» военные действия прекращались; правительственные войска, за исключением ограниченного контингента, выводились с занятых территорий, а силы обороны Тыграя разоружались. Соблюдение договоренностей было возложено на наблюдателей от Африканского союза, хотя реальных возможностей для контроля над выполнением договоренностей они так и не получили (Agreement... 2022; Ashenafi 2023).

Вторым примером этнического конфликта, ярко проявившимся в последние четыре года в стране, стал конфликт в Оромии (Ethiopia... 2024). Здесь наиболее активным актором была Армия освобождения Оромо (АОО) – группировка, члены которой не приняли условия мирного договора Фронта освобождения Оромо с правительством от 2018 г. и продолжили добиваться независимости региона в его этнических границах. Пиком ее вооруженной активности стали лето-осень 2021 г., когда в период конфликта в Тыграе сотни бойцов армии приняли участие в «марше» на Аддис-Абебу (Сепаратисты... 2021). Однако к началу 2023 г. группировка фактически оказалась разгромлена и была вынуждена перейти к партизанским действиям, совершая лишь отдельные вылазки в пределах Оромии против правительственных войск и полиции (Conflict... 2023). Ресурсы повстанцев оказались исчерпаны, а уровень поддержки среди оромского населения катастрофически снизился на фоне успешного для федерального центра разрешения тыграйского конфликта. И хотя группировка, в отличие от НФОТ, отказалась подписывать мирное соглашение с правительством, восполнить

потери в живой силе она так и не смогла, и ее наступательный потенциал на ближайшие годы оказался исчерпан.

Третьим примером этнического конфликта, остро проявившимся в стране, стал конфликт в штате Амхара (Более... 2023; The Avalanche... 2023). Здесь летом 2023 г. произошли вооруженные столкновения между ополченцами из амхарского военизированного подразделения «Фано», ранее союзного Аддис-Абебе, и федеральными силами на фоне попыток правительства ужесточить контроль над регионом. В ходе конфликта в Тыграе «Фано» оказывало поддержку правительству и помогло остановить продвижение бойцов НФОТ на юг страны. Однако после того как стороны заключили мирное соглашение, федеральные власти приняли решение разоружить все региональные силы, в том числе в штате Амхара, что вызвало недовольство амхарцев. Попытка разоружить ополченцев привела к боестолкновениям, которые охватили амхарские города Лалибэла, Гондэр, Дэбрэ-Табар и Кобо (Ethiopia's... 2023). Мятеж «Фано» фактически не удался, выступления были жестко подавлены при участии федеральной армии. По итогам конфликта, по данным ООН, 183 человека погибли, около 1 тыс. были задержаны властями.

На основе этих трех примеров можно выделить следующие общие тенденции, касающиеся возникновения и хода данных конфликтов. Во-первых, все три в своей основе имели черты межэтнического противостояния. И если начиная с 2000-х гг. наиболее интенсивные этнические конфликты происходили в периферийных регионах, охватывая национальные меньшинства, то за последние три года ярко проявились противоречия между тремя основными государствообразующими этносами Эфиопии – амхарцами, тыграйцами и оромо. При этом в ходе борьбы за власть и передела сфер влияния именно оромские элиты, широко представленные в управленческом аппарате, существенно усилились. Во-вторых, все три конфликта произошли на фоне введенных в стране «антиковидных» ограничений, включавших перенос федеральных и региональных выборов, лимитирование внутривнутриполитической жизни и ужесточение контроля над перемещением граждан. Эти ограничения использовались в качестве повода для конфликта и региональными силами, и центром. В-третьих, сыграл значительную роль личностный фактор. В частности, противоречия между премьер-министром эфиопского правительства Абием Ахмедом и главой НФОТ Дебреционом Гебремикаэлем во многом послужили причиной тыграйской войны. А роль Кумсы Дирибы, лидера оромских

сепаратистов, оказалась значительной при вербовке новых молодых бойцов к повстанческой деятельности. В-четвертых, сыграл заметную роль внешний фактор, а именно отсутствие открытого вмешательства в конфликты соседнего Судана и прямая помощь Эритреи правительству в Аддис-Абебе. Это доказало незаинтересованность соседних с Эфиопией стран на данном этапе в расшатывании ситуации в стране.

В целом опыт успешного разрешения силовым путем конфликтов в Тыграе осенью 2022 г., в Амхаре и Оромии летом 2023 г. доказал устойчивость правящего режима в Аддис-Абебе и жизнеспособность эфиопского государства. Тем не менее ряд факторов способствует сохранению центробежных тенденций в стране и обуславливает риски возобновления вооруженного противостояния. В таких условиях федеральное правительство Эфиопии вынуждено искать новые механизмы для предотвращения дезинтеграционных процессов.

Литература

Абрамова, И. О., Бондаренко, Д. М. 2013. Конфликты в Африке: причины, генезис и проблемы урегулирования (этнополитические и социальные аспекты). М.: Ин-т Африки РАН.

Более 180 человек погибли в столкновениях в эфиопском регионе Амхара. 2023. *Интерфакс* 29 августа. URL: <https://www.interfax.ru/world/918336>.

Исмагилова, Р. Н. 2023. Эфиопия: трудный путь к миру. *Ученые записки Института Африки РАН* 3(64): 75–92.

Ключников, М. И. 2023. Факторы этнополитических конфликтов в Эфиопии. *Сборник материалов конференции «Перспективы процессов дестабилизации в странах Африки»*. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель». С. 53–55.

Косухин, Н. Д. 2011. Этнополитические конфликты в Африке: истоки и типология. Ч. I. *Вестник РУДН. Сер.: Политология* 1: 48–58.

Сепаратисты из штата Оромия объявили о начале наступления на столицу Эфиопии. 2021. *TACC* 4 декабря. URL: <https://tass.ru/mezhdu-narodnaya-panorama/13111203>.

Agreement for Lasting Peace through a Permanent Cessation of Hostilities between the Government of the Federal Democratic Republic of Ethiopia and the Tigray People's Liberation Front (TPLF). 2022. *Addis Standart* November 2. URL: <https://www.addisstandart.com/wp-content/uploads/2022/11/AU-led-Ethiopia-Peace-Agreement.pdf>.

Ashenafi, D. 2023. Building Comprehensive Peace in Ethiopia: Transforming the Cessation of Hostilities Agreement. *Institute for Security Studies, East Africa Report* December 1. URL: <https://issafrica.org/research/east-africa-report/building-comprehensive-peace-in-ethiopia-transforming-the-cessation-of-hostilities-agreement>.

Assefa, T. 2022. The Imperial Regimes as a Roof of Current Ethnic Based Conflicts in Ethiopia. *Journal of Ethnic and Cultural Studies* 9(1): 95–130.

Conflict in Ethiopia. 2023. *Council on Foreign Relations* December 19. URL: <https://www.cfr.org/global-conflict-tracker/conflict/conflict-ethiopia>.

Ethiopia: People Affected by Conflict in Anfilo, Oromia Region Receive Assistance. 2024. *International Committee of The Red Cross* March 26. URL: <https://www.icrc.org/en/document/ethiopia-people-affected-conflict-anfilo-oromia-region-receive-assistance>.

Ethiopia Response to the Tigray Crisis. Situation Report 15 to 30 June 2021. URL: https://www.unfpa.org/sites/default/files/resource-pdf/UNFPA_Ethiopia_Situation_Report_1-15_July_Tigray_Response.pdf.

Ethiopia's Ominous New War in Amhara. 2023. *International Crisis Group Africa Briefing* No 194, November 16. URL: <https://www.crisisgroup.org>.

Ethiopia's Transition: Implications for the Horn of Africa and Red Sea Region. 2020. *SIPRI Insights on Peace and Security* 5: 1–30.

Finding a Path to Peace in Ethiopia's Tigray Region. *International Crisis Group Africa Briefing* No. 167, February 11. URL: <https://www.crisisgroup.org>.

Gavin, M. 2021. The Conflict in Ethiopia's Tigray Region: What to Know. *Council on Foreign Relations* February 10. URL: <https://www.cfr.org/in-brief/conflict-ethiopia-tigray-region-what-know>.

The Avalanche Catches up with Abiy Ahmed. 2023. *Africa Confidential* August 23. URL: https://www.africa-confidential.com/article/id/14568/The_avalanche_catches_up_with_Abiy_Ahmed.

Т. С. ДЕНИСОВА

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ В БАССЕЙНЕ ОЗЕРА ЧАД*

Рассмотрена социально-политическая ситуация, сложившаяся на территории бассейна озера Чад (БОЧ) в связи с деятельностью в регионе вооруженной исламистской группировки «Западноафриканская провинция “Исламского государства”»¹ (ЗАПИГ, *The Islamic State’s West Africa Province*), к которой после гибели в 2021 г. лидера «Боко Харам»² Абубакара Шекау присоединились отряды боевиков этой распавшейся вооруженной фракции. Анализируются кризисные процессы, наблюдающиеся в БОЧ на фоне климатических катаклизмов, реконфигурации озерного побережья, обострения соперничества отдельных групп местного населения за доступ к природным ресурсам и развития экономики войны. Показано, что кризис, имеющий военно-политическую, социально-экономическую и экологическую составляющие и охвативший БОЧ в 2010–2020-е гг., уходит своими корнями в доколониальный и колониальный периоды развития региона. В настоящее же время провалы государственного управления, экономическая и политическая маргинализация приозерного населения государств бассейна – Нигерии, Нигера, Камеруна и Чада, дискриминация по конфессиональному, этническому, культурному, географическому и прочим признакам, несправедливое распределение государственных доходов, низкий уровень жизни, распространение коррупции и т. д. ускоряют процессы радикализации и подталкивают местных жителей к использованию террористических способов противодействия существующему порядку вещей. Показано, что, хотя религия по-преж-

* Для цитирования: Денисова, Т. С. 2024. Военно-политический конфликт в бассейне озера Чад. *История и современность* 3: 152–165. DOI: 10.30884/iis/2024.03.09.

For citation: Denisova, T. S. 2024. The Ongoing Military and Political Conflict in the Lake Chad Basin. *Istoriya i sovremennost'* = *History and Modernity* 3: 152–165 (in Russian). DOI: 10.30884/iis/2024.03.09.

¹ Дочерняя структура запрещенных в РФ террористических организаций «Боко Харам» и «Исламское государство».

² Организация признана террористической Верховным судом РФ, ее деятельность на территории России запрещена.

нему играет важную роль в пополнении рядов исламистов, привлекательность гибели под знаменами джихада постепенно вытесняется стремлением к выживанию или даже обогащению благодаря сотрудничеству с повстанцами. К тому же жители региона постоянно оказываются между двух огней: исламисты считают их агентами правительства, а власти стран БОЧ обвиняют в сотрудничестве с боевиками. Но поскольку ни одно из государств региона не может защитить местное население, оно предпочитает обходиться без присутствия регулярной армии: контакты с исламистами становятся для него прагматичными – приносящими пользу и тем и другим, тем более что ЗАПИГ создала на захваченных территориях квазигосударственные структуры – управленческие, судебные органы, специальные ведомства, отвечающие за армию, торговлю, образование, здравоохранение и т. д., услугами которых местные жители вынуждены пользоваться.

Ключевые слова: бассейн озера Чад, экстремизм, терроризм, радикальный исламизм, нестабильность, постколониальность.

Исторические предпосылки военно-политического конфликта в БОЧ

Нестабильность в БОЧ обрела характер перманентной еще в VIII в., когда вокруг озера кочевыми племенами, пришедшими из Ливии и восточных районов современной территории Республики Чад, была образована империя Канем (с XIV в. – королевство Борну), начавшая освоение плодородных приозерных земель посредством вытеснения и порабощения местных жителей. В начале XIX в. войско султана Сокото (халифата, основанного в 1809 г.) Османа дан Фодио (фульбе) захватило часть Борну – государства канури, и вражда между этими народами, несмотря на их исламское вероисповедание, сохраняется до сих пор и вносит свой вклад в сохранение нестабильности в регионе, в котором, кроме основных – фульбе (фулани), хауса и канури, – проживают представители еще примерно 70 этнических групп (Lake... 2022).

В последней трети XX в. на уже привычные для местных племенных сообществ зачастую кровопролитные споры из-за доступа к наиболее плодородным участкам земли наложились климатические катаклизмы: сильные засухи в одних местах происходили одновременно с сильными наводнениями в других, и местные жители начали метаться по региону в поисках приемлемых условий существования. В 2010-е гг. ситуация еще больше обострилась в связи

с появлением в БОЧ исламистской террористической организации «Боко Харам»³, ее расколом на две группировки, враждовавшие друг с другом, и с развитием в регионе так называемой экономики войны.

Более того, БОЧ является пограничной территорией. Правительствам стран – Камеруна, Нигера, Нигерии и Чада, – имеющих свои части озерного побережья и до сих пор не поделивших острова таким образом, чтобы претензии на них не вызывали конфликтов, практически не удается контролировать эти далекие от центра районы, десятилетиями превращавшиеся в зоны масштабной контрабанды, нарко- и человеческого трафика, торговли оружием и в убежища для антиправительственных группировок, на территории бассейна пополнявших свои ряды за счет местной молодежи.

Социально-экономическая ситуация

Во время и после «великой засухи», охватившей зону Сахеля в 1970-е гг., на побережье озера Чад прибыли сотни тысяч экономических беженцев из различных районов Западной Африки. Среди них были и земледельцы, и скотоводы, менявшие маршруты перегона скота в поисках пастбищ. Если в середине 1970-х гг. на берегах водоема проживало около 700 тыс. человек, то к концу 2010-х – примерно 2,2 млн человек, вместе с окрестностями – 13 млн, а водой и другими ресурсами озеро обеспечивает более 30 млн человек в четырех странах (ИСС... 2017). Прибытие больших групп переселенцев с разными профессиональными навыками и уровнями квалификации способствовало экономическому росту в регионе, одновременно обостряя соперничество за контроль над островами и побережьем. Эта тенденция усугубилась текущим конфликтом.

Озеро веками использовалось как источник воды, район масштабного рыболовства, а его берега – для земледелия и животноводства. Однако наблюдавшиеся десятилетиями наводнения, засухи, песчаные бури и сильные ветры привели к сокращению пахотных площадей и, соответственно, к снижению уровня продовольственной безопасности. Например, масштабное наводнение на севере Камеруна в 2020 г. вынудило покинуть свои дома около 150 тыс.

³ Организация признана террористической Верховным судом РФ, ее деятельность на территории России запрещена.

человек; в результате была усилена продовольственная нагрузка на так называемые принимающие сообщества. В 2021 г. в тех же северокамерунских районах заметно сократился объем осадков, что привело к расширению миграционных потоков в сторону озерного побережья. В свою очередь, в нигерийском штате Борно, граничащем с озером, в результате проливных дождей в 2019–2020 гг. пострадало более 40 тыс. человек: вода уничтожила посевы кукурузы, сорго и проса на 4 тыс. га. На чадской территории БОЧ в 2020 г. наводнение разрушило 11 тыс. га посевов и вынудило к перемещению 33 тыс. человек (Lake... 2022).

Не меньший урон человеческому обитанию наносит и периодический дефицит осадков. Засухи и лесные пожары вызывают деградацию почвы, сокращение биоразнообразия и обеднение травяного покрова пастбищ. Население БОЧ, почти полностью зависящее от климата и состояния окружающей среды, привыкло переключаться с одного вида деятельности на другой, например с земледелия на рыболовство (хотя по мере «отступления» озера и рыбаки вынуждены мигрировать), но учащение природных катаклизмов негативно влияет на способность людей приспосабливаться к новым условиям. Хотя после появления в регионе в 2010-е гг. исламистов «Боко Харам» климат перестал быть главной причиной тяжелой гуманитарной ситуации, тем не менее он продолжает осложнять положение людей.

Благодаря преимущественному проживанию в регионе мусульман, масштабной бедности, а также игнорированию властями стран БОЧ потребностей местных жителей в медицинских, образовательных, юридических и прочих услугах район бассейна стал благодатной почвой для распространения радикальных исламистских идей и привлечения местных жителей к антиправительственной деятельности. Хотя население региона разделено границами, оно объединено религией, и обитатели приозерья одинаково считают себя жертвами политической и социально-экономической маргинализации. Действительно, в Нигере, например, государство начало расширять свое присутствие в прибрежных районах лишь в связи с работами находящегося в зоне БОЧ нефтяного месторождения «Ага-дем». В Камеруне северные районы страны оказались в фокусе внимания властей прежде всего из-за роста в них террористической активности. Для Чада район озера не является столь отдаленным,

как для соседних стран, так как более половины площади бассейна находится в пределах его территории и водоем снабжает столицу (Нджамену) рыбой и сельскохозяйственными продуктами, однако лишь в октябре 2015 г., в связи с наступлением чадской армии на позиции «Боко Харам», тогдашний (1990–2021 гг.) президент Чада Идрис Деби впервые в своей жизни посетил этот регион (Assanvo *et al.* 2016: 9). Доступ к общественным услугам, как и уровень материального положения населения приозерья, остается на 50–70 % ниже средних показателей по странам бассейна, что, естественно, вызывает недовольство политикой властей и способствует росту влияния ЗАПИГ, довольно успешно подменяющей собой государственные органы власти. Именно поэтому экстремистская организация легко привлекает в свои ряды молодежь региона, а население предоставляет боевикам убежище, одновременно позволяя им устанавливать связи с рыболовными союзами, фермерскими сообществами и рыночными группами.

Появление и деятельность Западноафриканской провинции «Исламского государства»

Исламистское движение «Боко Харам» возникло на северо-востоке Нигерии в середине 1990-х гг., хотя наиболее заметная его активизация произошла во второй половине 2000-х. В 2010-е гг. в результате наступления регулярной армии основная часть группировки была вытеснена с нигерийской территории в район озера Чад, где она разделилась на множество более или менее крупных вооруженных отрядов, распространившихся по всему приозерью. В 2016 г. «Боко Харам» распалась на ЗАПИГ и «Общество приверженцев распространения учения пророка и джихада», которое для удобства продолжали называть «Боко Харам». После раскола две фракции по возможности игнорировали друг друга и не согласовывали свои действия, при этом периодически между ними происходили стычки, в одной из которых в мае 2021 г. погиб лидер «Боко Харам» Абубакар Шекау. Часть его бойцов присоединилась к ЗАПИГ, часть в составе разрозненных отрядов продолжает действовать в БОЧ, Мали, Буркина-Фасо и ряде других государств. Кроме того, БОЧ постепенно превращался в зону скопления боевиков из других африканских повстанческих движений – ливийских, малий-

ских, чадских, центральноафриканских и пр., охотно передававших исламистам свои навыки.

С середины 2010-х гг., то есть после масштабного наплыва исламистов в БОЧ, террористическая угроза перестала быть «нигерийской» и обрела региональный характер. Выросло число нападений на гражданские и военные объекты в северном Камеруне, южном Нигере и западном Чаде. Из-за различающихся тактик и стратегий, взятых на вооружение «Боко Харам» и ЗАПИГ, задачи противостояния террористам для правительств стран бассейна заметно усложнились.

Если группировка «Боко Харам» в основном практиковала карательные «экспедиции», направленные против гражданского населения (как христиан-«неверных», так и мусульман-отступников, то есть не разделяющих идеи джихада), и использовала женщин и детей в качестве террористов-смертников, то ЗАПИГ, мишенями которой преимущественно служат армии стран региона и проправительственные ополчения, зачастую выступает в качестве защитника населения от злоупотреблений властей, жандармерии, таможенников и т. д. и нередко предлагает молодым людям, готовым присоединиться к группировке, деньги на женитьбу, таким образом вбивая клин между гражданами и правительством. Как правило, бойцы ЗАПИГ покупают, а не отнимают продукты у местных жителей, что заметно отличает их от боевиков «Боко Харам», предпочитающих действовать исключительно силой (Mahmood, Ani 2018).

Между тем тактика налаживания контактов с мирными жителями, взятая ЗАПИГ на вооружение, также имеет свои изъяны: из-за насилия, осуществлявшегося в регионе «Боко Харам», население привыкло опасаться за свою жизнь и не доверять исламистам; кроме того, «мирные» отношения между джихадистами и местными общинами сохраняются лишь до того момента, пока крестьяне в состоянии «добровольно» снабжать боевиков всем необходимым. Поэтому бегство из зон влияния ЗАПИГ продолжается, несмотря на обещания ее лидеров обеспечить безопасность граждан будущего халифата: именно построение транснационального исламского государства от Атлантики до восточного побережья Африки является главной заявленной целью лидеров ЗАПИГ (Stewart 2016).

Повстанцы поддерживают свою жизнедеятельность разными способами. Они занимаются вымогательством, участвуют в неза-

конной торговле, похищениях людей с целью получения выкупа, то есть активно развивают экономику войны. ЗАПИГ наладила отношения с торговцами, дилерами и перевозчиками, которым передает конфискованную сельскохозяйственную продукцию – лук, хлопок, красный перец и пр. Активно ведется торговля каннабисом, оружием, медикаментами, украденными автомобилями, запчастями и топливом. Экспроприации осуществляются в щадящих масштабах: боевики не заинтересованы в подрыве региональной системы коммерции, поэтому законные поставки, например, копченой рыбы и других продуктов из Нигера в Нигерию и в обратном направлении на протяжении конфликта не прекращались (Crisis... 2018).

Среди видов деятельности, приносящих боевикам наибольшие доходы (десятки миллионов долларов), – угон скота с целью его продажи и рыболовство. Правда, постепенно угон скота начал вытесняться сотрудничеством с пастухами, которые готовы платить за его охрану на пути к рынку. Боевики также занимаются торговлей рыбой, причем действуют двумя способами: либо конфискуют улов, либо позволяют рыбакам заниматься своей деятельностью в обмен на долю прибыли. В 2022 г. ЗАПИГ – к удовлетворению местных жителей – открыла два рынка для торговли скотом, рыбой и сельхозпродукцией в нигерийском штате Борно (ISWAP... 2017).

Вымогательство ложится тяжелым бременем на местных жителей, и без того страдающих от климатических катаклизмов и насилия. Так, ЗАПИГ получает с пастухов налог на каждое животное, но предоставляет безопасное место для выпаса. В Камеруне боевики предлагают защиту предпринимателям и торговцам, облагая их налогами; в Чаде рыбаки отдают им часть улова. Налоги исламисты предпочитают брать товарами – продуктами питания, зерном, горючим и т. д. (Carsten, Kingimi 2018).

В свою очередь, местным жителям – из-за неспособности властей стран бассейна обеспечивать продовольственную безопасность и предоставлять основные услуги населению, что, безусловно, усложняется в связи с фактической оккупацией БОЧ исламистами, – ради выживания приходится заниматься трансграничной торговлей всем, чем придется, – от оружия и скота до сигарет, наркотиков и нефтепродуктов. Однако появление в регионе «Боко Харам», а затем ЗАПИГ, нуждавшихся в самообеспечении продовольствием, оружием, боеприпасами, медикаментами и пр., – не-

смотря на существование многочисленных спонсоров (в начале 2022 г. правительство Нигерии заявило об обнаружении на территории страны 96 финансовых покровителей обеих группировок; с террористами были связаны также 123 компании и 33 бюро по обмену валюты), – привело к заметному расширению масштабов незаконной экономической деятельности. Впрочем, следует признать, что, хотя развитие экономики войны действительно способствует выживанию и даже обогащению представителей местного предпринимательского класса, значительная часть приозерного и островного населения больше теряет, нежели приобретает из-за периодического закрытия границ, установления в ответ на действия исламистов дорожных блокпостов и других мер безопасности, препятствующих ведению как законной, так и незаконной торговли (Nigeria... 2022).

Следует отметить, что ЗАПИГ, меньше, чем «Боко Харам», замешанной в актах насилия против мирных жителей, и больше – в нападениях на административные и военные объекты, путем развития социальной инфраструктуры удалось сформировать относительно благоприятную среду для появления своеобразного экономического пространства, в котором нашлось место для всех – и реальных, и мнимых – сторонников идеи создания халифата, в том числе для лояльных исламистам представителей государственных органов управления (Twenty... 2021).

Между тем местное население не питает иллюзий по поводу мотивов боевиков: изначальные цели радикализации ислама, распространения на контролируемых территориях законов шариата и создания Исламского халифата постепенно все больше вытесняются жадой наживы. Безусловно, религия для ЗАПИГ, аффилированной с запрещенным в России «Исламским государством» и получающей от него некоторую материальную поддержку, служит своего рода инструментом сплочения и повышения морального духа бойцов. Однако разрыв между религией и другими мотивирующими факторами – политическими, экономическими, маргинализацией, бедностью, безработицей и т. д. – в контексте распространения исламского фундаментализма остается весьма размытым, и возможность доступа к природным и человеческим ресурсам в ходе конфликта усиливает взаимосвязь между всеми его аспектами.

Применительно к странам бассейна озера Чад можно с достаточной долей уверенности говорить о больших перспективах их дальнейшей радикальной исламизации, поскольку бассейн озера как будто специально создан природой для эффективного формирования в нем экономики войны/терроризма, и это несмотря на постепенное сокращение водной поверхности и ухудшение состояния окружающей среды. Наряду с богатыми земледельческими, скотоводческими и рыбными ресурсами регион богат нефтью (по оценкам, ее запасы превышают 232 млрд баррелей) и газом (более 14,6 трлн куб. футов), а когда несколько государств располагаются вокруг большого подземного/подводного нефтяного бассейна, у властей этих стран неминуемо возникает желание пересмотреть границы своих владений и доказать принадлежность месторождения к своей территории (Omenka 2019). Разногласия по поводу использования озерных ресурсов всегда предопределяли недружественность в отношениях между, например, Нигерией и Чадом, что, в свою очередь, препятствовало достижению ими эффективности в совместной борьбе с «Боко Харам» и ЗАПИГ.

Роль племенных ополчений в разжигании конфликта

Усиление хозяйственной нестабильности в результате конфликта сочетается со старым соперничеством между отдельными группами населения за права коренных народов, за доступ к ресурсам, за возможности координации коммерческой деятельности и т. д. Так, к западу от озера арабы, когда-то прибывшие сюда из Ливии, Чада и других государств Сахары – Сахеля, с одной стороны, и хауса – с другой, оспаривают между собой контроль над торговлей скотом. На самом озере идет борьба за оказание услуг по перевозке продукции на моторных лодках и каноэ. На чадском берегу племена канембу и будума соперничают за торговлю козами, дровами, ткацкими изделиями и др. Различные кланы будума, считающие многие острова своей исторической собственностью, взимают налоги с рыбаков и пастухов, принадлежащих к другим этническим группам, и препятствуют их перемещениям. Некоторые общины будума объединились с ЗАПИГ, чтобы сохранить контроль над озером.

Самый кровопролитный в истории Камеруна межобщинный конфликт произошел в августе 2021 г., когда количество осадков

в районе города Логон-Бирни резко уменьшилось, а реки и пруды, из которых местные общины арабских скотоводов-чоа и рыбаков-мусгум брали воду, заметно обмелели. В ходе столкновений около 20 деревень было сожжено, 40 – покинуты их жителями, более 40 человек были убиты, около 80 – ранены; 11 тыс. камерунцев переместились в Чад. Однако в декабре того же года конфликт возобновился, и в этот раз в Чад бежали примерно 85 тыс. человек и еще около 15 тыс. – в другие районы Камеруна. Были сожжены 112 деревень. Непосредственной причиной декабрьского противостояния стало рытье рыбаками огромных ям для хранения воды и рыбы. В свою очередь, скотоводы вынуждены были перемещаться по той же территории в поисках водопоев, и животные, попадая в ямы, ломали ноги и тонули (Lake... 2022).

В нигерском районе Диффа и чадском – Лак уничтожение скотом посевов также было источником большинства межобщинных конфликтов: скотоводы, спасающиеся от засух, меняют маршруты передвижения животных, прокладывая их ближе к источникам воды, а сокращение пригодных для посевов земель вынуждает фермеров перемещаться и занимать посадками каналы перегона скота.

В ответ на насилие, осуществляемое как ЗАПИГ, так и «враждебными» племенами, почти каждая община в БОЧ создает свое ополчение, в ряды которого охотно вступает местная молодежь, как представляется, прежде всего потому, что охранять своих сородичей от набегов джихадистов и прочих недругов оказывается физически легче, нежели работать в поле или перегонять стада, и выгодней, так как соплеменники в складчину оплачивают эту деятельность, которая к тому же создает дополнительные источники получения доходов.

Само по себе такое явление, как формирование племенных ополчений, которые также называются общинными группами самообороны (ОГС), в Африке имеет многовековую историю. Формально главная задача, с которой создается ОГС и которая заключается уже в самом названии этого общественного института, не изменилась с доколониальных времен, однако практическая ее реализация в контексте нестабильности претерпела существенные трансформации. Первые современные ОГС, нацеленные на противостояние «Бoko Харам», были сформированы на северо-востоке Нигерии в

2013 г. Молодые люди, в основном хауса, начали собираться в небольшие группы «линчевателей» (как их стали называть) и патрулировать окрестности своих населенных пунктов для предотвращения проникновения в них боевиков-исламистов, занимавшихся грабежами и осуществлявших другие виды насилия (Ibrahim, Bala 2018).

С середины 2010-х гг., то есть с начала прибытия в БОЧ боевиков «Боко Харам», в регионе в массовом порядке стали создаваться ОГС нового типа – якобы проправительственные ополчения, призванные сотрудничать с регулярными армиями стран бассейна. В их функции входило участие в совместных с армейскими подразделениями рейдах, сбор разведывательной информации, выявление местных жителей, поддерживающих идеи джихада, и т. д. Однако излишне жесткая реакция правительств на действия повстанцев и их сообщников среди мирных жителей, произвольные аресты граждан, сочувствие которых исламистам не имело никаких доказательств, осуществление солдатами грабежей, вымогательств и других видов насилия вместо защиты населения – и все это на фоне формирования торгово-экономических отношений между местными общинами и боевиками – побуждали ополченцев к переориентации на сотрудничество, в том числе военное, с «защитниками чистоты ислама».

Более того, постепенно расширяя свои ряды, в которые вступали и женщины, и получая оружие либо от солдат регулярных армий, либо от исламистов, ополченцы оказывались способными к самостоятельной, преимущественно незаконной деятельности. Занимаясь контрабандой, грабежами, вымогательствами на организованных ими блокпостах, похищениями с целью получения выкупа и т. д., ОГС начали создавать угрозу и джихадистам, и правительственным структурам, превратившись таким образом в фактор нестабильности, в настоящее время едва ли не более серьезный, нежели террористическая деятельность ЗАПИГ.

Современная ситуация

С 2010 по 2022 г. число жертв радикальных исламистов (убитых и раненых) выросло на 731 % (Terror... 2024). В настоящее время, несмотря на действия, предпринимаемые армиями Нигерии, Нигера, Чада и Камеруна и направленные на нейтрализацию исла-

мистов, атаки последних на гражданские и военные объекты не прекращаются. Так, в июне 2024 г. несколько террористических актов, совершенных женщинами-смертницами, произошли в г. Гво-за в штате Борно на северо-западе Нигерии: были убиты 18 человек (Suspected... 2024). В конце августа 2024 г. группа боевиков совершила нападение на школу в г. Гейдам (штат Йобе), убив нескольких учеников (Yusuf 2024).

Хотя религия по-прежнему играет важную роль в пополнении рядов исламистов, привлекательность гибели под знаменами джихада постепенно вытесняется возможностями, которые предоставляются местным жителям, – выжить или даже обогатиться благодаря сотрудничеству с экстремистами. Впрочем, следует учитывать и фактор страха, подпитывающегося публичными казнями отступников (Bohm 2020).

Таким образом, ряды сторонников идеи создания халифата расширяются, финансовая – внутренняя и внешняя – помощь джихадистам не истощается, а боевая их мощь растет путем оснащения, в том числе и из внешних источников, наиболее влиятельной в регионе группировки – Западноафриканской провинции «Исламского государства» – новейшим оборудованием. К тому же организация создала на захваченных территориях квазигосударственные структуры: управленческие, судебные органы, специальные ведомства, отвечающие за армию, торговлю, образование, здравоохранение и т. д., услугами которых местные жители вынуждены пользоваться. Поскольку социально-экономическая ситуация в БОЧ продолжает ухудшаться, а торговля оружием – расширяться, число последователей ЗАПИГ, а также бойцов ОГС, скорее всего, будет расти, и регион еще на долгое время сохранится в качестве территории нестабильности.

Литература

- Assanvo, W., Abatan, J. E. A., Sawadogo, W. A. 2016. Assessing the Multinational Joint Task Force against Boko Haram. *West Africa Report* September 19. URL: <https://issafrica.s3.amazonaws.com/site/uploads/war19.pdf>.
- Bohm, V. 2020. Boko Haram in 2020. *IDC Herzliya* August 1. URL: <https://ict.org.il/images/Boko%20Haram%20in%202020.pdf>.

Carsten, P., Kingimi, A. 2018. Islamic State Ally Stakes out Territory around Lake Chad. *Reuters* April 29. URL: <https://cn.reuters.com/article/us-nigeria-security-idUSKBN1I0063>.

Crisis and Development. The Lake Chad Region and Boko Haram. 2018. In Magrin, G., Pérouse de Montclos, M.-A. (eds.), *Agence Francaise de developpement (AFD)*. URL: <https://www.afd.fr/en/ressources/crisis-and-development-lake-chad-region-and-boko-haram>.

Ibrahim, J., Bala, S. 2018. *Civilian-Led Governance and Security in Nigeria After Boko Haram*. Washington, DC: United States Institute of Peace. URL: <https://www.usip.org/publications/2018/12/civilian-led-governance-and-security-nigeria-after-boko-haram>.

ICC Statement on Water and Business. 2017. URL: <https://iccwbo.org/news-publications/policies-reports/icc-statement-on-water-and-business/>.

ISWAP Terrorists Establish Two Markets in Marte Local Government, Borno State. 2022. *Intelregion* January 17. URL: <https://www.intelregion.com/news/iswap-terrorists-establish-two-markets-in-marte-local-government-borno-state/>.

Lake Chad Basin. Impact of Extreme Weather and Climate Events on Livelihoods and Food Security. 2022. *ACAPS* August 16. URL: https://www.acaps.org/fileadmin/Data_Product/Main_media/20220816_acaps_thematic_report_global_analysis_team_lake_chad_basin_0.pdf.

Mahmood, O. S., Ani, N. Ch. 2018. Factional Dynamics within Boko Haram. *ISS Research Report* July. Pp. 1–47. URL: <https://issafrica.org/research/books-and-other-publications/factional-dynamics-within-boko-haram>.

Nigeria Uncovers 96 Financiers of ISWAP/Boko Haram, 424 Associates. 2022. *The NEWS* February 3. URL: <https://thenewsnigeria.com.ng/2022/02/03/nigeria-uncovers-96-financiers-of-iswap-boko-haram-424-associates/>.

Omenma, J. T. 2019. Untold Story of Boko Haram Insurgency: The Lake Chad Oil and Gas Connection. *Politics and Religion*: 1–34. URL: <https://penpushers.com.ng/wp-content/uploads/2021/07/Untold-Story-of-Boko-Haram-Insurgency.pdf>.

Stewart, Ph. 2016. Boko Haram Fracturing over Islamic State Ties, U.S. General Warns. *Reuters* June 22. URL: <https://www.reuters.com/article/us-usa-nigeria-boko-haram-idUSKCN0Z72WT>.

Suspected Female Suicide Bombers Kill at Least 18 in Nigeria, Authorities Say. 2024. *The Times of India* June 30. URL: <https://timesofindia.indiatimes.com/world/rest-of-world/suspected-female-suicide-bombers-kill-at-least-18-in-nigeria-authorities-say/articleshow/111384765.cms>.

Terror Attacks and Kidnappings Spread in Nigeria: why Lagos could Be a Target. 2024. *The Conversation* June 25. URL: <https://theconversation.com/terror-attacks-and-kidnappings-spread-in-nigeria-why-lagos-could-be-a-target-231881>.

Twenty Years after 9/11. 2021. *A Special Issue of CTC Sentinel* 14(7): 1–5. URL: <https://ctc.westpoint.edu/wp-content/uploads/2021/09/CTC-SENTINEL-072021.pdf>.

Yusuf, B. 2024. BREAKING: Panic as Students Allegedly Gunned Down at Shi'ite School in Yobe. *Legit* August 30. URL: <https://www.legit.ng/nigeria/1611178-breaking-panic-students-gunned-shiite-school/>.

HISTORY AND MODERNITY

*Contents and Abstracts**No. 3(53)/2024**Africa between peace and war**Special issue**Forecasts and risks of African development*

Vadim V. Ustyuzhanin, Yulia V. Zinkina, Andrey V. Korotayev. Towards Probabilistic Forecasting of Africa's Economic Future (pp. 3–17).

The forecasts of probable dynamics of the GDP per capita have been made for a number of countries in East, Southern, West and Central Africa. At first sight, the forecasts obtained are quite consistent with optimistic ideas about African development. However, their implementation is not guaranteed due to a number of factors and trends.

The first is the trend of a rather slow decline in fertility rates in many of the countries considered. If this is not accelerated, it could significantly reduce the impact of the much-anticipated “demographic dividend” and pose a threat to achieving sustainable growth in GDP per capita. The trend of extremely slow productivity growth in agriculture is a major concern, as it hampers the improvement of the situation of those employed in this sector, which could contribute to rising inequality as productivity increases in the modern sectors and increase the risks of destabilization.

Keywords: Africa, African Development Bank, GDP, human capital, human life indicator, demographic dividend, fertility decline, economic growth.

Ilya A. Medvedev, Vadim V. Ustyuzhanin, Yulia V. Zinkina, Ivan Yu. Chernomorchenko, Andrey V. Korotayev. Experience in Assessing the Risks of Large-Scale Armed Political Destabilization in African Countries Using Machine Learning Methods (pp. 18–44).

The article presents an assessment of the risks of large-scale political destabilization/civil wars in African countries using machine learning techniques. The main focus is on the application of algorithms, in particular the CatBoost model, to the analysis of a wide range of data from interdisciplinary sources (economic, social and political). A distinction is made between stable countries and countries that have experienced or are experiencing instability. The highest risks of political destabilization are predicted for large, poor countries with natural resources, high population growth rates, and low levels of urbanization and education. The most stable countries are confirmed to be small and island states with homogeneous populations, as well as the countries of southern Africa, which are characterized by low birth rates, high urbanization and education levels compared to other regions of the African continent. Particular attention is

paid to the importance of demographic factors, confirming the relevance of the “youth bulge” theory in the analysis of large-scale political destabilization in Africa. It is argued that the presence of easily accessible natural resources, such as gold or oil, significantly increases the risks of large-scale political destabilization in countries with weak political institutions.

Keywords: Africa, destabilization, natural resources, political institutions, youth bulges, destabilization risks, database.

Andrey V. Korotayev, Ilya A. Medvedev, Yulia V. Zinkina. Towards Ranking Factors of Large-Scale Armed Political Destabilization in African Countries Using Machine Learning Methods (pp. 45–68).

In the modern world, political processes are becoming increasingly complex and dynamic, requiring new approaches to their analysis and prediction. One of the most popular of these approaches is the use of machine learning techniques, which can process large amounts of data and, most importantly, identify hidden patterns. However, in order for machine learning models to be effective, their parameters must be correctly evaluated. This study aims to provide a preliminary ranking of the factors of large-scale armed political destabilization in African countries using machine learning techniques.

Keywords: Africa, socio-political instability, armed conflicts, destabilization factors, GDP, machine learning methods, CatBoost, cross-validation, PRAUC.

Rivalry between global and regional players in Africa

Timur R. Khayrullin, Andrey V. Korotayev. The Fight for Somalia (pp. 69–86).

In recent decades, the Somali state has become an arena for the competition among regional and global players for a dominant position. Turkey plays an important role in solving Somalia’s internal problems and has significantly strengthened its position over the past decade by concluding military-technical and trade-economic agreements. Ankara often closely cooperates with Qatar in Somalia, demonstrating allied relations. The so-called Turkish-Qatari alliance acts as a counterweight to the growing role of Saudi Arabia and the UAE, which are also seeking to strengthen their positions in the Somali state.

Riyadh and Abu Dhabi, in turn, oppose the spread of Shai influence on the side of Iran. Somalia’s immediate neighbors, such as Ethiopia and Egypt, play an important role. In addition, the presence of a number of unresolved internal and external problems, as well as the problem of weak central power, forces Mogadishu to diversify its relations and seek help from all actors interested in strengthening their positions in Somalia, thus increasing rivalry and competition between them. These circumstances should be taken into account by the Russian Federation when developing its foreign policy in the Horn of Africa region.

Keywords: Somalia, instability, Horn of Africa, radical Islamism, terrorism, extremism, regional powers, Turkey, Saudi Arabia, UAE, Qatar, Iran.

Anton L. Grinin, Leonid E. Grinin, Andrey V. Korotayev. *The African Aspect of the Struggle for a New World Order. The Rise of Africa and the Intensifying Competition for It* (pp. 87–112).

Although Africa's geopolitical role is not so great today, it is noticeably growing, and its economic, demographic and other roles are increasing as well. Therefore, we can assume that the 21st century will ultimately be the century of Africa and that it is the continent of the future. Africa is the fastest growing continent, and its growth (demographic, economic, etc.) already influences the World System and will inevitably do so even more noticeably in the future. The growth of African societies will bring both problems and opportunities. We believe that the greater Africa's role, the more it will be affected by world-system processes (and vice versa, the more it will influence the World System).

Africa's development is full of contradictions and possible conflicts, but at the same time there is a powerful dynamic and a great potential that is already being exhausted in the Western world. Africa is making and will increasingly make its contribution to the process of pulling the Third World towards the First, *i.e.*, the Great Convergence.

As Africa becomes more important to the world system and to individual great powers, the competition for its markets, resources and political support will intensify. Moreover, the faster Africa develops, the more active and intense will be the geopolitical struggle for influence in African countries and in Africa as a whole.

The article examines the policies of various countries, including the Russian Federation, in Africa.

Keywords: World System, Africa, Tropical Africa, continent of the future, revolutions, economic development, competition for Africa.

The problem of instability and ways to solve it

Sergey V. Kostelyanets. *From Revolution to War: The Difficulties of Sudanese Political Transit* (pp. 113–124).

The prerequisites, causes and consequences of the outbreak of armed clashes in Sudan on April 15, 2023 between the state army and the paramilitary organization "Rapid Support Forces" (RSF), which over time developed into a full-scale civil war, are examined. The immediate trigger of the conflict was the failure of two Sudanese military leaders – General Abdel Fattah al-Burhan, commander-in-chief and chairman of the Sovereign Transitional Council (STC), and Lieutenant General Mohammed Hamdan Dagolo, alias Hemeti, his deputy in the STC and commander of the STC – to agree on the terms of the STC's integration into the army, as provided by the framework agreement signed between the main Sudanese political parties and the military on Decem-

ber 5, 2022. It is shown that the prerequisite for the outbreak of the war, which by mid-2024 caused death of more than 18,000 Sudanese, was the collapse of the 30-year (1989–2019) military-Islamist regime of Omar al-Bashir, which marked the beginning of the current acute cycle of destabilization. In addition, the key structural factors of instability in Sudan are identified, which have repeatedly caused political crises, mass unrest and coups d'état over the decades since the country gained independence: the lack of a functioning mechanism for democratic transfer of power and the rigidity of Sudanese regimes; a corrupt and unbalanced regional system of distribution of material goods; unresolved ethno-political conflicts in the periphery. In the post-revolutionary period from 2019 to 2022, socio-political tensions and high levels of violence persisted in society, and the compromise model of political transition imposed by external forces in 2019 did not satisfy either the elites, who sought to preserve their assets and influence, nor the opposition, including the street opposition, which demanded a thorough investigation and prosecution of the crimes of both representatives of the al-Bashir regime and the military junta that ousted him. Against the backdrop of growing fears among the Sudanese military leaders of losing power, wealth and personal freedom, the worsening economic crisis in the country, and the destabilizing actions of elements of the former military-Islamist regime and some external actors, a split has finally emerged between the army and the STC, whose leaders – al-Burhan and Hemeti, respectively – have bet on a forceful resolution of the accumulated contradictions.

Keywords: Sudan, political transition, rapid support forces, Africa, extremism.

Alexander M. Zhabikov. On Propagation of Religious Extremism and Terrorism in West Africa (pp. 125–143).

In West Africa, religious extremism and terrorism are spreading from two main hotbeds: the Lake Chad Basin and the Liptako-Gourma region of the Sahel. We have following identified the main reasons for local support for religious radicalism: poverty, unemployment, social injustice and the marginalisation of nomadic herders in conflicts with sedentary farmers. The main types of terrorist attacks in West Africa are: attacks in capitals with the aim of attracting international attention, mass and individual terror, kidnapping, mining roads with improvised explosive devices, the use of suicide bombers and attacks on foreign companies and their employees. Similarities between the actions of terrorist groups and their common their goals are noted, which are the undermining of the authority and subsequent destruction of the modern state, as well as the creation of an “Islamic” (in the extremists’ understanding) quasi-state in its place. We also assess the number of victims of armed conflicts in the Lake Chad Basin and the Sahel region. The counter-terrorism strategies of West African states are considered. It points out that, due to the transnational nature of terrorist groups, one of the key elements of counter-terrorism activities in West

Africa has become the interaction between neighbouring states within the framework of specific formats, currently the Joint Multinational Task Force and the Alliance of Sahel States. The reasons for the ineffectiveness of the “Group of Five Sahel” are identified: excessive focus on the interests of France, which sought to shift a significant part of the costs of combating terrorism in the region to African allies and to lobby for the interests of its military-industrial complex. The Russian Federation’s assistance to West African states in the fight against terrorism is analysed. Our country is a traditional supplier of combat and transport helicopters to Nigeria and it also sends its military specialists and instructors to the Sahel countries, where they train personnel and participate in combat operations. In conclusion, it is important to bear in mind that the fight against terrorism and religious extremism is an extremely complex task, the solution to which may take decades.

Keywords: religious extremism, terrorism, counter-terrorism, West Africa, Nigeria, Sahel region.

Mikhail I. Klyuchnikov, Alexander Yu. Shipilov. Ethnopolitical Conflicts in Ethiopia at the Present Stage (pp. 144–151).

A number of factors, ranging from ethnic and religious factors to the physical and geographical conditions of the territory, have facilitated the emergence of modern ethno-political conflicts in Ethiopia. The struggle for power among the country's ethnic elites, mainly between the Oromo, Amhara and Tigray, has significantly strengthened the former. Ethiopian statehood has proved its viability during the conflicts in Tigray (2020–2022), Amhara (2023) and Oromia (2021–2024), but a number of historical and political reasons contribute to the maintenance of centrifugal trends in the country and determine the risks of renewed armed confrontation.

Keywords: Ethiopia, Tigray, Amhara, Oromia, ethno-political conflict.

Tatyana S. Denisova. The Ongoing Military and Political Conflict in the Lake Chad Basin (pp. 152–165).

The article examines the socio-political situation that has developed in the Lake Chad Basin (LCB) in relation to the activities of the Islamist armed group “The Islamic State of West Africa Province” (ISWAP), which was joined by militants from this disbanded armed faction after the death of Boko Haram leader Abubakar Shekau in 2021. The article analyses the crisis processes observed in the LCB against the backdrop of climatic catastrophes, the reconfiguration of the Lake’s shoreline, the intensification of rivalries between certain groups of the local population over access to natural resources, and the development of a war economy. It is shown that the crisis, which has military-political, socio-economic and environmental components and which engulfed the LCB in the 2010–2020s, has its roots in the pre-colonial and colonial periods of the region’s development. At present, the failure of public authorities,

the economic and political marginalisation of the Lake dwellers in the basin states of Nigeria, Niger, Cameroon and Chad, discrimination on religious, ethnic, cultural, geographical and other grounds, the unfair distribution of state revenues, the low standard of living, the prevalence of corruption, *etc.*, accelerate radicalisation and drive the local population to use terrorist methods to oppose the existing order. The author shows that while religion still plays an important role in Islamist recruitment, the appeal of dying under the banner of jihad is gradually being replaced by the desire to survive or even enrich oneself by collaborating with the rebels. Moreover, the region's inhabitants are constantly caught between two fires: the Islamists treat them as government agents, while the authorities in the LCB countries accuse them of collaborating with the militants. But since none of the states in the region can protect the local population, people prefer not to have a regular army present: contacts with the Islamists become rather pragmatic for them – to the benefit of both sides, especially since the ISWAP has established quasi-state structures in the territories it has captured – administrative and judicial bodies, special departments in charge of the army, trade, education, health, *etc.*, whose services the local population is forced to use.

Keywords: Lake Chad Basin, extremism, terrorism, radical Islamism, instability, post-coloniality.

Contents and Abstracts (pp. 166–171)

НАШИ АВТОРЫ

Гринин Антон Леонидович – кандидат биологических наук, научный сотрудник МГУ имени М. В. Ломоносова, старший научный сотрудник Центра изучения стабильности и рисков НИУ ВШЭ, главный научный сотрудник Международного центра образования и социально-гуманитарных исследований. E-mail: algrinin@gmail.com.

Гринин Леонид Ефимович – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, главный научный сотрудник Центра изучения стабильности и рисков НИУ ВШЭ, руководитель Евро-азиатского Центра мегаистории и системного прогнозирования. E-mail: leonid.grinin@gmail.com.

Денисова Татьяна Сергеевна – кандидат исторических наук, заведующая Центром изучения стран Африки южнее Сахары Института Африки РАН. E-mail: tsden@hotmail.com.

Жамбиков Александр Мунирович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра российско-африканских отношений и внешней политики стран Африки Института Африки РАН. E-mail: ambrci@mid.ru.

Зинькина Юлия Викторовна – доктор экономических наук, старший научный сотрудник Международной лаборатории демографии и человеческого капитала РАНХиГС, старший научный сотрудник Центра изучения стабильности и рисков НИУ ВШЭ, научный сотрудник факультета глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: juliazin@list.ru.

Ключников Михаил Игоревич – выпускник аспирантуры географического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: geomk@mail.ru.

Коротаев Андрей Витальевич – доктор философии (Ph.D.), доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра изучения стабильности и рисков НИУ ВШЭ, главный научный сотрудник Института Африки РАН. E-mail: akorotayev@gmail.com.

Костелянец Сергей Валерьянович – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Международного центра антропологии НИУ ВШЭ, ведущий научный сотрудник Центра изучения стабильности и рисков НИУ ВШЭ, заведующий Центром социологических и политологических исследований Института Африки РАН. E-mail: sergey.kostelyanyets@gmail.com

Медведев Илья Александрович – младший научный сотрудник Центра изучения стабильности и рисков НИУ ВШЭ.

Устюжанин Вадим Витальевич – младший научный сотрудник Центра изучения стабильности и рисков НИУ ВШЭ. E-mail: vvustiuzhanin@hse.ru.

Хайруллин Тимур Радикович – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН. E-mail: jumglaw16@yandex.ru.

Черноморченко Иван Юрьевич – магистрант НИУ ВШЭ.

Шипилов Александр Юрьевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник лаборатории «Институциональная история XX века» Института всеобщей истории РАН, ассистент кафедры теории и истории международных отношений РУДН имени Патриса Лумумбы. E-mail: alexmo1994@gmail.com.

«Историческая психология и социология истории»

Междисциплинарный научный журнал «Историческая психология и социология истории» выходит с 2008 года. В журнале публикуются материалы по сравнительным исследованиям психологических особенностей культур и исторических эпох, языков, картин мира, ценностных ориентаций и способов жизнедеятельности, взаимного влияния различных параметров социального бытия. Значительное место на страницах журнала отведено работам по глобальной и универсальной истории. В сферу интересов вовле-

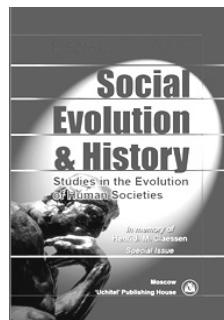
каются проблемы методологии междисциплинарных исследований, исторической и политической философии.

Ведущие темы публикаций:

- изучение динамики изменений массовой психологии в историческом процессе;
- сравнительные и кросс-культурные исследования психологии людей в различные исторические периоды;
- исследования в области исторической социологии;
- междисциплинарные исследования в области истории, культурной антропологии, психологии, социологии, семиотики и т. д.

Журнал ориентирован на широкий круг читателей: научных работников различных специальностей, преподавателей общественных дисциплин в вузах, аспирантов и студентов.

«Social Evolution & History»

Публикации этого международного журнала интегрируют достижения ученых разных отраслей гуманитарных наук, таких как антропология, история, социология, а также философия и теория истории. Журнал посвящен изучению различных аспектов эволюционных изменений в истории человечества. В журнале представлены многие современные подходы к социальной эволюции и предполагается возможность исторического обобщения.

В работе над журналом в разное время принимали участие ведущие антропологи и социологи мира: Хенри Классен, Питер Скальник, Рэндалл Коллинз, Кристофер Чейз-Данн и др. Это журнал для тех, кто пытается понять, как развивались человеческие общества в прошлом и как они продолжают развиваться в настоящем.

Журнал издается (и, соответственно, принимает к рассмотрению рукописи) только на английском языке. Уровень английского языка в статье имеет значение при решении вопроса о ее публикации.

«Век глобализации»

Журнал призван объединить усилия в области глобальных исследований, он является творческой площадкой, на которой специалисты из различных областей научного теоретического и прикладного знания анализируют актуальные проблемы глобализации и ее последствий, глобальные тенденции и проблемы, предлагают теоретические и практические решения в области глобалистики, а также апробируют и обсуждают новые идеи, выступают с рецензиями, экспертными оценками и т. п.

Ведущие темы публикаций: теоретические и прикладные аспекты глобалистики; философское и научно-техническое осмысление глобальных процессов; основные тренды мирового и регионального развития: научный и философский анализ; история и особенности развития отечественной и зарубежной глобалистики; экономические, политические, социальные, культурные, религиозные, этические и другие проблемы глобализации и ее последствий; взаимодействие природы и общества: экология, ресурсы, природопользование; глобальные проблемы современности; проблемы человека в мире глобальных отношений; анализ российских реалий в контексте процессов и проблем глобализации; футурологические аспекты глобализации.

Журнал «Век глобализации» внесен в список журналов, входящих в базу данных RSCI.

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендуемых Высшей аттестационной комиссией России (ВАК) для опубликования основных научных результатов диссертации на соискание ученой степени кандидата и доктора наук по специальностям:

- 5.7.4. Этика (философские науки).
- 5.7.6. Философия науки и техники (философские науки).
- 5.7.7. Социальная и политическая философия (философские науки).
- 5.7.8. Философская антропология, философия культуры (философские науки).
- 5.5.4. Международные отношения (политические науки).

Уважаемые подписчики!

Обо всех проблемах, связанных с подпиской и получением журнала, просим сообщать нам по адресу: 400059, г. Волгоград, а/я 114. Тел.: (8442) 42-04-08, 42-24-79, издательство «Учитель» (журнал «История и современность»). Мы постараемся помочь вам.

**«История и современность».
№ 3(53), 2024. – 176 с.**

Ответственная за выпуск *Е. А. Никифорова*
Художники *Ю. Э. Кульпина, М. В. Николаев*
Верстка *О. И. Вереницыной, М. И. Кухаревой*
Корректор *Н. И. Тихонова*

Свидетельство о регистрации ПИ № 77-17698 от 09.03.2004
выдано Министерством Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций

© Издательство «Учитель»
400079, г. Волгоград, ул. Кирова, д. 143.
Тел.: (8442) 42-04-08.
E-mail: peruch@mail.ru

Цена свободная.

Подписано в печать 09.09.24. Дата выхода: 23.09.24.
Формат 60×90/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 11.
Тираж 1000 экз.

Отпечатано в АО «Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корпус 5
Заказ № 214953.